

Сергей Мещеряков

Ветер над Ибирью

Сергей Мещеряков
Ветер над Ибирью

«Автор»

2026

Мещеряков С. К.

Ветер над Ибирью / С. К. Мещеряков — «Автор», 2026

Конец 16 века, последние годы царствования Ивана Четвертого. Южные и восточные территории Руси подвергаются опустошительным набегам воинственных соседей; сил для защиты своих рубежей не хватает...

© Мещеряков С. К., 2026

© Автор, 2026

Сергей Мещеряков

Ветер над Ибирью

КНИГА ПЕРВАЯ. «СЫН АТАМАНА»

“ Проклятые!!.. Чтоб вам тою горилкой, что опились вы с утра, вечером же вам и захлебнуться! Чтоб вы вместо галушки спмчку проглотили, чтоб... Что – угомонились вроде, замолкли?.. Но новый взрыв хохота грянул, заглушил чьи-то возбужденные голоса,- нет не уснуть! Не дадут ведь, черти.

Не проснувшись еще совсем, резко вскочил Богдан, но неведомая сила ударила в лоб, бросила назад, наземь; голова раскололась от боли, перед закрытыми глазами плясали желтые круги – точно саблю по темячку хватили. Да что ж это, что за наважденье?! Сбросив остатки сна, открыл наконец Богдан глаза – и враз все понял.

Он лежал под возом, куда, чуть живой от усталости – всю ночь по приказу куренного сгоняли они табуны – свалился он под утро, и вот теперь, разбуженный, вскочил и смаху ударился лбом о деревянную балку, что шла поперек дна воза. Случится же такое!

Но кто это гогочет, точно гусиное стадо, внезапно застигнутое в степи градом? И – над чем?.. Зевнув, с хрустом потянул казак затекшие руки и проворно выбрался из-под воза.

Стояло утро, тихое и пасмурное; небо до самого горизонта выслано было тучами. Далеко на юге, над свинцовой гладью Днепра, поблескивали зарницы, и в неподвижном воздухе витал едва уловимый, бодрящий запах грозы.

А Сечь же, как и всегда, подобна необъятной степи под буйным весенним ветром,- то же мелькание ярких и пестрых красок, и постоянное движение, и ровный, густой шум: там скрипит, проезжая, воз, оттуда доносится шутивная перебранка, здесь песню играют, в кузнице молот бухает, где-то залиvisto и задорно ржет лошадь... А прямо перед ним, шагах всего в десяти, и расположились на вольном воздухе те, кто и разбудил его.

И словно вихрем выдуло сонное оцепенение, как рукой сняло злость за прерванный сон! В молодой и романтической, не огрубевшей еще душе шевельнулась гордость – ведь и он, Бодан, полноправный член того же вольного и славного братства, что и люди, сидящие и стоящие вокруг стола.

Собрался здесь весь цвет запорожского казачества, вся, почитай, казацкая старшина...

- ...А ты пиши, Иван, пиши, что земля – она и вправду всем на зависть у нас; так пусть султан и шлет своих янычаров – всем им земли хватит... на могилы!

Новый взрыв хохота...

Обхватив руками необъятное свое брюхо, хохочет Григорий Лобода, и вислые усы его вздрагивают иколышатся в такт животу. Бывалый он, и уважают его на Сечи за храбрость и острый, гибкий ум. Лишь некоторым он не по душе: не нравится многим пожилым казакам, что хутор его - на вид как усадьба шляхтича; двух сынов своих в Вильне выучил, но на Сечи казать их не спешит - в Кракове живут они. Дочь же выдал замуж за поляка, да не за кого-нибудь - за сына князя Константина Острожского, киевского воеводы. Да и сам-то Лобода, говорят, в хуторе своем одевается как знатный шляхтич, нижет пальцы дорогими перстнями. Да, непрост, ох и непрост Лобода!..

Ну, так это, а на Сечи ничем худым себя он не запятнал, напротив - его хитрость и смекалка принесли воинству казацкому немало пользы. Потому Лобода - уважаемый полковник, не раз выбираем был походным атаманом; поэтому и смотрят на него молодые казаки с обожанием. А вот кое-кто из старых, седых казаков - сиромых, о завтрашнем дне не думающих,

ревностных хранителей старины,- кое-кто за глаза и в глаза осуждает его: опанел, мол! Ну, а молодежь глядит на полковника с почтением и завистью.

То ли дело Микита Перец, тот, что и сказал вызвавшую общий смех последнюю фразу; тот во всем казак! Вчера щеголял он богатым бархатным, расшитым золотом камзолом, невесть где добытым, а сегодня уж и нету его. В шинке оставил либо в зернь проиграл, оставшись до пояса нагим - шапку-то еще раньше пропил. Теперь - очередь за золотой серьгой, что болтается в правом ухе. И все: шаровар, креста нательного, сапог да оружия казак никогда не пропьет. Это - совестно. А все иное - можно!

Микита, прозванный так за острый, злой свой язык, о прожитом не грустит. Камзол? Что за важность; да он в следующем походе десять таких добудет! Если, конечно, Бог даст живым воротиться...

Но Перец об этом не думает - вообще он о будущем не гадает. Зачем? Чему быть, тому не миновать - такова уж казачья доля.

Под стать ему и другой куренной атаман - Иван Горобец. У того - любимая шутка есть: "Когда мне год от роду было, - посмеиваясь, говорит Иван, - то и голова моя вот такая была!" - и кажет своему собеседнику свой кулачище, которым он без особого замаха валит наземь вола. Этим кулаком сейчас бьет он по спине Перца, восхищенный его ядовитыми и насмешливыми словами. И гулкий хохот его, точно волною, покрывает смех окружающих.

Что-то хочет сказать, но, раздираемый смехом, не может этого сделать Яким Буренок, старый казак, вот уже добрый десяток лет бессменный атаман Переяславского куреня; он и рукой кажет куда-то на юг, в сторону Туретчины и Крыма, - а слова вот застряли в горле, перехваченном хохотом.

Мелко - мелко дрожит и трясется от смеха единственный пьяный здесь (все - то трезвые, серьезное ведь дело решают!) Хома Руда, самый старый из куренных атаманов, - аж слезы выступили!

Впервые Богдан - да и другие тоже - слышат смех его. А прежде, за все долгие проведенные на Сечи годы ни разу не засмеялся он - лишь иногда улыбался. Но что это была за улыбка!..

...Давно уж - полвека тому назад - теплым апрельским днем пахал Хома, тогда еще пятнадцатилетний веселый парубок, с дедом пашню на поле своего господина, вельможного пана Попельского. Солнце уже подошло к зениту, и ратаи - и сам Хома, и дед, и впряженная в соху дряхлая кляча, - порядком уже притомились и проголодались.

Уже донес до них легкий ласковый ветерок звонкую песенку - то шла к работникам Галинка, сестра Хомы, неся им в узелке нехитрый крестьянский обед.

Но как раз в ту минуту, как подошла к ним девушка, вынесла злая судьба из недалекой рощицы самого Августа Попельского; со свитой возвращался вельможа с утренней охоты, и путь всадников лежал как раз мимо ракитового куста, под которым разложил узелок дед.

Проехав мимо них, пан скользнул лениво - равнодушным взглядом по стоящим на коленях холопам и двинулся было дальше, но вдруг натянул поводья и пристально поглядел на Галинку.

Та, почувствовав на себе его упорный, словно бы ощупывающий взор, несмело подняла голову. Пан поманил ее пальцем; не чуя ног под собою, она поднялась и подошла.

- Ближе! - нетерпеливо и отрывисто скомандовал Попельской, и, когда девушка приблизилась вплотную, нагнулся, пальцем приподнял за подбородок опущенную голову и оглядел ее всю - от зардевшегося лица до маленьких, покрытых пылью ступней. Слабая улыбка дрожала на его холеном лице... И внезапно, отпустив девушку и выпрямляясь, он сделал рукой какой-то знак.

Все произошло мгновенно, - бывший рядом с паном один из слуг ударил коня каблуками, перегнулся, - и, не успев даже вскрикнуть, подхваченная сильными руками Галинка оказалась лежащей поперек седла.

Точно подбросило деда; подскочив, вцепился он в панское стремя и, целуя пыльную кожу сапога, заговорил прерывающимся, дрожащим голосом:

- Пан!! Милостивый! Пожалей сироту !..

- Сирота, говоришь ты? - переспросил пан, - добро же! Ей будет хорошо у меня; я уж о ней позабочусь!

- Сжался, ваша светлость! всю жизнь... всю жизнь Бога за тебя молить станем!

- Сказал же - позабочусь! - возвысил голос Попельской, - пошел! Ну?!

- Пан, - конь было тронулся, но дед крепко вцепился в повод, - не губи девку!..

- Т-ты! - нагайка со свистом рассекла воздух, - брось поводья, пся крев!

Но старик, едва шевеля напрочь рассеченными губами, не размыкал рук и шептал:

- Яви же милость, вельможный пан! Пожалей...

Взбешенный, пан вырвал из-за пояса богато украшенный пистоль и со всего размаха опустил тяжелую рукоятку на непокрытую голову старика; без звука повалился тот под ноги всхрапнувшему коню.

А дальше... и не помнит Хома, что дальше было. Очнулся он в руках двух дюжих слуг, крепко его державших. Попельской, еще больше побледневший, тяжело дыша, говорил:

- Вот... Вот какие вы все... На господина! на господина посмел броситься... О! Повесить! Завтра же вздернуть! И холопов всех согнать - всех до единого, чтоб знали, чтоб видели... А руку, на господина поднявшуюся, сей же час отрубить! Да, отрубить! Ну!.. Чего встали?!

Один из слуг бросился торопливо доставать притороченный к седлу топор, но тут из толпы слуг и вассалов неспешно выехал шляхтич.

Был он по-старчески грузен и сед, но в седле сидел крепко, а в быстрых его движениях чувствовалась сила. Лицо - красное, на левой щеке старый сабельный шрам. А глаза - живые, смотрят на мир из-под мохнатых бровей весело и озорно.

- Дозволь сказать, пан Попельской? - густым басом произнес он, делая слуге знак остановиться, и продолжил:

- А не погорячился ли ты, вельможный пан? Не поторопился ли?..

Мало кто осмеливался дерзить пану Августу... Но старый Тышкевич имел на это право!

... Несколько лет назад командовал Попельской эскадроном королевских гусар; и вот раз в конной сшибке умелый противник выбил из его рук саблю, вышиб из седла, и уже взметнулся над паном занесенный вражий клинок - но коршуном налетел на запорожца Тышкевич, подставил под уже срывающийся удар свой палаш, извернулся - и вот под его ударом покатила наземь чубатая голова.

А Попельской вскочил было на ноги, - но где ему, спешенному да обезоруженному, уцелеть среди всадников?.. И пропал бы он, пожалуй, - но Тышкевич живо спрыгнул наземь, сунул пану повод в руки, - садись!! А сам метнулся к оставшейся без седока лошади, вскочил в седло... И, наверно, на всю жизнь запомнил тот мимолетный взгляд, каким наградил его Попельской, принимая из его рук повод... Тогда, в бою, не до слов было! Но навсегда запомнил Август Попельской шляхетскую верность Тышкевича. Оттого старику и было многое дозволено...

- Не пойму я что-то тебя, пан Тышкевич, - пожал Попельской плечами, - странно! С каких это пор ты холопов жалеть начал?.. Или наградить мне его за то, что на меня кинулся? Так, по-твоему?

- Что бросился - его грех. То так. Но... но ведь бросился же! Не побоялся! Такому не холопом, такому шляхтичем родиться бы надо!.. Прости его, вельможный пан. За смелость прости.

- Простить? - пан искоса взглянул на Хому, которого все еще держал холоп. Парубок смотрел на господина открыто и недоброжелательно, - немая угроза так и плясала в широко раскрытых его глазах.

- А ты видишь, как он смотрит на меня? Каяться и не думает!- воскликнул пан, начиная вновь раздражаться.

- А... ты бы как смотрел на его месте?- в упор заглянув в панские глаза, совсем тихо спросил шляхтич, и Попельской на миг опустил лицо.

- Но наказать ведь надо...- колеблясь, нерешительно произнес он.

- Конечно! И пусть завтра ввалит ему плетей полсотни; запомнит надолго!- ухмыльнулся Тышкевич.

- Запомнит! - презрительно скривился другой шляхтич, совсем молодой еще - года лишь на два старше Хома.- Запомнит!.. И в следующий раз уже не с пустыми руками,- с ножом на пана своего бросится. Уверует в свою безнаказанность! Да разве плети наказание? Почешется и забудет! А без руки бы помнил... Да вон - он и сейчас волком смотрит!

Попельской молчал, раздумывая, -и, наконец, решился.

- Эй ты, неразумный волчонок! Я могу простить тебя... Падай на колени, проси прощения и милости! Отпусти его, Ян.

Но, брошенный холопом, Хома нагнулся, тронул деда... Рука старика была вялой и холодной, точно срубленная ветка. Выпрямившись, парубок глянул пану прямо в глаза.

- Ах, ты - вот как?! Так-то ты прощения просишь? Что ж, придется оставить тебе добрую память, чтоб помнил, кто твой господин... Ну-ка, подведите его ко мне!- сквозь зубы произнес поляк.

Когда слуги подтащили его к панскому коню, Попельской процедил, кривя в злой улыбке губы:

- Руку я тебе оставлю - без нее холопу нельзя. А на память же...- он достал из сумки небольшой, в серебро оправленный ножик; взял двумя пальцами ухо Хома - и отрезал его неторопливо, швырнул наземь. Неторопливо взялся за второе...

Парубок не вскрикнул, не вздрогнул даже. Он глядел пану прямо в лицо, и, перехватив его взор, Попельской внутренне содрогнулся - так не по-детски страшен был взгляд парубка. И пан вдруг погасил улыбку, торопливо отсек и правое ухо Хома, отбросил его прочь; следом полетел и ножик. Вытирая окровавленные пальцы тончайшим батистовым платком, Попельской с силою ударил коня каблуками. Свита тронулась за ним.

- Прощай, братику! - донес беспечный ласковый ветерок до Хома последний вскрик - стон Галинки. Он дернулся было, хотел бежать к ней - но силы оставили его и, теряя сознание, опустил парубок на мягкую нагретую солнцем пашню.

Очнулся он, когда вечернее солнце уже клонилось к лесу. Встал, огляделся, и взор его упал на неподвижно лежащего на земле деда.

Подумав, Хома шагнул к нему; поднял нетяжелое, худощавое тело на руки и зашагал к рощице.

Спустя часа три работа была закончена - над небольшим холмиком свежевырытой земли возвышался связанный из березовых веток крест. И только тогда выпряг Хома кобылу, все еще покорно стоявшую у сохи. Напоил ее в ручье, и пока она пила, смыл со щек и шеи засохшую кровь. Потом надолго задумался, долгим - долгим взглядом оглядел могилу; из горла его, из-за сжатых губ вырвался короткий, приглушенный стон... Вдруг он вернулся к месту, где убит был дед, что-то долго искал на земле, а найдя - сунул за пазуху. И, не колеблясь более, вскочил на кобылу. В последний раз оглянулся на могилу - сухими, без слез глазами и ударил пятками в теплые конские бока. Лошаденка тронула мелкой тряской рысью; Хома направлял ее так, чтобы кроваво - красный закат был от него по правую руку, - на полдень лежал его путь. Ехал он всю ночь; днем в лесу поспал малость, подкрепился куском краяхи, что прихватил он с собою, а когда посиневшее небо заблестело звездной россыпью - вновь пустился в путь. Через две недели был он уже на Сечи...

...Бывает, что не раз и не два шлют на Сечь гонцов крестьяне какого-то села: замордовал, мол, проклятый пан донельзя, житья от него нет, а он все больше и больше лютеет... Несколько раз подряд приходят такие ходоки, и кошевой понимает, что и вправду несладко живется селянам. А если так - помочь им надобно.

И вот тогда-то, взявши с собою полсотни казаков, отправляется Хома в путь. Долго идут они - двигаться-то приходится ночами от чужого глаза берегясь; и вот наконец запорожцы у цели. День переждав в лесной чаще либо в глухом буераке снимаются казаки с места уже с темнотою чтоб достичь панского замка уже глухой ночью.

Бесшумно отворяются тяжелые створки ворот, которые сегодня “забыли” запереть верные люди из дворни; безмолвный поток всадников точно река вливается на широкое подворье... И - начинается!

Преданные пану слуги, разбуженные легким неясным шумом, вскидываются было, но тотчас застывают на ложе, навек упокоенные ударом ножа. Панскую же семью, безмятежно спящую на пуховых перинах, казаки выволакивают во двор, посредине которого на своем гнедом жеребце неподвижной статуей застыл Хома.

Глаза запорожцев прикованы к молодым паннам, чье белое тело скрыто лишь тончайшей батистовой сорочкой, но Хома запрещает их трогать. Когда же все они собьются в тесную, от ужаса молчащую кучу, делает атаман знак рукою. Двое дюжих казаков по очереди подводят каждого из них к Хоме, а тот достает небольшой, серебром отделанный ножик (от многих кровей, бывших на нем, давно уж заржавело лезвие), и отрезает оба уха - каждому. Всем! Не минует равнодушное лезвие ни седого старого пана, ни его молоденькой красавицы - дочери, ни младенца грудного. То - месть за себя.

А потом - казаки пинками гонят всех их обратно в дом, из которого к тому времени уже вынесено все ценное, - всю панскую семью, от мала до велика. Запорожцы и помогающие им селяне подпирают нарядные резные двери бревном, накрепко затворяют тяжелые оконные ставни; вот уже охапки сухой соломы подложены под высокое крыльцо; негромко щелкает в тишине трут, брызжет во тьму искра...

Через несколько минут подворье озарено неровным, ярким пламенем; от жара скручиваются и желтеют листья вековых лип, окружающих дом. Даже бывалым казакам становится не по себе от крика, рвущегося из дома, - крик этот заглушает шум пожара, и крестьяне и казаки помоложе торопливо идут прочь, крестясь и не смея оглянуться назад.

Но старый Хома не отворачивается; испуганный великим огнем и жаром, конь его приседает, прядет ушами и пятится. Атаман же, сжимая бока его коленями, принуждает гнедого оставаться на месте и все глядит, глядит, пристально и безмолвно глядит в огонь.

Отблески пламени играют в его немигающих очах... Вот тогда-то он и улыбается; и если кто, случайно заглянув в лицо его в эти мгновения, увидит его улыбку, то долго ее не забудет: так по-бесовски страшна она... То - месть за Галинку, сестру.

Вот такой он человек, куренной атаман Хома Руда. А сейчас - и он смеется, впервые за многие годы. И, если взглянуть на него сбоку, то и лицо его при смехе, оказывается, не каменно - холодное, как обычно, а доброе и лукавое.

Хотя, впрочем, и не все тут смеются. Остап Лабутько, стоя за спиною у Лободы, поглядывает на хохочущих спокойно и даже с жалостью. Много повидал на своем веку старый казак: холопство у пана и бегство потом на Сечь; походы в Туретчину и Крым, и плен там; пыль огромной площади - рынка рабов в Стамбуле, душный трюм галеры и тяжелое весло... Потом было кораблекрушение у берегов Адриаики, чудное спасение, долгие мытарства в чужих землях и возвращение домой, на Сечь.

Кровь казака давно остыла уже, на жизнь смотрит он не так, как беспечная молодежь, - потому-то и во взоре его - затаенная печаль. Эх, радуется вы войне новой, бранной потехе,

горячие вы головушки? А кто скажет, - сколько их, голов-то казачих, на войне той с плеч покажутся?..

Да и те двое, что краснея нарядными жупанами своими, стоят позади Буренка - и те не смеются. Передний скользит цепким взглядом по лицам старшины, примечает, кто что говорит, а задний силится на бумагу глянуть, разобрать - а что там малюет на ней Иван - писарь?

И - еще один не смеется... Спокойно лицо его, точно выточенное из светлого мрамора, и только орлиные, холодным и бешеным огнем горящие очи одни выдают кипящее в нем великое волнение. И ясно, почему не до смеха ему, - оттого, что видит он глазами своими то, чего за смехом и шутками не разглядеть прочим.- видит он на много времени вперед!

Просто одет он, и в одежде его только два цвета - черный да коричневый, и ни единого украшения, какие любят носить (покуда не пропьют) запорожцы, не видно на нем; разве что - рукоять сабли: ножны-то простые, потертые - а отделанная золотом, украшенная крупными лалами и изумрудами рукоять стоит целого табуна отборных татарских коней. В пестрой и шумной толпе старшины человек этот с первого взгляда и незаметен.

Но именно он в центре всей этой живописной группы; успевая и выслушать всех, и свою шутку бросить - а над его шутками гогочут дюжей, чем над шутками Перца, - и, потягивая люльку свою, окинуть всех летучим, внимательным взглядом, - в то же время он негромко и уверенно диктует писарю, что писать - и тот пишет с его слов, пропуская мимо ушей реплики прочих, и наперед знает при этом, что в конце концов получится так, что будут довольны и старшина, и все войско.

Так чем же все-таки выделяется он, почему невольно останавливается на нем взгляд?..

Кто знает... Наверное - от какой-то исходящей от него могучей, ясно ощутимой внутренней силы! Это - кошевой атаман Степан Безрукий, прозванный еще Удачей. И не зря прозвали его так: вот уж добрый десяток лет бессменно ходит он в кошевых атаманах, и за все это время любой поход, любая битва под его началом всегда приносят запорожцам победу и богатую добычу - и всякий раз с малыми для них потерями. А может, потому такое прозвище получил атаман, что за те двадцать пять лет, что провел он на Сечи, в походах и схватках, ни разу не был Степан ранен - точно заговорили его?

Никто точно не скажет, почему его так кличут. Зато всякий знает - гремит слава атамана Удачи далеко за пределами Сечи - знают его и в Крыму, и в Польском Королевстве, и в далекой Турецкой Земле.

И тем приятнее Богдану глядеть на удалых и отважных людей этих и сознавать, гордиться тем, что самый выдающийся из них, их предводитель атаман Удача - его, Богдана, отец!..

ЧАСТЬ 1. "НА ДОНУ"

Глава 1. "В атаманском шатре".

Отложив брусок в сторону, Богдан взял в правую руку чистую суконную тряпицу; прежде чем пустить ее в дело, осторожно провел пальцем по острию. Острее не будет - бритва! Тщательно и неторопливо, почти с благоговением, вытер клинок и сунул его, сверкнувший холодным и жадным блеском в лучах заходящего солнца, в ножны, а в суму прибрал тряпицу и оселок. Все, теперь и отдохнуть можно, - завтра ведь выступать с зарею.

С зарею!.. Передовой курень переправится нынче ночью, прочие отряды - с утра: возы на пароме, конница же вплавь. А там, на левом берегу Днепра - на юг, восток и север, - на сколько хватает глаз, простирается необъятная степь, и на широкий ее простор выплеснется все запорожское войско, и двинется в сторону Крыма.

Но это будет утром, а пока все готовятся к походу. Кто оружие чинит, кто одежду, но большинство же повели коней к кузням, - несмотря на поздний час там во всю гремят молоты:

всех коней надобно перековать, всех до единого, - а ну как на походе подкова свалится - где ты в степи коваля отыщешь?

Сегодня большинство войска лягут тут же, под возами, а то и просто под открытым небом, а не в крепости, не в душных куренях: так сподручнее будет утром собраться и быстрее Днепр переплыть. Кое - кто уже улегся; так пора и ему, Богдану, тоже сделать. День - то завтра, да и иные дни трудными будут...

- Богдан, эй, Богдан! Слышишь ли?! Ступай в шатер к атаману, зовет тебя он!

Оглянувшись на голос, увидал Богдан казака своего куреня.

Ага!.. Неужто решил батько послать его в тот курень, что первым, в дозоре пойдет? Наверно, так - вспомнились Богдану отцовы слова:

- Добро же, сынку! - сказал ему Удача три месяца тому назад, в день его приезда на Сечь, - добро! Рад я видеть тебя; вот ты и дома! Вот и жизнь твоя начинается - а до этого ты жить лишь готовился. И знай, что первую трудную службу, какая случится, тебе поручу: либо докажешь, что добрый казак ты и в отца пошел, либо... Помни, крепко помни, Богдане: или буду я своим сыном гордиться, или сына у меня вовсе не будет! - закончил он решительно, обнимая сына.

Да, наверное, так! Вспомнил батько слова свои, вот и решил теперь послать сына в передовой отряд, что первым будет сшибаться с татарами. Вот это - честь!

И, размышляя так и сгорая от нетерпения, почти бегом шел молодой казак к невысокому холму, на котором нынешним вечером, в знак того, что завтра войско в поход выступает, разбили шатер атамана.

Шатер этот принадлежал когда-то богатому татарскому мурзе, и хоть лет ему было немало, снаружи был он красив и наряден: на тяжелую парчу стенок нашит бисер, серебряное и золотое шитье переплеталось замысловатыми узорами. Но это только снаружи!

Внутри же... Стоявший у входа казак кивнул Богдану: проходи, мол! И Богдан вошел.

Да, мало чего осталось внутри шатра от прежней роскоши: внутренний, тонкого китайского шелка полог был ободран; вместо прежних, изящных золоченых светильников - несколько кривых сальных свечей, а из убранства только и есть, что стол, две лавки да еще лежанка в углу, на доске которой тулуп брошен. И - все.

Но и это нехитрое убранство здесь останется: на походе все равны - и потому Удача, как и все, будет спать под возом, на охапке сена, если она сыщется, а то и просто на траве - как выйдет. Возьми он с собою шатер - казаки, не таясь, смеяться будут: всякую роскошь запорожцы презирают!

В шатре Удача за столом не один - несколько полковников с ним. Что-то важное, верно, решают, - понял Богдан. Войдя, он перекрестился, низко поклонился, - вначале в сторону единственной иконы, потом в сторону сидящих за столом. И, отойдя в сторону, скромно стал в углу - негоже ему, молодому, мешаться в беседу старших. Да и из них никто не повернул головы в его сторону, - не до него. Что ж, видно, батько будет толковать с ним с глазу на глаз.

Полковники негромко проговорили еще несколько минут - обсуждали, каким путем какому куреню идти к Перекопи.

- Ну, ладно, - подводя итог, произнес наконец атаман, - вроде бы все, панове? Ну, так выпьем же по чарке - и ступайте: дел у вас будет еще довольно. Пусть каждый тотчас же своих куренных соберет, да еще раз все им, что говорили мы здесь, и напомним. Да и сами, своим опытным глазом гляньте - а все ли в куренях ладно? Ну! - из стоящего на столе штофа плеснул он горилки в чарки, - Вот и чарка стремянная. Помогите нам Господь!

Выпив, дружно крякнули полковники, вытерли седые вислые усы и неторопясь поочередно выходили из-за стола; кивнув атаману крестятся на икону и - к выходу. Удача же, пристав, тоже кивал каждому.

Оставшись наконец один, атаман долго молчал глядя на мутный язычок свечного пламени Потом поднял голову и только тогда взглянул на Богдана

ГЛАВА 2 “ Отец и Сын “

- Проходи, проходи, сынку, - проходи да садись! Выпьем вот...- проговорил он, наполняя две чарки невнятно зашипевшей горилкой.- Бери чарку, чего ж ты? Не как отец с сыном - сейчас я с тобою как казак с казаком выпить хочу!

Очень был удивлен Богдан, что сыном его атаман назвал - прежде за три проведенных на Сечи месяца лишь раз назвал его Удача сыном, а то все - Богдан да Богдан: ничем отец не выделял его из тысяч прочих казаков...

Да и говорит он непривычно - ласково, и ведь выпить-то батько не любит, не жалует хмельного; вот и сейчас - с полковниками он долго толковал, а посуда с горилкой - едва почата: по разу выпили они - в конце беседы.

Богдан, конечно же, не раз пробовал уже горилку - ведь запорожцы, если не было войны, каждый вечер получали по доброй чарке, - не считая того, что днем выпивали они в шинках. И потому решительно взял молодой казак чарку, поднял ее - и махом опрокинул в горло, как делали то бывалые казаки, - да еще крякнуть хотел лихо - гляди, мол, батько, настоящим казак-ом сын-то стал!

Но только не получилось у него так, - враз перехватило дыхание, горло точно арканом сжало! Крепка же у батька горилка!..

Судорожно пытаюсь вдохнуть воздух, потянулся к стоящему в стороне блюду с нарезанным хлебом, ухватил кусок, жадно его жевал - полегчало; понемногу задышал, вытирая ладонью выступившие слезы.

Удача, едва пригубив чарку, искоса наблюдал за сыном, хороня в усах добрую улыбку. Старается Богдан показать удаль свою, а не понимает того, что вовсе не удаль это... Ничего: повзрослеет, возмужает - поймет...

- Вот что хочу сказать тебе я, Богдане, - негромко начал он, - трудные дела стоят перед нами. На Крым завтра Сечь пойдет...

- Добро! - воскликнул молодой казак, которому хмель бросился в голову тотчас же. - Добро! Уж попьют наши сабли поганой татарской крови вволюшку!

- А нашей? нашей крови сколько прольется?! - спокойно, но сверкнув глазами, возразил атаман, и продолжил:

- Ну, да это не твоя печаль, - ты-то с нами не пойдешь...

- Что-о-о?!.. Что такое говоришь ты, батько?! - даже привстал Богдан.

- Тихо. Сядь! Сядь, говорю я тебе. - оборвал Удача жестко. - Сядь и слушай!

Помолчав, он заговорил задумчиво:

- Трудные, Богдан, времена, ох и трудные!.. Вчера (да ты, верно, знаешь про то) приехали днем двое турок - послы от султана турецкого. Пишет нам султан, что задумал он вскорости, вместе с ханом крымским, идти на Русь с войною; нам же велит - велит, не просит! - смирно сидеть и в войну ту не мешаться, а если послушаемся - большими бедами нам грозит он : кто, мол, уцелеет - в полон увезу, а землю татарам отдам - табуны пасти. Вот как! Но ты утром слышал, какой мы ему ответ дали, а следом за ответом и сами пойдём татарву поганую пощипать, а то ведь забыли крымчаки проклятые, кто такое есть казачество запорожское. Так мы им напомним!..

И вчера же, вечером, прискакали - словно чуют! - двое поляков. По одежде – простые шляхтичи, но меня провести трудно: то паны знатные! И они ведь грамоту привезли, от короля польского нам послание. Прочел я ее - и словно ковш меду выпил: до чего сладко написано!

Детьми нас своими верными король Стефан Баторий называет... И упреждает, что собрался по осени султан турецкий на Русь, а допрежь того он, мол, нас, Сечь, разорить мыс-

лит. Так сулит Баторий нам помощь великую: и деньгами, и оружием, а если нужно будет - то и войском; не бояться он нас призывает и велит - и этот велит! - беречь Запорожье до последней капли крови... Ха! - не скрывая презрения, атаман вынул из кармана люльку, набил ее тютюном, раскурил и, выпустив в сторону клуб дыма, продолжил:

- Будто не знает король, что мы за Сечь, за Украину нашу и без его слов, если нужно будет, все как один жизнь положим - не задумываясь! Нет, нет, - не милость в той грамоте, одна хитрость лишь. И ляхи те не так просто приходили - высматривали да выслушивали они, что запорожцы делать хотят. Глядели паны те, как мы ответную грамоту туркам писали - все они у стола-то крутились. Что ж - пусть знают да королю своему расскажут.

Им ведь, полякам, славно будет нас с татарами лбами столкнуть: воюйте! А Сечь потом, войною обескровленную, ляхи легко к рукам приберут - давно они хотят этого. Да вот только не бывать такому - никогда! В грамоте, что написал я сегодня королю польскому, поблагодарил его за вести и заботу, а оружие обещанное попросил прислать поскорее: написал ему, что известно мне от верных людей в Бахчисарае: хочет, мол, султан, Сечь разорив, не на Русь - на Речь Посполитую идти, - боится на Москву осенью двинуться: дороги плохие, корма коням нет. А слухи о том, что на Москву он идет - для того распущены, чтоб Сечь да Польша его не ждали и чтоб турки их врасплох застали. Король мне поверит! И, вместо того, чтоб мечтать, как запорожцев холопами сделать, пусть о своей земле попечется, ее укрепляет. То - нам на руку!

А что до татар, - глаза атамана на короткий миг блеснули, - у них мы охоту воевать отобьем! Сейчас осень; татарва из наших приднепровских степей на юг кочует, в Крым, за Перекоп, на зимние пастбища, на яйлу. И идут ведь они не все вместе, а как и кочевали, - порознь, каждый род поодиночке. И если все куреня, что завтра пойдут, - по степи с умом растянуть - частый невод получится: ни одному татарину, ни одному табуну не проскочить. Вот мы табуны-то ихние и переполовиним! А тогда... О, тогда - сам гляди: турки - янычары в основном пешие, конница у них - татары. А не будет у татар коней - не будет и конницы в войске, припасы, пушки везти не на чем. Пешие-то в набег не ходят - так ли?!

- Ты, батько, как по книге чтешь - великий разум дан тебе! - воскликнул восхищенный Богдан.

Удача выпустил в потолок клуб дыма.

- Погоди хвалить, сынку, и поумней меня людей есть немало. Но и - дурня атаманом на поставят, верно...

- Так вот, - заговорил он вновь, задумчиво следя за медленно тающим под потолком облаком синеватого табачного дыма, - вот...

- А неделю назад получил я, Богдан, еще одно письмо, - тайное, с Руси. С Волги - от ихнего, волжского круга послание. Атаманом у волжских людей Ермак Тимофеевич, - слышал про такого?

- Атаман мой куренной, Буренок, вспоминал его как-то раз. А что у них там, на Волге - Сечь своя?

Удача помедлил, обдумывая ответ.

- Тоже вроде как Сечь, да не такая, как наша. Хоть и величают себя волжские люди казаками, но больше на разбойников они похожи. Там, на Волге, грабят они караваны купеческие, - дербентские, персидские, московские...

- Как это - московские? И свои, выходит, тоже?

- Я же говорю - разбойники они. Им без разницы - свой ли, чужой, - все одно. Так вот, кличет нас ихний круг - все войско Запорожское - на Волгу. У нас, пишут они, людей много, а у вас - еще больше. Так давайте, мол, вместе, одним могучим войском на Москву пойдем! Холопы московские войною да поборами разорены, поддержат, а царское войско войною ослаблено. Хотят они, царя сбросив и бояр перебив, холопам волю дать, казаками всех сделать. А стра-

ной править будет круг казачий с выборной старшиной и атаманом. Казачье царство - вот как! Запорожцы, говорят они, - с русскими братья!..

- Чего?.. Я - и московским холопам брат?!.- протянул Богдан.

- А что? - строго глянул ему в лицо отец. - Ты ведь знаешь - в иных куренях треть казаков - беглые холопы русские. Да и русские, и запорожцы - чем не братья: из одного корня идут, вера одна, язык похож, обычаи сходные... Эх!.. Ты вот только помысли, Богдан: объединить бы их - не два войска, а два народа, два брата вместе! Вот тогда бы уж - ни татарам, ни туркам, ни ляхам нас вовек бы не одолеть! Они б к нам и дорогу забыли.

Удача помолчал и закончил свою мысль:

- Вот что пишут они... Да только не по пути нам с Ермаком!

- Почему же, батько? Ты ведь сам говорил...

- Я сказал - с Русью объединяться. С Русью! А Ермак - это еще не Русь... Почему, спросишь ты, не по пути нам с Ермаком и людьми его? А вот почему, сынку.

Первое: кто он, Ермак? Вор и тать! Мы-то если и грабим, то - чужих, а они ведь - своих!

Второе. Царя их недаром Грозным прозвали; и не таким как я да Ермак, головы он снимал, а нас и подавно одолеет. И войско у него не слабое - и ляхов, и свеев бивал он не однажды.

Третье. Вспомни, Богдан: кто нам оружие продает, самопалы, пистолы, порох?.. Русь; от ляхов мы крохи получаем. А отвернись от нас Русь, прекрати их купцы нам оружие продавать - и ляхи, и татары нас голыми руками заберут: с пикой да саблей много не навоюешь. Нет уж, с кем - с кем, а с царем русским нам ссориться никак нельзя.

- И наконец - пожалуй, самое важное. Против царя идти - стало быть, и против Бога: всякая власть от Бога. И потому - не пойдет с Ермаком народ русский; пойдут - да не все. И если и мы Ермаку поможем - все одно. толку не будет: все пропадем там, ни за что пропадем! Да и мыслю - и сам Ермак это понимает. Но об этом потом...

- Так вот,- подытожив, заключил атаман,- Ермаку отвечать надобно. И грамоту ту надежный человек должен везти! Сам подумай: попадет та грамота в руки бояр (да и поляков тоже - им нас с Русью поссорить - счастье великое!) - словом, узнает Грозный - царь, что мы с Ермаком сносимся - быть тогда беде : конец дружбе нашей! Потому и нужен гонец - не просто казак лихой и храбрый, но и человек надежный. Ну, надежных на Сечи-то хватает, да только ты, Богдан, - сын мне. В жилах твоих - кровь моя течет. А стало быть - надежнее тебя нету. Понял ли ты теперь, какое важное дело хочу поручить я тебе?

- Понял, батько!

- Ну а если понял, то смотри сюда и слушай.

Удача придвинул к себе лист бумаги и чернильницу, достал перо.

Глава 3. "Трудное дело".

- Вот,- провел он сбоку листа дугу,- это Днепр. Вот Дон - река, видишь? А это - Хопер; в Дон он впадает, и живут на нем донские казаки московские. Рубежи они русские стерегут. А вот - Волга. Понял ли?

Богдан кивнул.

- Так. Тут вот Польша, будь она неладна, тут Украина наша, тут Крым. А вот - Солевой шлях, по нему соль возят и купцы ездят.

- Итак, Богдане, два пути есть тебе. И каждый - и плох. и хорош. Первый,- палец атамана уткнулся в план,- первый путь - через Украину и Польшу, через Киев и Белгород. Он-то удобен,- дороги все ж, разбойников меньше,опять же - корчмы по-над дорогами, и есть переночевать где. Но долог он - и проходит по проклятой ляшской земле. А ляхи хитры: если казак один, да к тому же одвуконь - ясно: тайный посол. Куда - тоже ясно: на Русь, боле некуда. А с Русью поляки враждуют - вот и словят они тебя. Ну, а второй путь короче, и ляшскую землю он минует: до Солевого шляха на восход, потом по шляху на север и там опять на восход. Но шлях-то через степь идет, а в степи - татары. Им, правда, до грамоты дела нету, а вот от двух

добрых коней они не откажутся. Да и... Сам ты, Богдане, молод и здоров; на рынке невольничьем за тебя немало денег отсыпят!

Удача вдруг вскинул голову и возвысил голос:

- Запомни: смерть - она во сто крат лучше, чем полон и рабство! Умер - и отмучился, а рабство - жить в голоде, холоде, хуже вола работать. А во сне - каждую ночь! - во сне Украину видеть... и всякий раз пробуждаться вновь на постылой чужбине. То горше и страшнее, сынку, смерти пусть лютой, но скорой. Помни про то, сынку! - каким-то тревожным, звенящим голосом закончил атаман. И вновь заговорил тише:

- Мыслю я - второй путь, сыне, все же надежнее, лучше - и вот чем. Ты в три ночи (днем идти и не думай!) до шляха доберешься; не миновать его тебе - всю степь он поперек прорезал. А днем - в балочках сидеть будешь. Так вот: достигнешь шляха, найдешь место надежное - тоже овраг какой-нибудь - и в нем затаись, за шляхом следи. И как заметишь - идет с юга на север караван купецкий, - так ты к нему пристань. Купцы против не будут: в случае, если нападут на караван их - тебе тогда себя - и, значит, и их тоже, - защищать. И пойдешь ты с ними до земли русской, а уж оттуда выпытаешь дорогу до Хопра и городка Урюпинского. Дорогу у купцов и прочих торговых людей спрашивай - им тебя обманывать незачем. Теперь вот что...

Атаман опустил руку в карман и извлек оттуда два холодно звякнувших мешочка, положил их на стол.

- Вот деньги тебе - по полусотни дукатов в каждом.

- Погоди, батько! - прервал его молодой казак, - а чего ты про Хопер, про Урюпинский сказывал? Ермак-то на Волге.

- Не перебивай, Богдан - все скажу тебе... А мешочки эти - схорони: один чтоб с тобою был, другой - в суму переметную. Схорони же их - и забудь о них до времени, до нужды великой. А это - отец достал третий мешочек, - это вот серебро. Им и расплачивайся, если придется, за еду или за ночлег. Если увидит случайный человек деньги твои - пусть он серебро видит, нежели золото, - так меньше ему охоты будет тебя убить да ограбить. Золото - оно, Богдан, как солнце в полдень: блеском своим ослепляет и глаза и душу! И - помни, крепко помни, сын: в чужую землю идешь ты. А потому - осторожен будь! И паче всего - трех вещей бойся...

Удача раскурил погасшую люльку, с наслаждением затянулся.

- Первое - вино. Многих знавал я казаков славных, коих и пуля из седла не могла выбить, а вино - в грязь вышибало, да так, что и не встать более. А начинали все с малого - с чарочки. с другой... И ты, Богдан, хмельного без нужды не пей: хвати добрый глоток горилки - если устал сильно, промерз или вымок. И вино ведь - оно язык развязывает: порой выпил - и голова-то говорить не хочет, а язык что не надо болтает.

Второе - бабы. Бойся их, и особенно красивых: в каждой бабе бес сидит, а в красивой же - десять! Женщины, сынку, пострашнее вина будут: пьяный - то проспится, а вот тот, кто в женские сети попал, тот - навечно как бы пьян без просыпу, тот жизнь за один лишь сладкий взгляд отдать не задумается... А ты ведь, Богдан, хлопец собою пригожий и видный, - на таких бабы как мухи на мед липнут... И в Вильне, бывало, наверно, ловил ты на себе взгляды молоденьких паненок? Было? Да и сам на них засматривался - так, Богдане? - одними глазами улыбнулся Удача.

Молодой казак помимо воли покраснел, отвел взгляд...

- Ну! - посерьезнел атаман, - шучу я. Дальше слушай. Так вот: вино и бабы. А третье - друзей бойся, Богдан. Да - друзей! Друзей, потому что все твои друзья здесь, на Сечи, остались. А кто в чужой стороне станет слова ласковые говорить да в товарищи набиваться, - тот тебя, случись беда, за грош медный продать не задумается. Людей хороших в любой земле, в любом народе немало сыщется - но и злых не меньше. Так что там - кивнул атаман куда-то в сторону, - там друзья твои - конь верный да сабля острая. Только они... И - самое главное. Вот, - достал он из-за пазухи плотный конверт, - это письмо первое, и отдашь ты его, как до Урюпинского добе-

решься. Отдашь казачьему сотнику Ефиму Подкове,- он в этом самом Урюпинском и живет. И на Сечи бывал он, и на хуторе у меня - друзьями мы были. И если станут тебя стрельцы пытаться на рубеже русском - кто такой и куда едешь - про Урюпинский и про самого Подкову говори смело, письмо спросят - покажи его, пусть даже прочтут - нет в нем ничего такого, что тебе бы во вред было. Так вот, письмо это Подкове отдашь, как сыщешь его; а на словах же перекажешь, что прошу я его помочь тебе сыскать Ермака. Ермаку и передашь мою грамоту. Вот она!

С этими словами он протянул сыну второй, меньший по размеру конверт.

- Пуще глаза береги его, сынку! В нем - жизнь и смерть твоя. И если беду почувешь - лучше сожги его или порви в мелкие клочья: самое плохое - если грамота эта в руки боярам попадет или еще кому. То - гибель твоя верная и Сечи великие беды... Понял ли ты меня, сынку? Дошла речь моя до ума и сердца твоего?..

- Так, батько.

- А если так - скажи: куда ты грамоту - то эту спрятать мыслишь? - атаман, сощурившись, выжидательно посмотрел на сына.

- Куда?.. А на шнурке на шею подвешу,- всегда при мне будет.

- Не годится,- покачал головою Удача,- сам помысли: а если (всяко быть может!) к лихим людям попадешь, начнут они у тебя деньги шарить. А где самое ценное носят? В поясе либо на шее. Тут же грамоту-то и углядят!

- Понял, батько. Тогда - в сапог?

- Тоже не годится. А если в воду попадешь? Чтобы выплыть, придется ведь сапоги сбросить! Нет, Богдан,- в сапог тоже не можно.

- Ну... О! Придумал: седло распорю и в него зашью. Верно, батько?

- И это плохо,- терпеливо разьяснял Удача,- а ну как погоня за тобой случится, да коня под тобою убьют - что, седло снимать начнешь?..

- Да что там, батько - точно на войну ты меня посылаешь,- усмехнулся Богдан,- у нас ведь с Русью-то мир...

- А ты не уразумел еще?! - стукнув по столу тяжелым жилистым кулаком, жестко воскликнул атаман,- не уразумел, что дело это потруднее войны будет?.. На войне мы все вместе будем, плечом к плечу; на войне если оплошаешь ты - друг выручит. А там ты один будешь, слышишь ли - один! А один - в поле не воин, одному во сто крат труднее!

Богдан виновато опустил голову.

- Эх, сынку, сынку! - спокойно и поучающе произнес отец.- Ничего! Опыт да разумение с годами приходят. А тебе покуда годов немного - так что слушай да запоминай... Скинь же жупан свой да рубаху мне подай!- велел атаман, доставая из шапки иглу с ниткой. И пришел конверт изнутри с левого боку вышитой украинской сорочки. Добавил, закончив работу:

- Вот так вернее будет... А ты, вижу, спросить что-то хочешь, сынку?

- Хочу, батько. Скажи: а кто он такой, Ермак? И почему печешься ты о нем - друг он тебе, верно?

-Ермак?- перекусив крепкими белыми зубами нитку, переспросил Удача. Подавая сыну сорочку, произнес раздумчиво:

- Ермак?.. Был он и у нас, на Сечи; с ним мы и за столом одним сживали, и с татарвой бок о бок рубились. Большой он, Богдане, человек. И умен, и силен, и храбр, и повидал - куда поболее моего, да не повезло вот в жизни ему...Вот и попал к разбойникам. Так-то...

Чувствовалось - говорит атаман меньше, чем знает. Он продолжил:

- Да ты и сам его увидишь, и поговоришь обо всем. А что тревожусь - то так: жаль мне, что такой человек - и против своих идет, что разбойник он. Здесь бы, на Сечи, он бы немалую пользу принести мог! А на Волге у него, наверно, одна судьба выйдет - плахой ведь кончит он! Так хочу я предложить ему - пусть идет сюда к нам со всеми людьми своими, кто восхочет! Сечь людям рада... Но вот не понял одного я - неясно он в том письме что-то пишет,- о чем-то

еще. Но это он, верно, тебе на словах для меня перескажет! И ты знаешь теперь, что говорить ему от моего имени, если так случится, что придется тебе в дороге письмо свое порвать, чтоб оно людям незнакомым не досталось...

Полмолчали; тихо было,- лишь потрескивали свечи да за стеною шатра глухо бормотала засыпающая Сечь.

- А тогда,- прервал Богдан молчание,- тогда спросить хочу: а вот если придется мне грамоту спалить или порвать - как поверит мне Ермак, что я и вправду сын твой и к нему от тебя еду, а не подослан боярами московскими?..

- Молодец, Богдан! Ждал я от тебя вопроса этого...

Атаман замолчал на минуту - и брови его нахмурились, а в глазах невнятно и мимолетно плеснулась печаль. Потом, вздохнув, он снял с шеи тонкий шелковый шнурок. Протянул было его сыну - но внезапно быстро отняв назад руку, поднес ее к лицу и осторожно коснулся губами небольшого перстенька, висевшего на этом шнурке.

- Материн перстень!- догадался Богдан, и Удача, не подняв опущенной головы, молча кивнул в ответ.

Небольшой и тонкий перстень из серебра; на голубом камне искусно вырезаны три крохотные лилии. Что это означало - не знал Богдан; знал лишь он, что отец после смерти матери - а умерла она на второй день после рождения Богдана - отец носил его на шее и никогда - никогда! - не заговаривал с сыном о матери...

- А мать...- начал было молодой казак, но Удача протянул ему перстень.

- Береги его, Богдан,- произнес атаман глухо, точно не слыша слов сына,- пуще глаза береги! По перстню этому и узнает тебя Ермак.

Замолчали надолго; спустя несколько минут в тишине раздался крик петуха; ему тотчас отозвался второй, третий... Полночь.

- Поздно уже,- нахмурился Удача, и лицо его тотчас же приняло озабоченное выражение,- и пора тебе ехать. Передовой курень уже переправляют на пароме - и ты с ними давай... А напоследок по обычаю казацкому - выпьем!

Выдохнувши воздух, с трудом проглотил Богдан дерущую горло горилку; Удача же единым духом опрокинул в себя чарку - точно воды выпил, не сморщился даже, и с доброй улыбкой глянул на скривившегося сына.

- Верно, что морщишься: гадость ведь пьешь! - кивнул он, и продолжил:

- Теперь же ступай, сынку, да коня своего приведи; оружие свое захватишь.

Когда Богдан вернулся к шатру,то он увидел возле него атамана,который держал на поводу одного из своих коней.

- Я говорил уж - идти тебе надо непременно одвуконь,- пояснил он.- Так вот и бери моего Орлика. С виду он, может, и неказист, и не сказать, чтобы слишком уж резвый был.- да только выносливее коня не встречал я еще. Мне раз на нем (а он-то уж заморен был, и татары одвуконь были) пришлось от погони уходить,- так ушел ведь! Бери его, сынку. К тебе он привычен - и случись чего, добрую службу сослужить тебе сможет!

Богдан ласково потрепал Орлика по шее - и конь благодарно коснулся мягкими добрыми губами богдановой щеки.

А Удача меж тем говорил деловито:

- Сумы переметные я на нем заранее навьючил; в них - рубаха тебе чистая, онучи, харч, рог с порохом и кожушок: назад возвращаться тебе ведь не раньше чем зимою;раньше чем через месяц до Урюпинской тебе не добраться... Ну, а к декабрю-то жду тебя назад. - атаман говорил как-то сухо, не глядя в лицо сыну. Сказал это - и замолчал.

- Ну... что ж! Поехал я, батько! - воскликнул Богдан, не поняв, что это творится с батьком. Он думал сейчас о другом - вот и поручил отец ему службу; но трудной она молодому казаку не казалась,- чего там! Съездить грамоту отвезти - просто!..

Он уже вдел ногу в стремя - но тут Удача вздрогнул вдруг и порывисто шагнул к нему.
- Сынку!

Богдан обернулся - и в тот же миг отец сжал его в своих сильных объятьях, крепко прижав голову Богдана к своему лицу.

- Сынку!...- повторил он сдавленно...

- Один ты... один у меня на всем белом свете...- голос отца был дрожащим и прерывистым, и явственно услышал Богдан в нем неприкрытые слезы,- понимаешь, один! С тех пор... с тех пор, как умерла мать твоя, только для одного тебя живу я. И если... Вернись, Богдан! Слышишь – вернись, вернись!.. - повторял он...

- Ну,- езжай, сын,- атаман наконец разжал объятия и легонько подтолкнул его к коню. – Езжай, да про слова мои помни! Береги там себя...

Оглянувшись назад, увидел Богдан отца,- враз постаревший, неловко сгорбившийся атаман глядел ему во след, и губы его шевелились, шепча молитву. Господь Бог милостив - он поможет оборонить в пути сына...

... Казаки толпились у парома - курень, выходявший первым, еще только начал переправляться, и большая его часть была еще там, на Хортице. Там чернели во тьме стены укрепления, горели костры, слышалась едва различимая за дальностью родная украинская речь. Сечь там была!

А впереди... Впереди лежала во тьме необъятная и чужая степь, в которой таились хищные звери, враждебные люди и опасности. Впереди была неизвестность! Только сейчас Богдан осознал это...

Оглянувшись в последний раз и вздохнув, Богдан тронул коня каблуками, и его Барвинок неспешной рысью тронул вперед, в степь.

Глава 4. "У Хопра".

Стоял сентябрь; прохладный ветерок, под утро становившийся уже откровенно - студеным, неторопливо пролетал над землей. Овеваемые им тополя медленно роняли пожелтевшие листья в хрустальную воду реки. Во всем мире было светло и тихо...

По высокому глинистому берегу, что тянется по-над Хопром, повторяя все изгибы извилистой реки, шел рысью одинокий всадник, ведя второго коня на поводу. Это был Богдан.

Отец предупреждал его, что самая трудная часть пути - до Хопра, через степь. И потому молодой казак с самого начала готовил себя ко всем опасностям,- шутка ли! За первую ночь пути он больше по сторонам глядел, нежели вперед, и четыре раза проверял, сух ли порох на полках пистолей.

Но к удивлению его, все было спокойно: ни человека в степи, ни дымка, ни следа...Пусто.

На третьи сутки достиг он Солевого шляха, выйдя к нему под утро. А вечером уже присоединился к купеческому каравану, шедшему от Сурожа на Русь.

Купцы не очень торопились - зачем? До распутицы осенней доберутся они до Белгорода, в декабре вновь тронутся в путь и как раз в январе будут в самой Москве, поспев к началу ярмарки. Все давно рассчитано и многожды проверено.

Но, как ни медленно тащился караван, за две недели все же добрались они до русского рубежа, вошли на территорию Московского царства. Стрельцы порубежной стражи лишь скользнули взглядом по Богдану, не спросив даже - кто, куда и зачем едет. Видно, приняли его за одного из охранников,- караван охраняло до двух десятков людей - татар, ногаев, русских, литвинов и еще каких - то людей неизвестных Богдану племен. И приняли они запорожца за одного из них. Первая часть пути была пройдена успешно - лучше и быть не могло! Хотя дорога - то была пустынной, и в одиночку, пожалуй, он прошел бы через степь за неделю - вдвое быстрее... Этими мыслями Богдан поделился с пожилым, сухощавым турком, старшим среди охранников, вот уже три десятка лет сопровождавшим караваны из Крыма на Москву.

Турок этот говорил по-русски очень хорошо, а Богдан русскую грамоту выучил на Сечи, куда стекались люди со всей Европы, и русских было довольно - и от них наловчился молодой казак говорить на русском языке, таком похожем на родной его украинский, почти свободно.

Выслушав слова Богдана, собеседники его - старший охранник и сам купец - еврей из Сурожа - переглянулись.

- Нет, юноша,- покачал головою купец,- знай: в одиночку по степи не ходят. Ты и за годы не достиг бы своей Руси! Одинокий путник - слишком заманчивая добыча для татарских орд, что кочуют здесь

- Да много ли их тут? - удивился Богдан - Вон сколько идем - и орды ни разу не видали!

- Ты не видел,- возразил старший из охранников,- а я трижды замечал вдали небольшие отряды всадников. То - татарские разведчики! Видят, что караван велик и охраны много, и потому не нападают. А было бы нас меньше - давно бы напали! Поверь мне - ты еще новичок в степи, а я уже почти сорок лет охраняю караваны и кое-что знаю.

После того, на третий день, как пошли они уже по земле русской, Богдан, памятуя отцовы наказы, спросил купца путь на Хопер.

Тот отвечал, что сам он в тех местах не бывал и дороги туда не знает, но помочь - поможет. И этим же вечером, переговорив с хозяином постоялого двора, подробно объяснил Богдану, как ему следует ехать дальше, какие села и веси будут на пути его,- обговорил все и даже чертеж нарисовал. И Богдан, сердечно его поблагодарив за помощь, свернул на другой день направо, на восход.

Ехал и думал: вот не любят во всем мире евреев, жидами, гадким словом, называют их. А вот взять купца - добрый человек, помог ему и даже, когда предложил ему Богдан при расставании несколько серебрянных монет - тот не взял их. Так за что же гонят отовсюду народ этот?

И запорожцы - те ведь поступают с евреями хуже, чем с панами и монахами католическими,- так почему же, почему?..

Но припомнились рассказы казаков о том, что вот плохо чаще всего живется селянам под панским гнетом, но во сто крат хуже, когда разорившийся, долгами опутанный шляхтич оставляет еврею в залог долгов свою землю - со всеми постройками, пашнями и - людьми, холопами своими...Пан-то хоть и спесив, да все ж в подневольных людях видит пусть холопов - но людей! А по еврейской же вере,- всякий нееврей не человек, а скот, которому образ человеческий лишь потому дан, что нужны народу иудейскому рабы. Чего ж скотов жалеть?! Потому, верно, девять из десяти ростовщиков - иудеи; не каждому, далеко не каждому христианину или магометанину под силу заниматься ростовщичеством, не замечать людских стонов, слез и проклятий... Чего ж тут удивляться, что казак запорожский - он и поляка, и татарина, и турка пожалеть может - но никогда не пощадит еврея. И хуже всего то, что вот степным пожаром пронесется по югу Речи Посполитой кровь леденящая весть - запорожцы идут! - как ростовщика, раввина, купца - и след простыл, укрылись они за стенами городов, которые редко осаждают запорожцы. А вот хозяин бедной придорожной корчмы, сапожник, портной - им деться некуда, добро свое малое не кинуть. И остаются они - для того, чтобы перебили их запорожцы за те слезы и горе, что чинят долгими веками всякому народу, во всякой стране жадные и безжалостные кровососы - ростовщики, откупщики и арендаторы - евреи... Так просто не станут ведь люди целый народ ненавидеть!

Но Богдан скоро забыл об этом - все внимание его сосредоточено на дороге: не сбиться бы, не свернуть в сторону,- дорога - то едва наезжена, тропы от нее отходят - поди-ка не сбейся, не заплутай! И спросить зачастую не у кого: редки люди в этом краю, который вот уже многие сотни лет подвергался татарским набегам.

Однако шел он верно; вот и вчера под вечер встретившийся ему верхоконный донец, хоть и хмелен был, отвечал уверенно - до Урюпинского верст двадцать, ну - двадцать с гаком от силы.

Проехав еще малость, заночевал запорожец под кустом, и утром чуть свет тронулся в путь. Но вот уже и десять, и двадцать, и все тридцать верст отмахал он - а не доехал куда; вот поди разбери, сколько верст в этом проклятом "гаке"! Думал приехать еще до обеда - а солнце уже к закату спускается!

Но конец пути его близок: чувствуется уже близость жилья человеческого. Вон вдалеке немалое стадо ходит; на реке лодка виднеется, а впереди, за перелеском - уходят вверх редкие столбы дыма: жилье там - и немалое. Верно – Урюпинский!

Точно: миновав рощицу, дорога сбегает вниз и влево, к берегу. Вон вал земляной, обветшавший, местами полуобвалившийся, а за валом уходят вдаль кривоватые узкие улочки.

С интересом всматривался Богдан, как живут тут иные, не запорожские казаки. Дома - небеленные мазанки, крытые камышом. Не то чтобы беднее они, а как-то невзрачней хат украинских: ведь хату хозяин побелит, а сделав это, пригласит еще и маляра: поработает тот - и потом диву даешься,- жар-птицами, деревьями, лебедями распишет мастер стены; смотришь - и душа радуется! А тут... Мрачно как-то, неуютно. Да и улица грязна, колесами тележными избита, и палисадников, что радуют глаз пестротой цветов, тут не видно. Нет - все ж на Украине куда краше!

- Бог в помощь, дедушка!- стараясь говорить внятно и правильно, обратился Богдан к проходившему по улице старику, снимая шапку и кланяясь.- А скажи, будь ласков - где живет тут сотник Ефим Подкова?

Дед поднял голову, из-под ладони глядя на Богдана, но ответить ему не успел.

- Не у того вопрошаешь, хлопче!- раздался откуда-то сбоку и сзади чей-то густой голос.

Богдан обернулся и увидел стоящего в калитке высокого, грузного человека. Тот, облокотясь о косяк и левой рукою теребя свою бороду, пристально разглядывал приезжего.

- Ты вот што,- проговорил он,- сейчас я ворота открою, въезжай на баз - там и потолкуем.

- Спаси Христос!- отозвался Богдан.- Тороплюсь я - некогда мне! Подскажи, как мне Подкову найти - дело у меня до него...

- А коли дело - так и вовсе заезжай,- распахнул донец тяжелые ворота,- давай, давай! Ведь Ефим-то Подкова - это меня так кличут!

Но Богдан, помня наказ отца - быть осторожным, колебался.

- Я от Безрукого, Степана...- тихо произнес он, выжидательно глядя на Подкову.

- Как?.. От Безрукого-то, Степана,- от Удачи - атамана, с Запорожья?! Вона как! Постой,постой - а не сын ли ты его, не Богдан ли, часом?.. Я ведь бывал на хуторе батьки твоего, ты еще совсем маленьким хлопчиком был... Ну, что ж встал ты? Въезжай, родимый!

Да - теперь поверил Богдан, что человек этот - и вправду тот, про кого батько говорил! И сойдя с коня он шагнул в ворота - навстречу открытым объездам Подковы.

Глава 5. “Вечером”.

Свечи оплывали; давно уж синий вечер сменила безлунная ночь, а двое за дощатым столом все еще вели беседу. Блюдо с жареною говядиной и штоф с водкой были опорожнены лишь наполовину - разговор был в разгаре.

За стеною завывал ветер, хлестал по крыше резкий злой дождь, глухо стенала вдалеке роща... А здесь, в курене, было тепло и уютно. Три свечи ярко освещают чисто выскобленный дубовый стол и сидящих за ним друг против друга Богдана и Подкову; причудливые тени мечутся по углам, перебрасываясь то на большой, окованный по углам медью сундук, то на широкую лавку у окна, то на печь-каменку. С полатей доносится сонное посапывание ребятишек, а из соседней комнаты - мерные звуки ткацкого челнока: там за работой коротает вечер жена Подковы, Дарья.

Разговор за столом идет негромкий и неторопливый.

- Так никак не понять мне тебя, дядько Ефим,- говорит Богдан,- с чего же это на Дону у вас жить худо? Земли хорошей - вдоволь, Москва с царем и боярами его далеко, от татар сил оборониться хватит,- чем не жизнь! А у нас вот,- о, у нас земля тоже хороша, да только почти всю ее паны да шляхта под гузно свое подгрести, из селян веревки выют и нас, запорожцев, холопьями не прочь сделать, да одно им помеха - без нас татарва им житья не даст, а покуда мы казакуем - сдерживаем татар, почти всякий год воюем с ними. На нас, а не на панов, вражий удар на первых приходится... Да только одни татары разве?! У вас вот хоть Церковь святая в почете, а у нас же... Католики да унитанцы, словно волки в стаде, так и шныряют. Нас-то они не донимают, а вот селян, холопов бедных - тем и вовсе жизни нет. Даже Бога - и того у людей норовят отнять!..

Подкова в ответ вздохнул; долгим взглядом поглядел на колеблющиеся огоньки свечей и раздумчиво ответил:

- Да, так оно все это... Только ведь и нам бед достает. Мы ведь, Богдан, не то что вы, запорожцы! У нас на Дону все не так; у нас вон как было,- старики мне сказывали...

- А было оно, Богдан, так: лет двести тому назад где-то тут, недалече, разбил московский царь Дмитрий, Донским прозванный, татарского царя Мамайку. Разбить-то разбил, да и от его войска крохи остались. И пораненных много было... А втапору осень стояла, грязь - не везти же в Москву раненых тех по распутице, помрут ведь все от тряски! Вот и решил этот самый Донской пораненных - а среди них почти все с ополченья были, смерды, ремесленные и иные худые людишки,- решил он, стало быть, их по селам рязанским распихать - Рязань-то куда как поближе Москвы!- на поправку. Имел он и другую задумку: Рязань тады не под его рукою была - сама по себе, так хотел он на лето будущее и завоевать ее, под руку свою привести. И потому велел ратникам, что у рязанцев оставлял - его дожидаться, как оклемаются - домой не ходить. Мыслил он: ударю войском своим с севера, с Москвы, а допрежь того пошлю к этим ратникам верных людей своих с наказом - собираться в ватаги и бить рязанское войско в спину.

Ну, оставил он их и ушел восвояси к себе на Москву... А на следующий год ему не до Рязани было: другой царь татарский, Тоштаммыш, вошел с войском в Землю Русскую, взял на копье Москву и иные города. И не пришел Дмитрий на Рязань, как загадывал.

Ну, а ратники его наказ царя своо (любил его народ!) блюли свято, ждали. Оклемались они, отдышались, живут себе у вдовушек, а иные и семьями обзавелись. На Москву, домой, не шибко спешат - помнят, что им царь велел, живут себе не тужат!

А бояре рязанские и рады: холопы дармовые объявились! И стали мало - помалу оброк с них брать - точно с холопов со своих. Да что мы с тобой, братка Богдан, ровно монахи - подставляй-ка чарку свою!

Выпили; Богдан, крепко помня отцовы наказы, едва пригубил - и потянулся к блюду с жареной говядиной: в дороге-то крепко оголодал.

- Ну, а дальше-то что было? Рассказывай, дядько Ефим!

Отряхнув с бороды крошки ладонью, Подкова дожеввал горбушку и заговорил:

- Так вот... И дунули они, ратники - то те, сюды. Татарва в то время кочевала уже дальше на полдень, ближе к Лукоморью, а Рязань или Москва до мест этих покуда не дотянулась,- ничейными были земли эти, вот ратники и осели тут. Понаставили они хуторов (многие-то из них своих баб, у которых жили они в селах рязанских, прихватили на новое житье с собою) да и зажили тут - поднимали пашню, куреня ставили, от ватаг татарских боронились, случалось, купчишек порою шупали - жили трудно и голодно порой, но свободно и вольно.

И прослыхали про эту волюшку смерды - и тож на Дон потянулись: с Москвы, с Рязани, с Ростова - отовсюду. Кто от жизни холопской, труда подневольного утекал, кто просто от лени, а кто и от плахи бежал. От разности шли в казаки, но набралось таковых немало. Всех принимали в городках - чем больше людей, тем прожить легче.

Да, славно жили казаки донские, но только куда царь московский не окреп. А как взял он силу - беда, кончилась воля-то!..

Теперь вот дает нам Москва порох, оружие, хлебом за то платит, что стережем мы рубежи ее - да только боком тот хлеб выходит...

Своей земли у нас немало, но лучшая, чернозем - где она? У старшины да у справных казаков; а у кого же ей еще быть, как не у них, коли по весне делит ее кто? - а те же атаман и старшина! Ну а прочим, гольтьбе - суглинок, овраги, болота.

Пришлым же - а их к нам от тягот все боле и боле стекается - им не шибко рады: людей-то теперь довольно, и ежели пришлого принять - землицы-то все меньше другим достанется.

И ежели пришлый - то почти всегда беглый. А их, беглых-то, по строгому цареву указу припринимать не велено... Вот и приезжает сын боярский, дяк либо сотник стрелецкий с отрядом, и враз к атаману: а есть ли пришлые да прибудные? И, коли такие есть, сыск каждому немедля: кто таков? Откуда? Имя, прозвище?.. И если видят - смерд по обличью,- то как в лоб его, сердешного: сказывай - откуда убер?! Ну, в колодки его, болезного, к воеводе на правож. И ведь слова им не скажи: они - власть, люди царевы! А попробуй против што молви... Царь-то наш,- невольню понизил голос Ефим,- царь наш недаром Грозным прозван: лют, зол и свиреп... Огурников своих не жалует!

Сказавши это, вяло махнул донец рукою и потянулся к штофу. Он был уже порядком "под мухой", но опрокидывал в себя чарку за чаркой. Вот и теперь опять налил; Богдан же пил осторожно, понемногу - боялся захмелеть и начать болтать лишнее.

- А тут еще,-продолжал Подкова,- новая напасть: Ермак - слышал, небось, про него? Объявился и шалит на Волге...

Слыша это, враз насторожился Богдан - а его собеседник рассказывал:

- Ну, воеводы, известное дело, шумят: лодыри, трусы, даром царский хлеб едите, воры под носом у вас сидят, а вы и ухом не ведете! Пробовали они и нас, казаков, супротив Ермака-то послать - да мало проку с того вышло! У него ведь, у Ермака,- Ефим вновь принизил голос до шепота, подался к Богдану,- у него в ватаге половина почти - гольтьба наша... Так-то вот! Люди лихие там, на Волге: кто сумел от кабалы уйти да сюда, на Дон, пробраться, леса, дозоры стрелецкие миновать - из того, поверь, воин выйдет лихой да отважный,- такому, чай, терять нечего!

А уж коли он уже и свободы понюхал - так ему во сто крат на плаху лучше, чем в неволю назад! То-то и не могут воеводы с ними ничего поделывать - нас в подмогу зовут. Сами же стрельцы тоже не шибко воевать горазды... Вот тут у нас с самой весны сиднем сидит князь Бельский, с ним - полк стрелецкий; пришел князь сюда со строгим наказом - извести всю воровскую ватагу, а самого же атамана с есаулы его - привезть в Москву в цепях. Стрельцы-то злые,- по неделям заставляет их князь на Волге да в степи дозорами стоять, в землянках сырых, без еды горячей. А жалование тем стрельцам год как не плачено. Вот и злы они! Если б не сотники да пятидесятники - давно б сами, мысля я, к ворам бы подались они... А кормить-то всю эту ораву стрелецкую - нам! Из Москвы-то харч не шибко-то повезешь, и выходит - нам, вольным казакам, вроде как подать платить...

Закончив так невеселый рассказ свой, надолго задумался донец; молчал и Богдан, не решаясь приступить к разговору. Пьян ведь Подкова - а такие дела спьяну не вершатся!

За окном порывы ветра рвали в клочья сырой плотный воздух, стегали землю косые струи дождя... Осень.

Ну, ин ладно! - тяжело поднялся Подкова,- поздно уж! Допьем,- взялся он за штоф,-да и спать пора! А об деле твоём утром поговорим...

- А мы начали уж о деле говорить. Про Ермака-то...- негромко и отчетливо произнес Богдан.

- Вон чего?! - оставив штоф, Подкова заглянул запорожцу в лицо.- Вон как? - он показался Богдану скорее заинтересованным, чем удивленным.- Так ты, значит, ответ везешь на письмо его?.. Скоро ответили вы!

- А ты... Откуда ты про письмо знаешь, дядько Ефим?- только и смог пролепетать изумленный Богдан.

- Да уж знаю вот...- уклончиво протянул донец.- С этим и приехал ты? А - что же там, в письме том? Что на кругу своем порешили вы?..

- Не знаю я того,- отвечал Богдан неохотно.- А круга у нас и не было...

- Ага-а!..- протянул Подкова,- не было, говоришь? Если так - одно: не пойдут запорожцы на Москву! И без круга твой батько решил, и ответ отписал тотчас. Что ж - я такого и ждал; ясно - не дураки на Запорожье-то!

- А на Волге их что - больше?!- пожал плечами молодой казак.- Мне батько говорил, что круг-то волжский порешил. Нежто там дурни такие, что убедили Ермака на дело такое?..

- Э-э, паря, ты вот с Запорожья приехал, а там у вас, знаю я, атаманское слово - закон! Ну, а тут, на Волге-то,- тут по-другому выходит...

- Тут, Богдан - тут так: ватаг воровских много - больше десятка. Ермака круг выкрикнул верховным атаманом - да, было. Да только ведь любой другой атаман - пусть у него всего два десятка людей на двух стругах - он мыслит себя ровней Ермаку, и захочет - станет круг слушать, а захочет - по своему поступит, и никто ему не судья и не указ. Своеволия много! Потому - то Ермак, верховой атаман, знает: не послушай он круга, не пойдя на поводу у дурней - атаманов - недолго верховым - то будет: последнее слово - не за ним, а за большинством - хоть большинство это из дураков состоит. И как это большинство - громада по вашему - порешит, так и будет... Вот и Ермак: мне сказывали - до хрипоты кричал на кругу том, неразумных убеждая. Да куда там!.. А письмо то согласился потому подписать, что не хочет он, чтобы круг да товарищество разбойное развалилось. Он, Ермак-то, на большее, на великое дело замахнулся! - молвил донец снова берясь за штоф

- Это на какое же, дядько Ефим? - спросил заинтересовавшийся этим Богдан.

- Поздно уже, - отвечал сотник, хороня в голосе нотку досады - видать проговорился лишнее сболтнул. Ну! Как раз по полной вышло Давай брат до доньшка! И - спать Утром о делах погутаим на тверезую голову.

За долгие дни своей неблизкой дороги привык Богдан к тому, что периной служила ему попона, подушкой - кожушок, а крышей же - ветви деревьев, а то и просто небо; частенько приходилось среди ночи просыпаться от того, что начинал дождь моросить... Нечего сказать - хорош отдых!

А сегодня же... В курене тепло и уютно; так приятно вытянуть на перине свое усталое, несколько часов назад крепко пропаренное в яме тело; уткнуться носом в мягкий, теплом и хлебом пахнувший воротник овчины и сомкнуть наконец тяжелые веки, зная, что назавтра ни дождь, ни ветер не заставят тебя скорчиваться во сне и наконец пробуждаться!

Потому-то и уснул казак, едва голова коснулась подушки.

Спал он хотя и глубоко, но чутко,- сказались прежние ночи, когда, укладываясь спать, не знал он, что разбудит его - утренний холод или же прикосновение вражеского клинка!

Потому и привык он спать, просыпаясь от малейшего шороха; точно сидела в нем гибкая, сжатая до предела пружина.

И наверно поэтому сознание его вдруг пробудилось, стряхнуло с себя остатки сна и заработало четко и ясно. Возле самого уха услышал Богдан чье-то сдерживаемое, но близко ощущаемое дыхание!..

Кто? Что? Зачем?!. Ведь Подкова - человек надежный, иначе отец не послал бы к нему. Не он? Тогда кто же? И что делать,- лежать спокойно? А всадят нож в спину?! Но зачем, зачем все это? Почему?..

Эти тревожные мысли вихрем пронеслись в голове юноши, а лицо его было спокойным, дыхание - глубоким и ровным. По виду своему внешнему - спит человек, пушкой его не подынешь, а внутренне - сжат и собран, точно натянутый лук.

Нет, шевелиться все-таки не годится - все равно ничего не успеешь сделать: пистолы и сабля - далеко, на сундуке лежат они. Но не класть же их под подушку в доме друга!

А если б хотели ножом ударить - не стали бы прислушиваться, спит он или нет... И потому делать ничего не надо - лучше выждать. А там - как выйдет...

Чу! Едва не вздрогнул казак от шороха,- что, уходит неведомый человек прочь или же...нет, слава Богу - вроде выпрямляется он. Потом легкий шум шагов по земляному полу. И тихий голос:

- Богдан! Эй, Богдан! Слышишь ли?..

Ага!.. Хотел бы и взаправду разбудить - говорил бы громче, за плечо бы потряс. Нет, что-то не так тут. Не будит - проверить лишь хочет: а спит ли гость?.. Добро же!

- Спит! - подтверждая догадку Богдана, прошептал сотник. Да, это его, Подковы, голос.

- Да кто это?! - нетерпеливо спросил другой, низкий, с хрипотцой бас, словно бы застуженный.

- Свой это. Не страшись,- отозвался Подкова,- то - гонец с Запорожья, к самому Ермаку Тимофеичу седни приехал с письмом.

- Вона как?! Чего-то больно скоро - ждал батько его не ране, чем недели через две. А... А скажи, Ефимко: знал ты его раньше,- бывал ведь ты на Запорожье - то?..

- Знал? Откуль?.. Я на Сечи был, чай, лет пятнадцать назад. Он тогда еще совсем мальчонком-то был...

- Да? А тады - вот вопрос: а не подослан ли сокол твой боярами?

- Нет, нет. Мы ведь... Я ведь говорил с ним немало, про Запорожье расспрашивал, про казаков, и точно скажу тебе: с Сечи он, парень - то энтот! Многих запорожцев - знакомцев моих - доподлинно знает; да и у отца его, Удачи - атамана, я на хуторе бывал,- так он мне про отца своо все как есть обсказал... Нет - и правда запорожец он.

- Ну, завтра проверим, почем пироги на торгу...- загадочно протянул неизвестный. И спросил живо:

- А с чем приехал-то он? Скоро ли, баит он, нужно ждать запорожцев?..

- Не знаю, про то он не сказывал, не знаю, говорит,- все, мол, в письме! Напоить я его хотел - да пьет он мало, как и отец его, хмельное не очень-то жалует. Но сказал - круга у них-де не было, и об том, чтобы на Москву иттить, разговору на Сечи не было.

- Мало чего он там наговорит! Ты ведь сам грамоте разумеешь - возьмем письмо и прочтем...

- Нет, Ванька! Письмо самому Ермаку, и передать он должен его атаману в самые руки! И тебе его не отдаст.

- Мне? Не отдаст?! Кто - он, кужонок этот?.. Да я и слушать его не буду - сам возьму, и...

- Нет, не возьмешь,- отвечал Подкова твердо.- Сын он мово друга, Удачи, атамана ихнего, и обидеть его я тебе не дам. Да и он - ты что же, думаешь - таков он, как тати твои, холопы московские? Нет, братан - он саблей, хоть и молод, владеет не хуже, чем моя баба иголкой, а может - и лучше. И коли велено ему грамоту Ермаку передать - передаст он ее атаману, а ты ему в этом поможешь. Понял?- закончил сотник жестко.

- Ладно, ладно, утром разберем, што к чему. А пока... Э, да вы тут. вижу. погуляли добре - вина-то на донышке оставили! Тащи еще штоф и пойдем куда-нито,- в сарай хоть, штоль... Поговорить надобно.

- Тебе бы едино - пить да пить,- недовольно проворчал Ефим,- и когда напьесси-то досыту?!

- А тебе - все бы лаяться! Давай, давай - неси штоф - да пожрать чего. Есть про что выпить! Она - видал?! - едва слышный звон долетел до слуха Богдана, а незнакомец продолжил хвастливо:

- То - туманы персицкие, вот как! С Анофреем мы позавчера свершили дело... Повезло! Зарыть бы - да я только серебро зарываю, золото-то у тебя хранить сподручнее...

- Ладно, ладно! Разболтался...- лежа к ним спиной, Богдан всем существом почувал обращенный к нему тревожный взгляд Подковы. - Ну, пошли в баню, там и погутарим без помехи...

Шум шагов - и хлопнула дверь; потом бухнула другая, тяжелая, что вела со двора в сени. Шаги на крыльце - и тишина. Ушли...

Через секунду Богдан уже крепко спал. "А и непрост ты, не так прост, как глядишься, дядько Ефим!" - успел подумать он, прежде чем черная пелена сна накрыла сознание.

Глава 6. "Ванька - Кистень".

Проснулся Богдан, как и ожидал, поздно. В комнате было сумрачно, но ведь скрытое за тяжелыми низкими тучами солнце давало света немного, и понял казак, что давно уже наступило позднее осеннее утро. Пора вставать...

Он чувствовал себя вполне отдохнувшим и выспавшимся, но, едва сел казак на лавке, понял, что не все ладно: голова словно свинцом налита, а в рот точно горсть пороху положили... Скверно! Уж не захворал ли он?

- Э-эх,- донеслось из-за стола,- что, и тебе не сладко братан? Трещит голова-то поди?

За столом сидит Ефим; лицо опухшее, в кудлатой голове - соломинки. А глаза мутные, тусклые - и он что ли приболел? Или просто горилки они вчера перебрали?

- Пошли со мною! - коротко велел Подкова, с трудом вставая на ноги, и Богдан покорно поплелся за ним.

Они вышли в сени спустились с крыльца где стояла большая кадка с водою

- Лей!- велел Подкова запорожцу, кивая ему на ковш и скидывая рубаху.

Холодная вода и впрямь помогла - стало чуточку легче:вытершись рушником, прошли они в курень. На столе стоял уже полуштоф и на большом блюде - горкой квашеная капуста.

- Ну - давай для здоровьишка-то! - облегченно и нетерпеливо выдохнул Ефим, трясушейся рукой наполняя чарки.

А Богдан как раз заметил, что на гвоздях, вбитых в стену у двери, висит полувысохшая черная баранья шапка, а ниже ее - тоже непросохший еще тулуп.

- А что, дядько Ефим,- ты ночью ездил куда-то?- спросил Богдан, кивнув на шапку.

- Держи.- вместо ответа Подкова протянул ему чарку.

- В нос Богдану шибанул отвратительный, липкий водочный дух,- он аж сморщился.

- Нет, что ты! Я на нее и глядеть - не то, что пить,- не могу, воротит прямо с души! Нет, не стану я пить! - тихо, но решительно проговорил Богдан.

- Чего? Почему это так - ай голова прошла? - удивился Подкова.- Ты чего это, парень?

- Голова-то не прошла,- вяло отвечал запорожец,- да болит ведь она от сивухи проклятой - а ты и еще пить зовешь!

- А-а-а...- протянул Подкова,- я и забыл: у вас ведь, у запорожцев, нет такого обычая, чтоб похмеляться. А клин - его ведь клином вышибают!.. Потому - бери чарку-то.

- Да мне и смотреть-то на нее тошно...

- А ты пересиль себя; я уж знаю, чего говорю... Бери же!

Взяв в руки посудину, с трудом опрокинул в себя казак вонючую жидкость, щепотью захватил капусты, жадно прожевал ее... И вправду - уже через минуту почувствовал он, что сдавливающий виски обруч мало - помалу начал разжиматься.

- Ну что теперь скажешь,- легче, а? - заглянул ему в лицо Подкова.- Так-то вот! Наперед знай: я, чай, худому не научу...

- И правда легче,- кивнул Богдан и потянулся за капустой. И спросил опять:

- Так ты ночью ходил куда-то? Вон одежда мокра...

- Ты... ты вот что, Богдане,- точно не слыша его вопроса, суетливо заговорил сотник,- ты на капусту не шибко налегай-то. Мы с тобой опосля поснедаем, а покуда вот выпьем по полчарочки - и будет; тогда и вовсе поправимся!- он опять взялся за штоф.

Вдруг в сенях хлопнула дверь, раздались чьи-то шаги...

Подкова вскинул голову, и на лице его промелькнула досада. Богдан же, сидевший к двери спиной, не пошевелился даже, будто и не слышал ничего. Спокойно поднес к губам чарку... И в этот миг хлопнула входная дверь.

- Ты чего, Иван,- привстав со скамьи, заговорил Подкова,- я же велел тебе...

- А кто ты таков, чтобы велеть мне,- донеслось от двери, и Богдан узнал этот хриплый голос - голос ночного гостя,- боярин, воевода какой?.. Али я таракан - одни они у тебя в сарае! Я же - человек, и с человеками быть желаю.

Тяжело ступая, говоривший подошел к столу, и только тогда Богдан смог рассмотреть его.

Росту он был среднего, пониже высокого Подковы, но в плечах широк и, как видно, силен. Из рукавов дорогого, но старого и короткого ему боярского кафтана высывались узловатые, жилистые руки. Штаны совсем новые, но неумело, кое-как заштопанные. Они заправлены в высокие, желтой глиной изляпанные сафьяновые сапоги.

Кафтан, подпоясанный красным кушаком, расстегнут, а за кушак засунуты два пистоля; справа на кушаке же висел большой кистень, слева - кривая длинная сабля в потертых ножнах. Привлекала к себе внимание ее рукоятка: серебряная, сделана она в виде змеиной головы, и глазами ее были два маленьких лала,еще больше оттеня почерневшее серебро своим кровавым блеском. И что-то общее было у владельца сабли с этой вот змеиной головою...

Глубоко посаженные его глаза точно пронизывали из-под мохнатых, нависших бровей, сросшихся на переносье. Нос был крупный, перешибленный; толстые губы - в тени черных усов, спускавшихся к такой же черной, всклокоченной бороде, в которой густо застряли мелкие соломинки.

Глаза его,- вот что враз напомнило Богдану змею: небольшие, холодные и неподвижные,- сверлили они, точно буравчики... Так змея смотрит на свою жертву.

- Бражничаєте? - нацепив на лицо недобрую усмешку, спросил незнакомец, подходя к столу.- Ну, ин и я с вами, а то в голове черти ровно наковальню открыли...

Толстыми, точно обрубковатыми пальцами ухватив штоф, до краев налил он чарку, одним глотком жадно ее осушил...

- Здравствуй, добрый человек! - слегка поклонился Богдан, привстав.

Не взглянув на него даже, незнакомец плюхнулся на лавку, потеснив запорожца на край. Щепотью захватил капусту, захрустел ею, зачавкал.

- Здравствуй, добрый человек! - ровным голосом повторил молодой казак, глядя на него.

Глаза - буравчики оборотились в сторону Богдана, но глядели они как-то мимо него. Незнакомец произнес медленно:

- Меня, милый выюнош, лет двадцать, почитай, никто добрым не называл... И правильно это - понял?!

- Меня Богданом зовут.- Спокойно вставил запорожец.

- Ну, а меня Иваном... Кистень по прозвищу. Слышал ли?..

- Нет. Не слышал.

- Так вот знай - недаром меня так прозвали - понял?- с затаенной угрозой в голосе проговорил Кистень.

- Ну, а мне что с того?- с ленивым недоумением пожал плечами Богдан, отодвигаясь.

Помолчали.

Чтобы как-то загладить грубость своего гостя, Ефим засуетился, принес третью чарку, заговорил торопливо и примирительно:

- Да ладно тебе, Ванька - ровно бирюк ты! Человек с делом приехал, издалече, а ты... Ну, выпьем за знакомство-то!.. - он наполнил чарки.

Не посмотрев на него, Иван нашарил свою чарку, однако выпить не спешил - молчал, глядя в стол. Когда Ефим с Богданом выпили, проговорил медленно:

- С делом, стало быть, приехал ты, сокол? А с каким делом-то, к кому?..

Власть похрустев капустой, так же неторопливо отвечал ему Богдан:

- С Сечи я с Запорожской, гонец оттуда. А дело у меня - к волжскому атаману Ермаку.

- Вона как?.. - ухмыльнулся не поднимая глаз Кистень, - чудно...

- Чего ж тут чудного?! - пожал плечами Подкова.

- А то и чудно... - Иван поднял свою чарку, выпил водку; обтерев ладонью усы, помедлил, повторил вразяжку:

- То-то и чудно мне...

Он вдруг резко вскинул голову - и глаза-буравчики уперлись прямо в лицо Богдану:

- То и чудно мне, что гонец запорожский три дня уж как приехал к нам! - закончил он быстро и резко.

В комнате мгновенно повисла звенящая тишина...

Глава 7. “Испытание”.

Под этим холодным и пустым, выжидательным взглядом невольно отшатнулся Богдан к стене; а слова, ужасные слова Кистеня ошеломили его.

“Кто мог послать его, второго гонца? И зачем?! Нежто батько мне не верит? Нет, конечно же - нет! Но почему тогда второй гонец, зачем?..” - вихрем пронеслось в голове запорожца.

А Кистень, видя его смятение, заговорил тихо и вкрадчиво:

- Что теперя-то скажешь, соколик залетный? А? Просчитались со временем твои-то хозяйева, тебя посылая?.. Раньше, раньше им это делать было надо! А теперя - поздно.

- Что ты мелешь такое, Иван?! - растерянно пробормотал Подкова. - Могу поручиться я - с Запорожья он! И казаков всех знает, и жил в местах тех - я ведь его расспрашивал! И письмо у него есть ко мне - от Удачи, атамана запорожского...

- Вестимо,- закивал головою Кистень, не отнимая своего взора от Богданова побледневшего лица,- они, бояре-то - не дураки! Абы кого не пошлют... Так али нет, Богдан - или как там тебя взаправду кличут?..

- Не знаю я про второго гонца,- собравши всю волю в кулак, как мог твердо отвечал Богдан,- не могло быть его! Потому что посылал меня к Ермаку сам атаман наш, Удача - и про другого гонца разговору не было! И дал мне Удача знак - по нему и признает меня Ермак, по знаку по этому! Веди же, коли знаешь, как сыскать его,- веди меня к Ермаку: уж он сам разберет, правду говорю я или нет! Только с ним я говорить стану.

- Ты, паря, с Богом поговоришь вскорости,- зевнув, лениво проговорил Кистень,- уж это я тебе обещаю! И коли хочешь, чтоб смерть твоя быстрой да легкой была - все мне сейчас и расскажешь: кто послал тебя, и зачем, и кого из ваших людей в ватаге знаешь ты... Все как есть! Понял ли?

- Говорю тебе - гонец я запорожский! Я!.. И грамота у меня есть...- торопливо заговорил Богдан; на душе юноши делалось все тревожнее. Хуже того было то, что никак не мог понять он - откуда мог взяться этот другой гонец... Но все ж надеялся, что удастся ему доказать свою правоту...

- Грамота?..- мясистые губы Кистеня искривились в пренебрежительной усмешке.- Что ж, и у того грамота была! И у тебя, значит, есть? Занятно; свезу ее батьке: почитаем, чего это дьяки Бельского-то пишут. Посмеемся, авось! Ну, давай грамоту-то!

- Не тебе она писана - и не тебе читать ее! Не дам! Ермаку она...

- Правильно, Ермаку и свезу ее.- согласился Кистень.- А не хочешь давать - и не надо,- продолжал он, неуловимым движением доставая один из пистолей и направляя его на отшатнувшегося Богдана.- Сам возьму ее... Как убью тебя. Или все же отдашь?

Беспомощно и жалобно оглянулся на Подкову он - но тот, пораженный услышанным, был совершенно сбит с толку и не знал, кому верить. С одной стороны, сотник знал: и вправду этот молодой казак - с Запорожья, и поговору это видно... Но как быть с тем, что только что сказал Иван?! Ничего не понимая, растерянно переводил донец взор свой с Ивана на запорожца...

- Так ты, может, думаешь - я шутки шучу? - вкрадчиво спросил разбойник.- Так вот - гляди!- взведя курок пальцем, он переложил оружие в левую руку, а правой из-за пазухи грязной рубахи достал медный крестик и, не сводя глаз с Богдана, поднес крестик к губам.

- На том крест целую, что выстрелю в тебя я, если не отдашь ты письмо твое мне. Понял? Ну так думай скорее.

- Сведи меня к Ермаку Тимофеевичу - с ним одним говорить буду!- с отчаяньем в голосе крикнул Богдан, лихорадочно соображая, как быть. Что делать? Сабля и пистолы его далеко, на сундуке лежат, под кожушкой. Попытаться выбить пистоль у Кистеня? Но он караулит каждое движение Богдана и успеет нажать на курок. Как же быть?!

- Не к Ермаку ты пойдешь сейчас - а прямо к Господу Богу нашему, голубь - коли дурить не бросишь.- ласково проговорил Кистень,- Чай, говорено уже! Так што давай письмо твое. Что - не дашь?-врешь!.. Жить хочешь - потому и отдашь его, понял? Так давай же - чего время-то тянуть!

- Н-нет! - только и смог выговорить Богдан, еще больше бледнея.- Нет!.. Только Ермаку одному...

- Ну, ладно. Сам себя губишь,-притворно вздохнул Кистень.- Жаль тебя, молод ты еще... Да делать нечего. Сам того ты захотел. До трех чту я - после стреляю. А ты думай пока - смерти али живота хочешь. И как надумаешь - отдай грамоту.

Молча, с мольбой и отчаянием глядел Богдан в пустые, как у волка, глаза разбойника.

- Р-раз!..- четко произнес он.

- Иван... Ванька!- слабо проговорил Подкова и привстал.- Да погоди ты... Тут...

- Еще раз двинешься - и сглотнет этот щенок пулю, - не отрывая взгляда от Богдана, бросил Кистень.- Сиди, покуда сидится... Два!!- неожиданно выпалил он.

Кремень пистоля дернулся и медленно двинулся к затравке...

Богдан еще нашел в себе силы перекреститься своей непослушной, точно ватной рукою.

- Нет, с Запорожья я,- шептали, едва шевелясь, его бледные губы,- а грамоту только самому Ермаку отдам...

А зевластое дуло пистоля глядело ему прямо в грудь.

- Три!!.

И... грянул выстрел!..

Глава 8. “Развязка”.

Последнее, что увидел Богдан - это полыхнувшее пламенем уставленное в грудь ему близкое дуло пистоля. И - ни боли, ни удара - одна лишь непроглядная тьма, враз окутавшая сознание...

А потом, сквозь эту тьму - чувство того, что на лицо его плещет прохладная вода. Неужто - жив?! Может, попробовать открыть глаза?.. И он рывком распахнул веки, боясь увидеть ту же черноту, затемнявшую сознание.

Но увидели его очи свет... День был сумрачный; в небольшое оконце, задернутое рыбьим пузырем, проникало и вовсе немного скупых солнечных лучей. Но так ярко и радостен казался казаку этот свет!

Он лежал на лавке, на все еще неубранной перине. Над ним склонился Подкова; бледный, трясущимися руками плескал он воду из глиняной мисы в лицо Богдану.

Кистень стоял рядом с Ефимом; увидев, что запорожец открыл глаза, он натянуто улыбнулся и заговорил:

- Уж ты прости, друг милый, што малость попутать тебя пришлось! Да ведь и сам в расужденье-то возьми: к нам в ватагу много люда приходит... Ну, и всяко случается! Бывает так - приходят трое, один другого вроде бы знают, и друг за друга поручиться готовы. А на проверку выходит, что один из этих трех - ярыга, истец боярский. И покуда дознаемся, кто он таков - он, бывает, много бед причинить успеет. Так-то вот!.. А ты, Богдан,- человек и вовсе неизвестный, незнакомый никому - с таким ухом остро держать надобно... а письма твои, грамоты - эва! Нешто дяки-то боярские писать разучились?! Они, брат, такую грамоту тебе напишут - хучь от польского, хучь от свейского короля, хучь от Папы Римского. И печать изладят - не отличить! Ну, я и зарядил пистоль единым лишь порохом - с легким пыжом одним, ну и... испытал вот тебя!

Чувствовалось, что он был несколько смущен и потому говорил много и быстро.

- Так что, парень, зла не держи - ладно? - он заглянул в глаза Богдану и улыбнулся:

- А теперя вижу вот: свой ты! И - хват: не трус и душою тверд! Такие мне по сердцу. Так что теперя и обзнакомиться можно: будь здоров, друг Богдан! - он протянул запорожцу свою широкую ладонь.

Сев на лавку и с трудом еще соображая, Богдан, не глядя на него, пожал ему руку. Голова его слегка кружилась, мысли путались. Да, несладко умирать! - мелькнуло в сознании.

- Ну, вставай же! - хлопнул Иван его по плечу. - Пошли к столу - выпить надо за знакомстве-то!

- Хорошо знакомстве! - тяжело произнес Подкова, в упор глядя на него. - Ты, Ванька, не токмо душегуб - ты и сволочь еще! Свой он, говоришь ты? А рази со своими так-то делают, как ты?! Недаром отец - покойник не любил тебя - еще с юности червоточину в тебе видел! Истинно ты - сволочь и душегуб. И таким и помрешь!

При первых словах брата Иван зло обернулся к нему, подступил ближе, точно собираясь возразить - но вдруг как-то сник, уронил голову...

- Твоя правда, братан!.. - тяжело вздохнул он. - Да, - не любил меня отец; кабы любил - дозволил бы рази с Федькою Черным, с Матвейкой Мещеряком дружбу-то водить?.. Знал он, отец-то - с кем поведешься, от того и наберешься! А они ведь уже тогда татями были. И когда сказал я ему - ухожу-де на Волгу - не удержал, как отрубил - делай, мол, что знаешь. И краденное, чай, не гребовал от меня принимать - а на людях ведь слыл праведником, в старостах церковных ходил... Знал, что с Волги одна мне дорога - на плаху лишь! Знал... а не остановил ведь! Ты, видно, забыл про то, Ефимка? А я вот - помню!.. - с надрывом закончил он и продолжил уже тише:

- Вот думал я не раз: все, хватит! Подкопил золотишка - и домой, во станицу; а там возьму в жены девку пригожую, стану хозяйствовать, детей растить и горя не знать... Ан нет, поздно! Поздно, потому как душа моя в крови. Бог-то - он милосерд, грехи прощает, а вот душа-то - нет! Верите ль, други - сколь годов уж минуло, а первый купец, что убил я - он и поныне мне снится! И мнится мне в снах тех, что руки мои - в крови; тру я их, тру, а кровь-то с них не сходит, не стереть ее, не смыть, не выкинуть из памяти злодейства мои. Страшно...

Страшно порою бывает мне! - вскрикнул Иван, внезапно вскинув голову, и такая дикая, звериная тоска плеснулась в потемневших глазах его, что Богдан и Ефим, молча слушавшие эту исповедь, невольно вздрогнули.

Не ответив ни словом, опустил голову Ефим; а что ему было говорить? В том, что произошло с его младшим братом, чувствовал он и свою вину...

А Богдан - вдруг встав с лавки, подошел к разбойнику, положил руку на плечо.

- Кто не грешен из нас? - произнес он негромко. - Все мы грешны. Так зачем ты здесь - каждый день грехов лишь добавляет. А ты коли хочешь жизнь такую оставить - ступай к нам на Сечь Запорожскую; станешь с нашими казаками саблей своею от ляхов да татар веру Православную оборонять грехи свои делом добрым да молитвою замаливать. Сечь наша - она людям рада! - закончил он эту речь словами своего отца.

Кистень не прервал его ни словом, ни жестом; молча глядел он в лицо взволнованному Богдану - и глаза его с каждым словом запорожца теплели. А когда тот закончил - разбойник, вздохнув, произнес тихо:

- Э-эх, парень... Сладка речь твоя, и по сердцу она мне, да... Да где был ты лет пятнадцать назад?.. Тогда бы уговаривать так-то надо было б; а теперь... Поздно, Богдан. Здесь все можно кинуть - и ремесло постылое, и товарищей злых... А вот память, Богдан - память никуда не денешь. Спасибо тебе на слове добром... Да только ни к чему все это... Поздно.

Он на миг опустил лицо - и внезапно вскинул голову; теперь во взгляде его и следа не осталось от мягкой грусти - так и плескала из глаз разбойная лихость.

- Тю... Разговорился я, разболтался, ровно баба... А вы и уши поразвесили. Гей!- скорым шагом подошел он к столу, плеснул горилку в чарки, ухватил свою и высоко поднял ее.

- Гей, Ефимко!- гикнул он.- А покажем запорожцам, как донцы - орлы гулять умеют, эх!- даже притопнул ногою,- ну! Чего стали-то?!

Но несмотря на весь залихватский вид его, в голосе явственно скользила невысказанная тоска...

ЧАСТЬ 2. “НА ВОЛГЕ”

Глава 1. “Дорога”.

Утро было серое, мглистое и туманное; словно мохнатой овчиной, была одета земля беле-сой, плотной мутью, и окрест было видно не далее двадцати шагов. А дорога была - не дорога, а так, слабая тропка среди пожухлой травы. Туман давил на уши, не пропускал ни единого звука,- было тихо, как в склепе.

Но выросшему здесь Кистеню путь этот, как видно, был хорошо знаком и привычен: он уверенно рысил впереди, не оглядываясь на Богдана, а тот так же молча поспедал следом, кутаясь в свой кожанок: было не то чтобы холодно, а как-то промозгло и сыро.

Вчера поздним вечером, когда в домах уже гасли огни, а редкие прохожие исчезли с улиц городка, трое всадников задами выбрались за околицу. В том месте, где начинавшийся за левадами овраг полого переходил в степь, остановились.

- Ну, дальше уж вы одни, а я назад,- негромко сказал Подкова,- да поостерегитесь: там,- кивнул он налево,- там караул стрелецкий, на большой дороге-то... Храни вас Господь!- и Ефим по очереди обнял каждого из отъезжающих. Кистеню при этом шепнул:

- Береги Богдана, Иван. Молод он еще, горяч. И... и себя береги тож, братан!

- Не бойсь,- сверкнул глазом Кистень,- не пропадем!

Богдану Ефим сказал:

- А ты, хлопче, во всем Ивана слухай - путь вам недолог лежит, но опасностей много. И, как назад вертаться будешь - беспременно ко мне заезжай, понял?

- Понял, дядько Ефим! Спасибо тебе за хлеб - соль. Заеду! Дней через десяток жди.
- Добро бы,- проговорил Ефим, поворачивая коня. И, махнув им рукой, скрылся во тьме.
Проследив взглядом за уехавшим братом, Иван обернулся к запорожцу.

- Ну что ж, паря,- начал он,- слухай теперь, что я скажу тебе... В дороге мы дня два, ну, три будем, и путь нам лежит почти прямо на восход - знай: кады солнце на красняке по левому уху коня будет - стало быть, верно идешь. Путь наш опасен - тут, в степи, караулы стрельцкие да разъезды. И ежли дам я знак тебе - утекай вовсю, только так и надо: они, стрельцы-то, в одиночку не ездят, десятком али двумя. Не отбиться - токмо уйти можно. Так что скачи без оглядки! И коли потеряешь меня, то сам Ермака сыскать не пытайся, а ездай на восход. Дойдешь до Волги, а там у рыбаков спытаешь, где найти тебе рыбака Микиту, Кривой по прозвищу. Погоди-ка...

Прервав свою речь, разбойник запустил руку в сапог, что-то извлек оттуда и протянул Богдану:

- Вот, возьми!

Это был небольшой нож с изогнутым лезвием и серебряной рукояткой, покрытой тонкой затейливой резьбой,- такие ножи носят на Востоке.

- Нож этот ты Миките покажешь, и примет он тебя; у него меня и жди - два дня, не боле. Ну а коли не приеду я... Обскажи Миките, что-де Ермак тебе нужен - он и научит, как сыскать его. Он, Микита-то, надежен - много годов в ватаге ходил, а под старость раздал добро награбленное нищим, и живет теперь навроде отшельника... Эй, ты чего? Зачем так-то?- воскликнул он, увидев, что Богдан прячет нож в переметную суму.

- А куда ж мне его?

- В сапог схорони - может, и пригодится! Как ведь бывает-то: саблю из рук вышибут, повалят,- што делать?! А нож в сапоге - он завсегда с тобою будет.

- Вот, вот так,- кивнул он и продолжил:

- А коли случится так, што поймают тебя стрельцы,- не бойся. Говори: я-де с Запорожья, отвозил грамоту в Урюпинский, Ефиму, мол, Подкове; а как начал назад вертаться - заплутал в тумане. Спросят - пошто убежал - скажешь: с испугу вас за проклятых воров принял... Понял? Тебе-то поверят они!

- И последнее,- закончил разбойник,- где грамота-то твоя?..

Эге-е!.. Теперь он не безоружен, и шутить с собою больше не даст! Положив ладонь на рукоять сабли и глядя на Кистень в упор, спросил Богдан - очень спокойно:

- А ты, Иван - опять за старое?

- Да дурень ты!- не обидевшись и не разозлившись, отозвался разбойник.- Пойми, головушка: а ну как убьют тебя - всяко ведь быть может!- где я ее, грамоту-то, искать стану?! Сам ведь говорил - Ермак ту грамоту дожидает, и нельзя, чтоб она в руки кому другому попала... А ну как стрельцам она достанется? Мне не давай, пушай у тебя будет,- скажи только, где она?

А ведь Иван, пожалуй, прав! И Богдан решился:

- К рубахе пришита она... С левого боку.

- Вона как? Хитро. Ну ладно, трогаем! - скомандовал Кистень и двинулся вперед; Богдан последовал за ним. И за всю эту долгую осеннюю ночь они не сказали друг другу ни слова.

Да, хорошо знал Иван степь,- только дважды за всю ночь он, остановившись, слезал с коня и, ругаясь шепотом, приклонялся к земле, внимательно в нее вглядывался и по одному ему ведомым приметам отыскивал верный путь.

А когда вокруг засерело, остановился Кистень в третий раз, замер, прислушиваясь; остановился и Богдан. Ни звука не донеслось до них сквозь туман.

- Что за черт,- проворчал донец недоуменно,- вроде верно шли... неужто сбились?! А ну-ка...

Он поднес сложенные ладони ко рту и вдруг протяжно завыл по-волчьи, да так похоже, что лошади тревожно всхрапнули и шарахнулись в сторону. Серdito одернув своего коня, он вновь прислушался; напряженный слух уловил едва слышный собачий брех.

- Хорошо!- довольно усмехнулся он,- верно идем! Хутор там,- указал он рукою влево,- но нам туды ехать не след: караул там стрелецкий стоит.

Дернул повод и тронулся рысью, забирая вправо, к югу.

Ехали еще часа два; за это время совсем рассвело, но свету прибавилось немного - туман все не расходился.

Внезапно Иван натянул поводья,- дорогу им преградил извилистый, глубокий овраг. Кистень обернулся к запорожцу.

- Видал? Тут вот и переднюем. Ну, поехали!

Для стоянки выбрал он место, где овраг расширялся шагов до двухсот, а склоны его были более пологими. Дно густо заросло кустарником и низкорослыми деревьями. Они спустились вниз, туда, где извиваясь меж древесных корней тихонько журчал небольшой прозрачный ручеек.

- Коней не расседывай,- деловито распоряжался разбойник,- чай, не дома! И спутывать не надо - привяжи поводья-то к веткам, и все. Хотя нас тут и сам нечистый не сыщет, да так все ж надежней будет... На! - вынул он из сумы переметной попону,- расстели да ложись покуда, а я посижу. После сменяемся с тобой.

Но спать им в этот день так и не пришлось.

Глава 2. “Товарищи Кистеня”.

Только теперь Богдан почувствовал, как он устал: в путь они тронулись ранним вечером, а сейчас уже до полудня недалеко. И молодой казак с наслаждением вытянулся на попоне.

Однако заснул он, хоть и устал порядком, не сразу - это тебе не в курене у Подковы! Тут кругом - враждебная степь, полная врагов. А в тумане таком стрельцам к ним подобраться - раз плюнуть! И потому невольно пришли на ум запорожцу слова отца:

- Прежде чем заснуть на роздыхе, - говорил раз Удача, - за конем погляди, которого ты пастишь отпустил; если он спокойно траву щиплет - хорошо все кругом. А вот если прядает он ушами, все в одну сторону поглядывает да принюхивается,- знай: зверь либо человек рядом. И если конь начнет потом всхрапывать да копытом бить,- тот, кого учуял он, к тебе близится!..

Так вот и сейчас: Барвинок мирно и беззаботно щипал пожелтевшую траву, а вот Кистенев конь и Орлик посматривали вправо и принюхивались; нагибались к траве - и вновь поворачивали головы... Чего это они? Может, лиса там или другой какой зверь?

Но у Богдана грамота - и рисковать он не может! Решительно поднялся молодой казак на ноги и подошел к Ивану.

Выслушав Богдана, тот с минуту подумал, посматривая на коней - и рассмеялся, обернув лицо к запорожцу

- Ну вот, а Ефимка-то тебя беречь наказывал: молод, мол, ты! Молодец; а мне и невдомек было - о своем я думал... Ну, ладно! - решительно закончил он, вставая.- Пойти глянуть, что там - соседи нам не надобны...

- И я с тобою.

- Зачем? Я мыслю - ничего это,- мотнул головой разбойник и пояснил:

- Скорей всего - наши там! Дорога-то - она у самого оврага проходит; удобно там купцов подсидывать: в овраге хоть сотню людей спрячь - и не видать их... Так ежли и есть там кто - наверняка свои, ватажники. Че там стрельцам-то делать? Потому сиди. Я уж один схожу.

- Нет уж, Иван! И я с тобою. Вдруг там чего...

- Да тебе ведь и грамоту беречь надобно. А ну как все ж стрельцы там?!

- Если так - то и вовсе вместе идти нам надо. Вдруг - заметят они тебя?! Одному от них отбиться трудно, вдвоем - легче. Один-то в поле не воин! - горячо проговорил Богдан.

- Ладно, ладно...- проворчал Кистень.- Вот уж - не сидится на месте! Ну, пойдем, коли так...

Они двинулись по склону оврага - Кистень впереди, а Богдан шагах в двадцати сзади; так твердо заявил ему Иван. Пройдя шагов двести, разбойник остановился, жестом поманил Богдана.

- Чуешь? Дым! - тихонько проговорил он.- А наши-то огня палить не должны,- хоть и туман, а все ж поостерегаться им надо! Скорее всего стрельцы там караулом встали, греются. Вот уж принесла их нелегкая, не сидится им в Урюпинской, проклятым! Да и што они тут высидят?! Наши-то, чай, не дураки - по дорогам ходить, да еще и днем... Ну, я пошел. А ты тута будь, да сиди тихо, как мышь!

- Так ведь...- начал было Богдан, но Кистень не дал закончить - оборвал жестко:

- Ты вот што, сокол ясный! Старшой тута - я, и потому должен ты слушать меня во всем. Понял? Понял, говорю?!

Богдан молча кивнул, и он продолжил уже мягче:

- Ну, то-то же! Да и я там не задержусь: как только увижу, что стрельцы это - враз назад! А может, ватажники наши,- так тогда погутарить мне с ними надо будет... Жди, а чуть чего - утекай: грамота у тебя! Да помни, что я тебе про Микиту-то Кривого говорил!

Сказавши так, он повернулся и, осторожно пригибаясь и прячась за кустами, скоро пропал в тумане. Богдан остался один, напряженно вслушиваясь в тишину, боясь, что вот сейчас взорвется она выстрелами, криками, звоном сабельным... Но все было тихо.

Между тем минуло уже почти полчаса, а Ивана все не было. Что там? Если все тихо - значит там, у невидимого костра были "свои", то есть ватажники. Ну, что ж, Иван, понятное дело, заговорился с ними... Значит, все в порядке, и ему можно идти спать: ведь впереди - бессонная ночь.

Но все ж решил Богдан глянуть, что там - чтобы быть совсем спокойным. И, таясь на всякий случай, двинулся вперед.

Через полсотни шагов донеслись до него голоса; остановился, прислушался... Да, говорят спокойно, без крику, и вроде один из голосов - низкий и хрипловатый голос Кистеня. Да, точно - он это! Но все-таки глянуть надобно, что там. И, движимый любопытством, еще осторожнее пошел на голоса...

Вот и место, где вяло дымятся уголья полупогасшего костра - разведен он в месте, где склон оврага почти горизонтальный, порос редким кустарником,- точно ступенька. У костра сидят двое, да еще третий поотдаль.

Лицом к Богдану - Кистень, сидит он у костра и слушает рассказ человека, что к Богдану спиной. Ни лица его, ни одежды не различишь, но угадывается, что мужичонка он невысокий и щуплый. И, видно, хворый: покашливает все время.

Третий же... Третий странный какой-то: не жарко ведь - а он в одной холщовой рубахе; привалился к дереву спиной, а бледное - даже отсюда видать это - лицо опущено вниз, глаза прикрыты. Спит он - или пьян? Нет, ни то и не другое!..

Левый рукав его краснеет свежим кровавым пятном,- раненный это! И... да, точно - руки-то он за спиной держит,- связан, стало быть! Полоняник,- вот кто это.

- ... Ну, мы их-то пропустили, не тронули,- между тем рассказывал сидящий у костра разбойник,- их ведь - эва! - поболее десятка было,- где ж совладать с ними?! Нас-то пятеро - куды? Ждем дале; слышно - опять копыта по дороге, глядим - едут трое, шибкой рысью едут. И в кафтанах стрелецких... То, что надо! Ну, Ефимка - а он в стрелецкой одежде-то был - и порскнул на дорогу, лежит и стонет. Те ближе подъезжают, и видно - передний в кафтане боярском; подъехали, Ефимку окружили; один с коня слез, нагнулся к нему,- а Ефим его ножом в шею.

По второму-то мы из пистоля вдарили, а под энтим чертом коня убили. Так он, вражина, на ноги вскочил и Ефима - саблею! Мы набежали, так он и на нас кинулся, пришлось его маленько помять... А Ефима он - насмерть! У, аспид проклятый! Сколь разов ходил братан-то мой под смертью - она его не брала, а тут вот...- он с натугой прокашлялся и крикнул со злобой:

- Эй, боярин! Пошто голову повесил?! Ниче, щас вот мужики вернутся - мы тебя...

Че молчишь-то? Я вот тебе... - и он привстал было.

- Да брось,- махнул рукою Кистень,- ему и так несладко, а тут ты еще... Что же баит он - скоро Бельский-то нас изведет, али как?

- А брешет он,- успокаиваясь, зевнул разбойник,- все про грамоту каку-то толкует...

- Да не брешу я,- были б руки свободны, и крест на том бы поцеловал!- раздался слабый, страданием перехваченный голос.- Везу я на Москву грамоту из Астрахани, и коли не поспею я - великие беды Русь ждут! Извещает Государя дьяк Выродков, что собрался султан Турецкий с ханом Крымским в поход на Русь, и если...

- Ты язык побереги,- злобно бросил разбойник,- он тебе пригодится скоро, как попотчует тебя мы угольями... А покуда помолчи...

- Не дело это, Филька,- хмуро сказал вдруг Кистень,- ты кто - христианин али нехристь? Ранетого - и угольями?! Виданное ли дело! Да и батько прознает - быть беде: знаешь сам - он велит всех бояр да истцов уловленных к нему тащить; а в гневе он крут, ты про то лучше меня ведаешь...

- Ништо,- холодно усмехнулся разбойник,- не сахарный. не растает... А и растает - нового добудем! Так и так порешили мы - не бывать ему живу: братана мово - Ефимку-то - он ведь убил... Да если б одно это! У меня.- накаляясь все больше и больше, тяжело дыша, говорил разбойник,- у меня ко псам боярским свой счет! Мы с Ефимкою-то в лесах шалили, а в приказную избу на правез отца мово взяли - так и помер на дыбе! И теперя я коли не пролью крови дворянской - мне тошно, а увижу ее на ноже или на сабле - мне и сладко... Что ж мне теперь - целоваться с ним?! У! Ненавижу все их племя проклятое боярское. И покуда жив - зубами их рвать буду!.. - вскричал Филька и, вдруг выхватив из костра головню, пружинисто вскочил. Метнулся к боярину - и прижал дымящийся конец обгорелой палки прямо к босой ноге раненого...

Тот дернулся, застонал громко и протяжно; Кистень поднялся на ноги, но сказать ничего не успел: головня выпала из руки Фильки, а в следующее мгновение тот, выхватив из-за пояса пистоль, круто развернулся и уставился туда, откуда вдруг донесся шорох и шум торопливых шагов.

Глава 3. “Что порешил Богдан”.

Кусты раздвинулись, и из-за них, слегка прихрамывая, вышел Богдан.

- Прости, Иван,- одними глазами улыбнулся он, глядя при словах этих не на Кистеня - на Фильку,- ногу вот я подвернул... Больно!

- А ну - стой! Стой, говорю я тебе! Кто таков ты? - грозно спросил Филька, направив дуло пистоля в грудь Богдану.

- Спрячь пистоль, Филька! - нахмурился, велел Иван,- свой это!

- Какой такой свой? И одет не по-нашему... Да откуда он, этакий?!

- С Запорожья,- коротко отвечал Богдан, к костру не подходя, а становясь - как бы невзначай - между пленным и Филькой.

- А куды идешь и зачем? - продолжал допрашивать разбойник.

- На тебя поглядеть - у них там своих дураков нету,- досадливо проговорил Кистень и прикрикнул:

- Да брось ты оружие свое, остолоп!

- Пошто лаешься, Ванька? - обиженно протянул разбойник, пряча пистоль,- мне любопытно все ж...

- Много знать станешь - зубы со старости выпадут! - отрезал Иван, хмуро и пристально глядя Богдану в лицо.

А Богдан меж тем прошел к костру, опустил на землю.

- Я с Запорожья. К атаману вашему, Ермаку, оттуда приехал...- спокойно сказал он Фильке.- Слышишь, Иван! Там кони чего-то ржали, так ты бы сходил, глянул, как там. А я посижу- нога вот, проклятая...

Говоря, он не смотрел на своего спутника, отведя взгляд в сторону.

- Та-ак...- после паузы неопределенно протянул Кистень, еще раз окидывая пристальным взглядом молодого казака,- кони, говоришь, ржали? - повторил он медленно.- Ладно... Ты посиди покуда, а я вот к мужикам-то схожу; они тут, неподалеку, могилку копают, потолковать мне с ними надобно... И возвратиться они должны скоро. И ты тут долго не сиди - ступай себе к лошадям. Не медли, понял?..- заглянул он в глаза запорожцу, и показалось Богдану - чего-то недоговаривает разбойник...

А сказавши это, проворно вскарабкался он на склон оврага - и пропал в тумане.

Филька присел рядом с Богданом; почесал кудлатую голову, протяжно зевнул и спросил лениво:

- Так, значит - с Запорожья ты? Ну как - скоро придете-то вы, чтоб на Москву с нами иттить? К зиме поспеете?

- Филья,- проговорил Богдан,- а может, не врет боярин-то этот? Может, он и вправду в Москву по делу важному поспешает?

- Кто знает,- можа, и так,- безразлично кивнул разбойник,- да как узнать-то! Грамота у него есть - да кто прочтет ее?

- Дай ее - я и прочту!

- А ты что - грамоту разумеешь? - с любопытством спросил разбойник.

- О! Я, брат, разумею грамоту польскую, латынскую, немецкую и русскую! - гордо отвечал Богдан.

- Эва! Ровно поп. Ну на, чти! - Филька поднял с земли валявшийся в стороне от костра свиток, протянул Богдану.

Русскую грамоту Богдан знал куда хуже, чем польскую или даже немецкую, но, посидев над посланием, все-таки понял его содержание.

- Филья, а ведь не врет-то боярин! - воскликнул он. И вправду самому царю грамота та. Пишет думный дьяк Выродков, что собрались татары в набег и вскорости на Руси будут...

- Она как!- удивился тот,- А я думал - брешет он!

- Да не брешу я,- трудно выговаривая слова, произнес боярин, который все слышал,- на Москве той грамоты дожидают... Великие беды Руси будут, коли запоздает весть эта и войско собрать не успеют... Отпустите вы меня, Христа ради! Не для себя прошу - для земли Русской!

- Вот скоро и ляжешь в нее, в землю-то!- захохотал разбойник.- Ох и рассмешил...

- А ведь прав он. Должна та грамота поскорее в Москву попасть! - тихо и отдельно проговорил Богдан.- Сам посуди - и вправду беда великая грядет на Москву! И если не поспеет вовремя та грамота...

- Да мне-то што? - пожал плечами разбойник,- што у меня на Москве терем, жена, дети? Нету у меня никого - и потому мне до Москвы дела мало. А у меня - брат вот один был да того не стало Этот проклятый у меня брата загубил - и потому и ответит! Щас мужики придут - ужо попотчuem его угольками-то! - закончил он со злобой.

- Да есть ли крест на тебе?! - вскричал пораженный такой лютостью Богдан. - Его - увечного раненого - и огнем пытать? Люди вы или звери?!

- А ты што за заступник такой выискался?! - спросил Филька насмешливо. И закончил - с грубой злобой:

- Не тебе, щенку, учить меня! Ишь что удумал - а вот шиш тебе! Как порешили мы - так и будет! Не тебе, шелудивому...

Оборвав насмешливую речь, он дернулся было - но успел лишь только вскинуть руки; вскрикнул и вяло осел на землю...

- Вы решили? - пробормотал запорожец сквозь зубы, пряча за пояс пистоль, тяжелая рукоятка которого только что с размаху опустилась на Филькин лоб. - Так я тоже решил!

Вынув из-за голенища нож Кистеня, он подошел к боярину. Опустился пред ним на колени - и стягивающие руки пленного ремни упали на землю.

Глава 4. “Боярин”.

- Мнится - сон дивный вижу! - простонал боярин, потирая затекшие запястья и силясь улыбнуться бледными губами.- Кто же ты, мой избавитель?

- Я-то? - отвечал Богдан весело.- А слышал ли ты про удалых казаков запорожских? Оттуда я!

- Знаю я казаков тамошних - народ славный да храбрый! Да только что ты тут, среди воров и татей волжских, оказался? Или на Родине твоей нет места тебе, где да за что силу бранную положить?- спросил боярин, делая попытку встать на ноги.

- Погоди-ка,- остановил его Богдан,- прежде плечо твое поглядим. Так... - разорвал он рукав рубахи.- Рана неглубока, но крови ты потерял довольно... Сейчас вот!

Он оторвал от подола длинную полосу, туго перевязал руку.

- Покуда сойдет; а впереди по дороге - караул стрелецкий на хуторе, там уж перевяжут как должно... Так-то вот! Теперь хоть кровь уймется,- проговорил он, помогая боярину подняться на ноги и одновременно его разглядывая.

Это был совсем молодой парень, одних лет с Богданом, примерно одинакового с ним роста и сложения. Только - смертельно бледно у него лицо, и глаза горят лихорадочным огнем - не опомнился он еще от своего неожиданного спасения.

- А про меня худо не думай,- не вор я и не тать, и здесь у вас, на Руси, гость недолгий. Не для татьбы сюда приехал... - объяснил Богдан. И тотчас же спохватился:

- Тебе, брат, ехать надобно,- ждут в Москве твоей грамоты, да и... Тати скоро возвратиться сюда должны,- езжай от беды подальше! Вон,- одежду-то свою возьми! - кивнул запорожец на увязанную в узел стрелецкую одежду и обувку.

Пока боярин одевал сапоги, Богдан спутал руки Фильке, все еще не пришедшему в себя, его же кушаком,- не ровен час, очнется еще! А боярин, натянув сапоги, подошел к запорожцу, положил руку ему на плечо.

- Едем со мною, казаче! Человек ты, я вижу, храбрый да честный, и в ватаге воровской - не место тебе. Иди же со мною; я тебе службу найду почетную да славную, как и подобает тебе. А захочешь - на Сечь ступай: знаю я, Украине твоей люди храбрые сейчас надобны... Ну?

- Не можно того,- отвечал Богдан твердо,- но верь мне: буду я дома, на Украине, вкоро-сти! А тут... дело тут у меня важное, понимаешь? Тебя же об одном прошу: не говори никому, кто спас тебя,- про то, что я здесь, на Волге, никто знать не должен... Сейчас я! - он торопливо сбежал вниз, где паслись кони, и привел двух из них сюда, на площадку,- вот, одвуконь езжай, так вернее! Садись же - давай помогу!

- Погоди! - боярин положил обе руки на плечи, заглянул в глаза,- погоди! Скажи хоть, как звать-величать тебя. кого мне в молитвах-то поминать?..

- Богданом, а по прозвищу - Безрукий... А тебя?

- А меня - Василий. Василий Мурашкин. Сотник я стрелецкий... Давай, коли ты ехать со мною не хочешь - давай по обычаю дедовскому саблями обменяемся... Бери,- протянул он вынутую им из вьюка с добычей саблю в синих ножнах,- бери вот! Сабля эта моему брату - стольником был он - от прадеда досталась, а потом , как брата убили, ко мне она перешла; сталь добрая, бухарская... - и улыбнулся, глядя казаку в глаза,- улыбнулся ласково и благодарно.

- Спасибо! - Богдан, улыбнувшись в ответ, протянул свою.

- Ну...- боярин слабо, но порывисто обнял запорожца,- прощай! А может... Может, все ж со мною поедешь? Твои-то вернутся... они ведь тебя не помилуют!

- Ничего! Не пропаду. Руки у них короткие... А ты -езжай, не медли!

- Пусть же Господь тебя сохранит!

С этими словами он выбрался наверх, взобрался на коня, последний раз кивнул запорожцу и спустя несколько мгновений пропал в тумане. Богдан остался один.

С минуту стоял он неподвижно, раздумывая. Как быть теперь? Ведь тати должны вернуться с минуты на минуту; что тогда?.. Уйти, как ни в чем не бывало, к лошадям,- не видел, мол, ничего! Но Филька очнется - и расскажет, как дело-то было! Убить его придется? Его, беспомощного, связанного?.. Нет! Он так не сделает. Так как же тогда?..

Он еще не решил, как поступить, когда из тумана донеслись до него шаги и негромкие голоса. Они возвращались! Уже близко.

Бежать поздно... Ладно же! Он - казак запорожский, и так просто им не дастся. Поглядим еще , кто кого!..

Подумав так, выхватил из-за пояса свой пистоль, поднял валявшийся тут же Филькин. Успел глянуть - не отсырел ли порох на полке...

И повернулся лицом к уже совсем близким голосам.

Глава 5. “Плечо друга”.

Вскоре четыре человека возникли на гребне, остановились. Передний - Кистень - спрыгнул вниз и остановился неподалеку от Богдана, а прочие же стояли на самом гребне, глядя вниз.

Трое их было,- впереди высокий чернобородый мужик, примерно одних годов с Кистенем. Двое других, стоявших позади него - молодые парни, всего на несколько лет постарше Богдана.

- Здравствуйте, добрые люди! - обратился к ним Богдан. Говоря так, казак вскинул вверх обе руки,- в каждой зажато по пистолю; зевластыми дулами уставились они в лица подошедшим. Жаль вот только - Кистень уже спрыгнул вниз и под прицел не попадает...

- Ты што, парень, сивухи опился? - сурово спросил чернобородый.- А ну, кинь пистолы свои!

- А где Филька-то?.. - недоуменно спросил другой разбойник, и, взглядевшись, вскричал вдруг:

- Эй! А ведь Филька-то - вон, веревками спутан, и лоб у него в кровях... А боярина-то - боярина нету!

- А ну, парень, сказывай,- чернобородый, кладя ладони на рукоятки пистолей, исподлобья глянул на Богдана,- што с Филькой? И боярина куда вы подевали? Што тут у вас?!.

Произнося эти слова, он поднял было ногу, намереваясь сойти вниз, к Богдану.

- Стой! - уронил запорожец тяжело и быстро, и нога чернобородого, замерев в воздухе, вернулась на прежнее место: понял он, что не шутит молодой казак и выстрелить не задумается.

А Богдан продолжил:

- Так вот... Отпустил я боярина,- правду он вам сказывал: едет он в Москву, со спешным делом государевым. Хотят татары с турками в этом году с войною на Русь идти, про то и

возвещает та грамота. Грех допустить, чтоб пострадал боярин, пострадал, спасая христиан от ворогов. Неужто вы того не поняли?! Филька вон не понял - угомонить его пришлось...

- А откуда знаешь ты, што не врет боярин? - спросил чернобородый.

- Грамоту чел я, там правда вся.

- Ну, а Фильку - ты это?

- Я. Хотел он боярина раненого - и угольями. Чисто - зверь, прости Господи!..

- Та-ак... - неопределенно протянул чернобородый, и вдруг молниеносно выхватил из-за пояса оба своих пистоля,- так неожиданно и стремительно, что Богдан и моргнуть не успел!

- Брось, говорю, пистоли свои! - цедил разбойник насмешливо,- не тебе, щенок, грозить мне! А ты щас ответ держать станешь - за то, што спустил врага нашего, змея-боярина. Каков он ни есть - здоровый али раненный - все одно он боярин, а стало быть - враг он лютый! И как Филька-то очухается - он уж тебя угольями за ласку твою угостит... Ну! Бросай же пистоли. Да не вздумай сдуру стрелять,- все одно тебе нас не перебить!..

Вот тут-то и дрогнули Богдановы руки,- не со страху, а от того, что понял он: это - конец! С разбойниками ему не справиться - у него только два пистоля, только двоих он свалить сможет. А их - четверо с Кистенем-то вместе; Иван ведь знает теперь, где грамота - и сам свезет ее Ермаку, а про Богдана скажет: убит-де стрельцами... И все! Так что же делать-то?! А делать, видно, нечего.

Но и не успел он сделать ничего...

- Пугала баба лешего - было! Да только сама в болоте утопла... - донесся до Богдана хриплый, спокойный и слегка насмешливый голос Кистеня. Глянул запорожец вправо - и остолбенел: все, что угодно ожидал он - да только не это!

Иван стоял в трех шагах правее него, да не к нему лицом - нет, он глядел на трех разбойников, оборотясь к ним. В левой руке - пистоль, а правая поигрывала цепью его знаменитого оружия,- кистеня.

- Не знаю я, Мишка,- говорил он, обращаясь к чернобородому, - может, и прав ты.... Да только дела такие судить - не тебе, одному лишь Богу. И потому, сокол, спрячь пистоли твои,- не выйдет у тебя ничего. Спрячь, так оно лучше будет... Для тебя!

- Да ты што, Ванька?! Кого защищаешь-то? Али шутишь ты - так шутики-то сейчас не ко времени!

- Вот и я говорю - не ко времени!.. А потому- ты пистоли-то кинь... Не вводи уж во грех меня, ладно?

- Да ты грозишь мне? Я вот тебя...

- Не меня,- ласково проговорил Кистень,- ты про себя помысли лучше... самое время! У тебя, Миша, сейчас одна забота - живым (чуть-чуть заметно выделил Иван это слово) отсель уйти... Кони-то добрые у вас, деньги еще боярские есть, одежда... Да рази пройду я мимо такого?

- Ты... - видно было Богдану, как побледнел чернобородый,- ты думай, што говоришь-то! Вот как батько узнает...

- Как узнает-то? - искренне удивился Кистень.- Ты што - после смерти ему про все расскажешь?.. Да и опять ты дурень: узнает он, што ты боярина упустил, да еще его ранетого пыткой пытать хотел,- тогда как? Нет, соколик - не сносить тебе головы; куда ни кинь - все клин. А пистоли-то пошто не бросил, а?..

Разбойник обернулся на своих спутников - но те стояли, отвернувшись: слишком хорошо знали они, кто такой Иван Кистень, и связываться с ним им вовсе не хотелось...

Сплюнув, швырнул он оружие себе под ноги...

- Вот и ладно,- ухмыльнулся Кистень,- молодец. Ну, а нам с Богданом иттить пора: тут, чую я, стрельцов скоро будет видимо-невидимо. А я их не люблю, стрельцов-то... Пошли, Богдан! - кивнул он запорожцу, засовывая пистоль за пояс.

Сделав вслед за ним несколько шагов, Богдан оглянулся: двое разбойников хлопотали возле Фильки, а чернобородый зло и пристально глядел им в спину. Невольно поежился запорожец: а ну как решит он отомстить? Схватит пистолы свои, и...

- Пошли, пошли, - не оборачиваясь, проворчал Кистень. И, точно угадав мысли запорожца, продолжил:

- Не бойсь... Он дурить не станет... А вот нам сей же час надобно подаваться отсель. С тобою, чертякой, не поспишь! - закончил он недовольно, но в голосе его не было ни злобы, ни раздражения.

Глава 6. «Волга».

- ... Да ладно тебе! Ровно девка ты: все о том да о том... тьфу! Слушать надоело.- сплюнул на землю Кистень.- Што, про другое и сказать неча? Тошно и слушать тебя!

- Нет, Иван!- горячо возразил Богдан.- О хорошем что не поговорить? Ты ведь для меня вроде как старшим братом стал...

- Вона как? Ладно. Ежели я брат твой старший - остерегись: за болтовню твою нагайкою тебя поучить могу, чтоб языком трепать-то бросил! - полушутя, полусерьезно отвечал Кистень. И добавил раздумчиво:

- Я ведь враз понял, што затеял ты боярина-то у Фильки отбить, для того и посылал меня ты к коням, штоб не помешал я тебе - верно ведь? Знаю я тебя - ты мимо такого дела не пройдешь, вмешашься, вступишь за боярина... Ну и он, Филька-то, тоже хорош: ранетого - и угольями?! Он ведь не от Бельского, боярин-то; так пошто его мучить? Снеси голову - да и ладно, а измываться, чай, грех... Сам я грешен, но такого не допускал, нет.

- А ведь и я, Иван,- и я надежу имел, что поможешь ты мне! Знал я про то...

- Зна-ал! - передразнил Кистень.- Знал!.. Тебя бы вот плетью поучить - за такое вот знание... Фильку-то пошто не убил ты?! Чего проще: первым делом снести ему голову, боярина-то распутать - и пусть едет себе с Богом! А ты скоренько в узле бы пошарил...

- В каком узле?..

- Как в каком? Да в том, в котором одежда стрелецкая увязана была: они ведь дуван еще не дуванили - значит, и деньги боярские там, в узле-то...- пояснил разбойник.

- Да зачем деньги мне?

- Как это?! Тьфу!.. Ровно дите ты. Как зачем? Коли ты богатея такой,- мне бы отдал: мне бы уж они не лишка были б...- проворчал Кистень.

- Нет, Иван! - отвечал Богдан, - Напрасно наговариваешь ты на себя; не о деньгах знаю печешься ты в мыслях своих - паче того о душе твоей! - закончил он взволнованно.

Кистень лишь ухмыльнулся насмешливо А потом вдруг не сдержал вдоха.

Прерывая затянувшееся молчание Богдан спросил:

- Скажи мне, Иван - а кто он такой, атаман ваш, Ермак-то?

- А ты не знаешь разве? - удивился такому вопросу Кистень - Я думал, ты мне сам про него порасскажешь!

И скользнув взглядом по звездам,- выверяя путь, заговорил неторопливо:

- Он ведь, Ермак, к нам на Волгу лет пять назад пришел; пришли они с Ивашкою Кольцом с Москвы. Кольцо-то - он сейчас первый есаул Ермака, а до того в лесах московских купчишек щупал; да жарко там, под Москвою, ему стало, вот и наострил он лапти сюды, на Волгу, сюда-то бояре да стрельцы тогда еще не добрались. Вот... А с ним и Ермак пришел. Как и зачем он на Москву попал - не ведаю про то, и атаман наш про себя рассказывать-то не любит. Знаю я - жил он долго на Сечи вашей запорожской, казаковал. Твою батьку - Удачу-атамана - не раз он вспоминал,- говорил, что когда-то спас его Удача этот из полону турецкого... А откуда он,

Ермак, родом, кто отец-мать его - не ведаю я. И имя его странное - тож неведомо, откуда: и не христианское имя-то!

- У нас на Сечи так котел называют,- вставил Богдан.

- И у нас на Волге котел тож так зовут,- кивнул Кистень,- да только - откуда имя такое?

Не кашевар же он!

Помолчали; кони шли ровной спорой рысью, и, по прикидке Кистеня, к утру они должны уже были достигь Волги. Пора бы - третью ночь в пути!

- А я вот так мыслю,- снова начал разговор Кистень,- што он, Ермак-то, родом с Урала,- это где Строгановых-купцов земли; слышал, поди, про них?

- Нет, Иван,- про то не слышал никогда я.

- Сказывают - далеко это отсель, на Каме-реке... Грозный-то царь отдал купцам тамошние земли; верно - оттуль, из тех краев Ермак! Потому как не раз и не два говорил он про Урал этот самый; хвалил его,- край-де богатый, земли невпроворот... И зорят те земли татары - есть там такой царь татарский Кучумка; так вот и чинит он Строгановым многие беды...

- А как им от татарвы-то оборониться? Стрельцов им царь мало дает, самому ему стрельцы надобны, война идет... Вот и решили Строгановы те нас, татей волжских на помощь призвать; для того и приходил - в тот самый год, кады Ермак у нас объявился,- приходил строгановский человек, кликал нас на Урал-то этот самый. Строгановы говорят - земли там невпроворот, жги себе пал и паши пашню, сколь поднять осилишь. А за это - за это Строгановы сулят жалование платить, в первый год еще и кормить и потом пять лет, покуда хозяйство не станет, податей никаких не брать. Словом, живи, работай - и лишь себя от татар обороняй,- ну, как донцы вот живут...

- Ну, а ваши-то - они что на то сказали?

- Наши?.. Говорил-то приказчик строгановский ведь с атаманами; а атаманы-то - они из тех, кто съизмала татьбою живет и иного дела и знать не хочет! И молвили они: ступай, парень, прочь, покуда цел! Ну, он и ушел восвояси, а Ермак с Кольцом остались. Сколотил себе Ермак ватагу малую, а потом потянулись к нему люди - Ермак-то ведь и хитер, и умен, и храбр гораздо - вот и выходит, что ватага его всегда с добычею, и людей своих бережет он... Теперя у него за малым не четыре сотни человек, и верховым вот его о прошлую весну выкликнули. А дела-то худые - понагнали сюды стрельцов, ждут еще вскорости дворянское конное ополчение, рать судовую,- всерьез решили на Москве покончить с нами!

- А раз так - уходить надобно куда-то, схорониться хоть на время. Ну вот и кличет Ермак к Строгановым! И многие из простых ватажников за ним идти готовы, те в основном, кто раньше холопом был, на земле сидел. Им подай землю, да чтоб дьяков да бар над ими не было - и ничего боле не надо! Так-то вот. Наши-то атаманы мыслят - на Москву иттить, тряхнуть царя да бояр, а Ермак и есаулы его против: не выйдет, говорят они, дела того! И все тверже в Строгановские вотчины кличут... Мыслю я - и вправду уйдет Ермак на Урал, и с ним - большинство наших, кому землю пахать лучше, чем разбойничать.

- А скажи, Иван,- спросил вдруг Богдан,- а тебе-то что милее: ремесло твое кровавое - или землю пахать?..

- Мне?.. - Кистень глубоко, прерывисто вздохнул, глянул вперед... И вдруг Барвинок шарахнулся в сторону от дикого свиста, вздрогнул, приседая на задние ноги. Одновременно со свистом вытянул Кистень своего жеребца нагайкой. Повинуясь удару, а больше того свисту, птицей полетел вперед его конь.

Пригнувшись и пришпоривая Барвинка, кинул Богдан по сторонам стремительным, режущим взглядом,- что там? Погоня?! Но ветер донес до него задорный крик Кистеня:

- Догоняй, кужонок!..

Поняв, что просто вольный степной воздух, бодрящий предутренний холодок и та необыкновенная легкость, которую в иные минуты чувствует сросшийся с конем всадник, и

выплеснули все чувства, властно в этот миг овладевшие донцом, в желание исступленного, упоительного в своем бешенстве галопа. А может, потому так поступил разбойник, что слишком труден был для него богданов вопрос? Кто знает...

Как ни быстро скакал он, Богдан вскоре нагнал его и, поддав еще, вырвался вперед. Заблудиться он не боялся: прямо перед ним, на востоке, все ярче и ярче разгоралась пронзительная, светло - алая полоска зари.

За все время их пути через приволжскую степь,- а ехали они от Урюпинской ночью, половину следующего дня (после богданова приключения с разбойниками), ночь и еще одну, вот эту вот ночь; нынче они должны добраться до Волги, - это время дважды видел Богдан в ночи дальний блеск костра - то грелись в промозглой тьме стрелецкие караулы. Но Иван, хорошо знавший все места, где стоят они, уверенно объезжал их, и путь казаков проходил спокойно, без помех.

Вот уж часа два скачут они по степи; с губ Барвинка слетает пена, а бока конские потемнели от пота. Да, легок на ногу богданов конь,- но выносливости ему покуда не хватает: молод он пока! А Орлик - то идет прежним мерным скоком, и дыхание его ровно и покойно... Прав, прав был все-таки батько, говоря, что цены нет коню этому! На нем от любой погони уйдешь...

У Кистенья-то, впрочем, тоже коняка добрый: разбойник уже обогнал Богдана и все дальше и дальше уходит вперед, купаясь в прозрачных и ярких лучах взошедшего солнца. Чтобы догнать его, пожалуй, надо пересечь на Орлика; вот тогда и поглядим, кто кого!

Но сделать этого запорожец не успел: взлетев на невысокий, очень пологий курган, Иван натянул вдруг поводья - да так и замер. Поравнявшись с ним, остановился и Богдан. И так же не шелохнулся, захваченный и пораженный увиденным.

Он родился и вырос на берегу Днепра, и, как всякий запорожец, был убежден, что выпала ему судьба жить на берегах красивейшей реки на свете, самой могучей, царя всех рек. Что там Богдан, молодой еще, пылкий душой,- и седые, закрученные в боях запорожцы, бывало, не таясь плакали, увидев Днепр после долгого пути; часами могли сидеть они на берегу и смотреть на его воды.

Но тут...

... Широко и как-то торжественно - привольно распахнулась перед ним сверкающая водная гладь; да тут два, тут целых три Днепра поместится!.. И, видимо, сознавая свое величие, шла река неторопливо и покойно, мягко лаская голубым бархатом вод отливающие золотом пологие песчаные острова.

Утро это выдалось на диво ясным, и на лазурной глади реки теснились яркие блики, играя на крутых небольших волнах; чайки купались в солнечных лучах, то касаясь крылом поверхности воды, то круто взмывая ввысь. И неясно было,- то ли река отразилась в голубизне неба, то ли сама она отразила в себе все бездонное, необъятное небо...

- Вот она, Волга - матушка,- негромко сказал Кистень. И снял шапку - будто в церкви.

А Богдан - Богдан не видел вокруг ничего, кроме сверкающей реки; он вдруг понял, что уже полюбил ее, как и родной ему Днепр,- полюбил враз и навсегда...

- Ну, ладно,-вздыхнул Иван, надевая шапку,- век так-то глядеть можно, и не надоест. Поехали! Микита вскорости с утрешнего лова должен возвратиться; у него отдохнем малость,- а там он перевезет нас на ту сторону, и к вечеру, даст Бог, на месте будем!

ЧАСТЬ 3. “В НОГАЙСКИХ СТЕПЯХ”

”

Глава 1. “Черная стрела”.

- Ну, храни вас Господь, ребяташки! С Богом. Подсоби-ка мне! - с этими словами Микита Кривой, бывший разбойник, теперь ставший мирным рыбаком, старик жилистый и бойкий, как ртуть, стоя по щиколотку в воде, навалился на нос своего судна. Богдан, выпустив из рук повод, помог ему, и течение неторопливо подхватило стружок; рыбак прыгнул в лодку и, махнув на прощанье рукою распустил парус; лодка заскользила по реке к правому берегу.

Проводив его взглядом Кистень обернулся к Запорожцу:

- Ну вот теперя снова нам степной путь лежит. И попервам надобно нам на Воложку-реку - в Волгу она впадает, понял? До устья ее отсель на полдень верст пять. На нее, на Воложку-то эту, и надобно нам - там стан дозорный наш стоит... До него не шибко далеко, ежели по прямой, но по степи-то прямо не проехать, оврагов много. Но ты крепко помни: главное - до этой самой Воложки добраться, а там уж - иди по берегу ее правому, она тебя к самому стану и выведет.

- А зачем ты мне говоришь про то? Или ты меня тут покинешь, и мне одному идти дальше? - спросил Богдан.

- На тот случай, коли случится что со мною, али потеряем мы друг дружку,- неохотно отозвался Иван,- мало ли чего!..

- Да чего же, чего? - недоумевал запорожец,- ты ведь сам говорил: стрельцов тут не будет, они лишь на том берегу...

- Верно,- жестко прервал его Кистень,- нету тут стрельцов, твоя правда. А по мне - уж лучше, чтоб были! Тут, парень,- тут ногаи; а они,уж поверь мне, они стрельцов пострашнее! Стрелец - он в степи воевать не свычен, а ногаец тут как дома. И на нас они злы: не забыли, как зорили мы столицу ихнюю, город Сарайчик,- водил нас туда Ермак позапрошлым летом. На наших, они, правда, сейчас не нападают,- но поди разбери, што у них, у нехристей, на уме! Тут ихняя земля, и потому ухо остро надобно держать. Дорогу я примечать буду, ты же по сторонам гляди, да болтай поменьше. И - помни, помни, как стан сыскать, ежели что... А теперя едем! Уже за подень перевалило, и дотемна должны мы туды, на стан-то, поспеть.

- А на том стане - Ермак?

- Не знаю,- отвечал Иван, взбираясь на коня,- может, и там... На стане том он часто бывает. И то: со стана-то Волга хорошо видна; бывалоча, углядят караван, что сверху идет,- и враз гонца на ватагу: готовтесь, мол! Потому и бывает там атаман часто... Ну а коль не застанем его там - спытаем, где ватага стоит, где искать его.

- А что - разве постоянного стана нету у вас?

- Они те, стрельцы-то, дадут стан постоянный! Нет, паря,- проворчал Кистень,- долго на одном месте не стоим мы,- коли дела нет, все больше хоронимся... Ну, што,- тронули?

... Утром следующего дня, едва рассвело, переправились они через Воложку - небольшую, но глубокую степную речку, и, одевшись, спорой рысью заспешили на полдень, держась вдоль берега Волги, которая была от них верстах в трех.

На стане Ермака не оказалось; как сказал им старшой тех двадцати человек, что постоянно жили там, атаман в ватаге, а ватага должна быть на Ахтубе, неподалеку от Волги.

- Ну, что ж,- поразмыслив, молвил Кистень,- добро! Нынче отдохнуть надобно, с утра в путь, и ночью на месте будем... А теперя - поедим да спать!

Старшой посоветовал им трогаться в путь следующим вечером: за последние сутки дважды со стана видели они в степи небольшие отряды всадников. То могли быть только ногаи; как бы беды не случилось, лучше уж поберечься!

Но Кистень, сплюнув, сказал, что коли так - лучше днем ехать: днем по крайности изда- лека супротивника углядишь и будет время уйти. А ночью они, проклятые, запросто к костру подкрадутся и... Нет уж - утро вечера мудренее!

Яркое, но совсем не жаркое солнце бабьего лета не согрело воду - выбравшись из Воложки, долго не мог согреться запорожец и, пожалуй, жалел даже, что не воспользовался предложением Кистеня и не отхлебнул из его фляжки. А разбойник, проглотив добрый глоток

водки, сделался враз бодр и весел. Но осторожности не терял,- зорко оглядывал он степную даль; вторя ему, осматривался и Богдан.

Но в степи было пусто. Ровная, изборужденная лишь редкими курганами да оврагами окрестность была безлюдна. Казалось бы,- чего бояться? Любого врага они заметят еще издали, и покуда он приблизится, у них будет достаточно времени для того, чтобы приготовить оружие или скрыться. Но если на засаду они нарвутся? Вот тогда уж и вправду худо придется: ведь ногаям ничего не стоит притаиться в овраге, подпустить их поближе и расстрелять из луков в упор! Потому-то и не ослаблял внимания запорожец, пристально глядя и по сторонам, и оборачиваясь временами назад.

И он первым, на секунду раньше Кистеня заметил среди однообразной пожухлой травы нечто необычное; свистом подал знак Кистеню, а когда тот оборотился - кивком головы указал налево, к подножию небольшого холма. И оба они, натянув поводья, одновременно остановились.

- Так,- негромко проговорил Кистень,- след... Посмотрим, што там; ты тут постой, без приказы мово с места не тронься, а я поеду гляну. Да оружие свое стотовь!

Привстав в стременах, он пристально всмотрелся в окружающую его степь, тронул коня каблуками и шагом двинулся налево; в руке сжимал он пистоль, а вторая лежала на рукоятке сабли. Богдан, глядя ему во след, крепко сжал самопал: в случае чего - выпалить, кинуть его и- за пистолы...

Но стрелять ему на этот раз не пришлось: осмотрев землю у подножия холма, донец каблуками толкнул конские бока, вымахнул на холм и долго из-под ладони осматривался; наконец спустился вниз, соскочил с коня и лишь тогда махнул Богдану - подъезжай, мол!

Спешившись, запорожец остановился рядом с ним.

- Ну, што скажешь, сокол? - оторвал свои глаза от земли разбойник.

- А что тут говорить,- пожал плечами Богдан,- и так все ясно! Было тут человек десять конных; вон,- указал он на небольшую кучку пепла,- костер жгли они,- видать, ночевали тут. А собирались, поди, второпях - птицу-то забыли - и чудно: сперва ее не потрошить надо было, а ощипать... Спугнул их, видно, кто-то! Знать бы, кто был тут - ногаи или...-запнулся он, едва не произнеся слово "воры"; боясь обидеть Кистеня, поправился,- или наши...

- Верно,- кивнул разбойник,- верно! Почти что все правильно. Ну, а теперя слухай, как дело-то было...

- Были тут пятеро ногаев,- как бы рассуждая вслух, заговорил он,- видишь - кони-то некованы,- пятеро, не боле. Дудака,- палец указал на валявшуюся в стороне птичью тушку,- стрелой они взяли, и печь-то по-своему хотели,- не ощипывая, а глиной обмазав: опосля, как готова птица-то будет, глину с нее обей, и перья с глиной и отвалятся. Точно - спугнули их: и дудака забыли, и вон, видишь?- трвы-то на костер наготовили, а сжечь-то ее не пришлось: помешали им, значит! Да, помешали; вона! - шагнул он в сторону, поднял с земли тыквенную посудину, протянул Богдану,- даже кабак в спешке забыли, а ведь ногаец - он воду в степи-то пуще глаза бережет! Так-то вот. И было все это не далее, как на рассвете,- стало быть, часа два назад... И потому - гляди, парень, в оба! А то как бы и нам стрелы ногайской не попробовать... Ну, едем! - и он вскочил на коня.

Но вот уже и час, и два едут они, а степь все пуста. Может, убрались ногаи восвосяи, и они напрасно беспокоятся?

Наверное, так; вот и Кистень остановился, нашарил в суме заветную скляницу, отхлебнул, и довольно ухмыльнувшись, тронул вперед. Похоже, опасность и вправду миновала...

Путь им преградил длинный, идущий поперек их пути косогор. Подумав мгновение, решительно прыгнул Кистень с коня. Обьезжать его долго; придется взбираться наверх вот так вот, пеши, помогая коню. Молча кивнув Богдану, он стал, хватаясь одной рукою за кусты

и вполголоса ругаясь, карабкаться наверх. Богдан последовал за ним. Тяжело - больно уж крут склон-то! Но вот и гребень; Иван уж почти поднялся на него...

- Ах! - вскрикнул вдруг разбойник коротко и страшно, и конь его в тот же миг тревожно всхрапнул. Богдан поднял было голову глянуть, что с ним,- споткнулся, верно?- но тут что-то ударило в грудь, обожгло плечо мгновенной болью. Казак ужаснулся, увидев торчащий из-под мышки у себя оперенный конец стрелы. На счастье его, прошла та стрела между боком и прижатой к нему левой рукою, только оцарапав.

Но ужаснее было то, что Кистень, не выпуская из рук повода рвущегося коня, увлекаемый им, стоя на самом гребне холма на коленях, заваливался назад; изо рта его хлынула кровь, окрашивая черную бороду и такое же черное древко торчащей из горла стрелы...

На плоской возвышенности, куда они только что вскарабкались, всего в полусотне шагов от них, недвижные, точно изваяния, в молчании застыли три всадника...

Глава 2. “Хитрость и везение”.

Молод, молод и неопытен был Богдан - а тут еще Кистень, сраженный стрелою... Как поступить? Что делать?! Он один теперь,- врагов трое; из лука бьют они точно, и он - под их прицелом. Даже вытащить пистоль не дадут ему, не то что выстрелить,- стрела опередит...

Но мысли бежали, летели в голове, а куда телом правил властный инстинкт; казалось, верно, то, что и деды, и прадеды Богдана были людьми воинскими,- их годами накопленный опыт управлял сейчас юношей,- бессознательно делал он то, что и нужно было делать ему.

Застонав и выпустив из рук повод, упал запорожец на колени и с тихим стоном завалился вперед. Ногаем, стоявшим на возвышенности, было видно торчащее вверх из спины его его острие стрелы, пробившей, как казалось степнякам, грудь юноши. И он показался им убитым, как и Кистень, тоже упавший и склонившийся вниз, к подножию возвышенности.

Несколько минут царило молчание. Затем раздался негромкий говор, легкий шум - и двое ногайцев спрыгнули с коней. Они двинулись к склону; передний, едва взглянув на Богдана, начал спускаться вниз, туда, где лежал Кистень и где, нюхая мертвого хозяина, стоял его конь.

Второй степняк направился прямо к Богдану... А запорожец лежал, не шевелясь и затаив дыхание; Барвинок и Орлик стояли тут же, недоумевая - в чем дело? Они чуяли - жив, не убит их хозяин; так почему же не встает он?..

Да, не был убит Богдан; мысли в голове неслись быстро и четко. Нет людей, которые не страшатся смерти; но у одних, слабых духом, в бою страх этот переходит в панический ужас, у других - заставляет напрягаться волю, собираться в тугой комок нервы и действовать, действовать, чтобы сразить своего противника и таким образом спастись...

Запорожец не шевелился, но руки его, в момент падения оказавшиеся под телом, уже обхватили вкрадчиво-удобные рукоятки пистолей, сжали их. Пусть Кистень убит, пусть он, Богдан, ранен... Но теперь преимущество на его стороне! Враги не ждут нападения. А он нападет на них!

Ногаец подошел уже вплотную к Богдану; кони, чуя чужого, всхрапнули и отбежали прочь. И ногаец, едва взглянув на них, отвернулся от лежащего на земле Богдана и с загоревшимся взором пошел прямо к ним.

Для степняка конь - самое большое богатство, самая желанная добыча; а кони эти, в особенности Барвинок, были хороши - враз определил это ногаец своим опытным взглядом. И отложив пока мысль обобрать убитого, решил он прежде завладеть конями.

Но, всхрапнув, Барвинок, а за ним и привязанный к нему Орлик отбежали в сторону. Так же неторопливо двинулся к ним степняк; он шел, что-то ласково бормоча и протягивая вперед руку ладонью вверх. Опять отошли - не отбежали, а просто отошли - лошади, и ногаец

снова, не спеша, приближался к ним. Он забыл обо всем на свете, кроме этих коней, которых он сейчас поймает... Третий же ногаец тоже не смотрел по сторонам - нагнувшись к мешку, лежащему поперек его седла, он что-то делал над ним. На Богдана никто не глядел...

Осторожно повернув голову, увидел казак, что тот, третий ногаец внизу стоит на коленях спиной к нему, обшаривая тело Кистеня. Второй занят конями... Пора!

Внезапно и гибко откинувшись назад, запорожец оказался стоящим на коленях; стремительно вырвал пистоль из-за пояса - и, обернувшись, ударил в спину того, кто склонился над Кистенем. Поворачиваясь обратно и отшвыривая разряженное оружие, успел краем глаза заметить, как, вскинувшись было, ткнулся грабежник лицом вперед, прямо на тело того, кого убил он несколько минут назад.

Услыша выстрел и враз поняв, в чем дело, второй ногаец оставил коней и, на ходу выхватывая саблю, кинулся к "ожившему" Богдану. Всего пяти шагов не добежал он - прямо в грудь ударила его пуля из второго пистоля; мягко вывернулась из враз ослабевшей руки сабля, а за нею повалился наземь и ее хозяин. Есть и второй!

Но остался третий, третий! А пистолей-то больше нет... Выхватив саблю, бросился Богдан вперед, но, выскочив из таящих клубов порохового дыма, на миг остолбенел: третий ногаец, настегивая коня, широким наметом уходил прочь, в степь... Он, Богдан, победил, сразив двух противников и обратив третьего в бегство...

Но точно кипятком ошпарила внезапная тревожная мысль: за подмогою поскакал, к своим! А раз так - нельзя допустить этого... Свистнув, подозвал коней казак; мгновение замешкался - и вскочил на Орлика, взмахом сабли перерезав веревку, которой Орлик был привязан к Барвинку. Орлик - надежней, выносливее, на нем он скорее супротивника настигнет! И с размаху огрел коня плетью, успев подумать еще, что самопал-то к Барвинку приторочен, но доставать его времени нет,- уйдет ногаец-то!

А Орлик точно понял, чего хочет его хозяин, и с места пошел он ровным, все убыстряющимся галопом; расстояние между противниками, вначале значительное, скоро стало уверенно сокращаться - ногайский конь был утомлен долгой ездой, а Орлик всю прошедшую ночь отдыхал.

Богдан пристально оглядывал окрестности,- не видно ли новых врагов, к которым, наверное, и скакал степняк. Но все вокруг было спокойно - пуста была степь; хорошо! Ногайцу уйти не удастся. До него уже не больше сотни шагов...

Внезапно какая-то сила бросила запорожца вперед, на конскую гриву; это произошло помимо воли казака,- склонился он инстинктивно, и инстинкт его спас: прямо над его головой коротко свистнула ногайская стрела. Вот проклятый, отбивается!.. А у него, у Богдана, ответить нечем,- пистолы валяются на месте схватки разряженные, самопала тоже нет, да и трудно попасть из него во всадника на всем скаку. Одна надежда - на саблю! Но для того, чтоб пустить ее в дело, нужно догнать противника - а до него еще добрых полсотни шагов. Значит, только одно остается: поспешать, поспешать! И, впиваясь в своего врага сторожким взором, наотмашь бьет Богдан саблею плашмя по крупу Орлика...

Второй стрелы он избегнул, резко кинув тело вправо; и третья мимо прошла... Но уже четвертая стрела легла на растянутый лук, а противников разделяет всего лишь десяток шагов; на таком расстоянии не промахнешься! Весь подался вперед казак, струною вытянулся - но нет, не достать покуда ногайца! А лук его уже растянут,- вот сейчас, через мгновение сорвется стрела... Что, что же делать?!

Но ничего не успел Богдан сделать: стрела вдруг взмыла вертикально вверх, а ногаец внезапно пропал из виду, точно сквозь землю провалился. Что это?! От неожиданности Богдан натянул поводья...

Спасла его лишь та удача, что бывает раз в жизни; видно, крепко молился кто-то за молодого казака! За малую долю секунды перед тем, как пустил ногаец стрелу, угодила нога его

жеребца в норку сурка; смаху грянулись оземь, покатались и всадник и конь, а стрела полетела вверх - не податливое людское тело, а лишь воздух пропорола она. Вот повезло-то!..

И конь, и седок были убиты при падении; на всякий случай - а вдруг ногаец только оглушен либо просто притворяется убитым, чтоб потом напасть неожиданно!- на всякий случай Богдан, живо соскочив с Орлика и держа саблю наготове, подошел, потрогал клинком неподвижное, как-то неловко лежащее на земле тело. Ногаец был мертв! Победа осталась за запорожцем. Слава Тебе, Господи!.. Богдан торопливо закрестился.

Ну, а коли так - нужно вертаться назад. Тело Кистеня он возьмет с собою,- там, на стане его и похоронят; он же, Богдан, попросит у старшего проводника до ватаги,- плутать в одиночку по незнакомой степи он не собирался. Да и опасно одному-то - а ну как с ногами еще раз повстречаться придется?

Он уже взялся за повод, как вдруг обратил внимание на упавший с коня при его падении мешок; он лежал в стороне и... и тихонько шевелился!

Вздвогнув, вновь закрестился казак: что за наваждение?! Но потом понял: ничего тут странного нет! Просто овца в том мешке, а он уж и напугался...

Если так - тогда надобно ее оттуда выволить: негоже ее так-то бросать! Или зарезать да с собою взять? Да нет, - Бог с нею, пусть живет, а ему некогда (не хотел признаться себе казак, что рука его, только что двух супротивников положившая, на тварь безобидную, пожалуй, и не поднимется), ему поспешать надобно!

Сунув саблю в ножны, казак неторопливо подошел к мешку. Достал из сапога нож, присел на корточки и, взявшись левой рукою за мешковину, широким взмахом лезвия распорол ее.

И - отпрянул!.. В мешке была женщина.

Глава 3 . “Незнакомка”.

Первое, что бросилось в глаза Богдану,- это очи, черные, расширенные очи на бледном, как первый снег, лице.

Разрез на мешковине был широк, и грубая ткань спала с плеч, открывая туловище севшей женщины; она села, поджав под себя ноги, настороженно глядя в лицо Богдану. Он же, пораженный, в свою очередь рассматривал ее...

Черные, как смоль, волосы были заплетены во множество мелких косичек, в беспорядке раскинувшихся по плечам. Белое, без кровинки, напряженное тревогой и ожиданием лицо; такие же бескровные, сурово сжатые губы. На тонкой, точно точеной шее ожерелье из крупного жемчуга. Платье дорогой парчи, но безо всяких украшений, испачканное пылью. А руки спутаны за спиною веревкой.

Но именно глаза - вот что более поразило Богдана! В их бездонной глубине отражались настороженность и недоверие, но ни страха, ни испуга не было.

“Полонянка! Ну конечно же, полонянка,- подумалось Богдану,- полонянка ногайская; потому и в мешке везли, и руки спутаны. Вот еще незадача... Куда с ней теперь?! К разбойникам ее не везти; просто отпустить, бросить в степи - тоже не дело: первому ногаю добыча... Как же быть-то?..”

А просто! По берегу Волги рыбаки живут, все ж для нее свои, русские люди. У них он ее и оставит; денег им даст, чтоб домой ее отвезли - что ж тут и думать-то.

Облегченно вздохнув от мысли этой, спросил Богдан ласково:

- Кто ты? Как зовут тебя, красавица, откуда родом ты? Не бойся - я такой же христианин, как и ты; тебе от меня худа не будет.

Она не шелохнулась даже, точно и не слышала. Запорожец, подумав, что она оглушена падением и все еще не пришла в себя, повторил свой вопрос громче.

В ответ девушка лишь повела плечами, что-то невнятно и тихо проговорила сквозь зубы, не отводя напряженного своего взгляда от Богданова лица.

- А-а, вон что! Сейчас, сейчас развяжу тебя, милая! - улыбнулся казак, берясь за нож.

Он потянулся к ее плечу; девушка ведь сидела к нему лицом, и хотел Богдан повернуть ее спиной к себе.

И тотчас же, вскрикнув, отдернул руку! Настороженно караулившая каждое его движение, полонянка мгновенно вцепилась зубами в его кисть.

- Да что ты – спятила?! - вскричал казак. - В уме ли ты? Я ведь развязать тебя хочу. Не тать я, и зла не причиню! А то брошу вот в степи - пропадай тут!..

Уверенный, что убедил ее, он осторожно положил руку ей на плечо, легонько повел рукой, стремясь заставить ее обернуться к нему спиной,- и вновь с той же быстротой острые зубы вонзились ему в запястье - да с такой силой что он не сдержал вскрика и с трудом вырвал руку; по кисти текла кровь. Да что она - безумная, что ли?!

- Ах, ты вон как? Добро же! - сквозь зубы процедил казак. И, молниеносным движением выбросив вперед руку., вцепился девушке в плечо и прежде, чем она успела вновь пустить в ход зубы, рывком свалил ее наземь, придавив плечо коленом.

- Кусайся теперь, кошка дикая! - с торжеством проговорил он, заглядывая ей в глаза.

- Теперь что захочу, то с тобою и сделаю, а? - не удержался он от злой шутки - и осекся.

Женщина - она и есть женщина, и потому ожидал запорожец увидеть в глазах ее страх, даже ужас, услышать мольбу... Но сжав губы, молчала она - и сквозь выступившие слезы читались в очах лишь гнев и презрение...

“ И впрямь - ведьма!” - решил про себя Богдан, которому как-то не по себе стало от ее дикости и упрямства.

Выпростав из мешка и нижнюю часть ее тела, он вначале перерезал ремни, стягивающие лодыжки, и уж только потом освободил девушке руки. И отпустил ее, резко отпрянув в сторону.

Точно пружина распрямилась - так же стремительно вскочила на ноги полонянка. Откуда-то из-за пазухи неловимым и мгновенным движением извлекла небольшой нож, да так и замерла,- напрягшись, прижав к груди руки и выставив вперед клинок ножа, лоя взором каждое движение казака.

- Да ты что? И впрямь - ведьма?! Что сделал я тебе? - закричал Богдан и вдруг осекся, пораженный своей догадкой. Как он раньше-то не сообразил!..

Вовсе не русской девушкой была спасенная им,- нет, это была степнячка! Лицо ее, не слишком скуластое, нельзя было назвать типично татарским, но по карим, слегка раскосым глазам, по черным как смоль волосам и по платью ее с уверенностью можно было определить это... Да, татарка - или же представительница какого-то родственного татарам народа,- а все народы, по степям кочующие, казаки (да и русские тоже) называли татарами.

Да-а... Поговорить бы с нею, да как? Всего десятка два самых распространенных слов из языка крымских татар, с которыми запорожцы не только бились, но и торговали в редкие дни мира, а иногда и - нечасто, правда,- и воевали бок о бок против ляхов,- знал молодой запорожец. Как же быть? Ладно, попробуем...

- Богдан, - указав на себя пальцем, четко и медленно проговорил казак, и повторил раздельно:

- Бог-дан.

Поняла или нет? Сейчас проверим,- спросим, как ее зовут. Пальцем указав на девушку, вопросительно кивнул запорожец...

Но, увидев протянутую в ее сторону руку, татарка крепче сжала нож в руках, во взгляде ее молнией плеснулась угроза.

- Тьфу! - потерявший всякое терпение, вскочил казак, сплюнул себе под ноги. - Ну и пропадай, оставайся тут, в степи!

Он отвернулся, свистом подозвал Орлика и уже собрался вскочить в седло, как вдруг почувствовал, как его осторожно потянули за рукав. Обернулся...

Татарка стояла рядом, и, как заметил казак, взгляд ее стал куда как спокойнее,- исчезла с глаз тревожная настороженность; но все ж зыбкий ледок недоверия таился глубоко в них...

Мягким и плавным движением она сняла с шеи ожерелье и протянула его Богдану, одновременно другой рукою указывая на коня.

Эге! Пешком-то, видно, идти не хочет... Но Орлик ему дорог, и оставлять его ей нельзя; но и не бросать ее пешею среди степи! Пусть возьмет одного из ногайских коней, которые остались там, где лежали убитые ногайцы и Кистень.

И, отрицательно мотнув головою, Богдан указал на Орлика, а потом - на себя; после показал татарке на видневшихся вдали ногайских коней, а потом на нее. Подумав, взял Орлика за повод и двинулся к месту схватки, сделав девушке приглашающий жест рукою.

Идти пришлось долго, больше версты; Богдан не оглядывался, но чувствовал, что она неслышно идет следом.

С трудом удалось запорожцу поймать недоверчивого, отбегающего и всхрапывающего ногайского коня; он подвел его к татарке. Она снова протянула ему свое ожерелье - ведь кони стали добычей Богдана, убившего их хозяев. Но тот, мягко улыбнувшись, отрицательно покачал головою и указал ей жестом на коня, которого держал за повод.

Девушка ловко взобралась в седло; по посадке ее, по уверенным движениям понял Богдан - ездить верхом она умеет. Он все еще удерживал коня, и татарка осторожно потянула из рук его повод,- отпусти, мол!

Впервые за все время их нечаянной встречи взор ее был спокоен - и вот тут-то полоснула Богдана по сердцу острая жалость, жалость и тревога.

Одна, совсем ведь одна беззащитная девушка во враждебной ей степи; куда же лежит ее путь, долог ли он, короток ли? Одной ей известно про то, а казак этого не знал. Зато хорошо знал другое,- ведомо было ему, сколько опасностей таит в себе степь - и ногайцы в ней бродят, и разбойники, и хищные звери? Долго ли наконец просто заблудиться среди пустынного безводья, погибнуть от жажды?..

И Богдан, не выпуская повода из рук, умоляюще глянул в глаза ей; взмахом руки указал на тело убитого ногайца, потом обвел широким взмахом широкий степной простор, как бы показывая, что там, за горизонтом, ждут ее враги и беды. Она будет одна,- одна в этом жестоком, безжалостном мире!

Очевидно, она поняла его чувства; слабая, едва заметная улыбка благодарности чуть тронула ее губы, а грудь всколыхнулась в тяжелом, сдерживаемом вздохе.

Да, этот незнакомый юноша прав... Много, много опасностей таит для одинокого путника степь, так легко погибнуть, бесследно пропасть в ее равнодушной необъятной шири! Но ведь этот ее невольный спаситель не знает, что смерть - это еще не самое худшее для нее. Хуже всего вновь угодить в плен к одному из тех отрядов, что рыщут сейчас по степи, разыскивая ее... О, лучше смерть, чем это! А потому она должна ехать...

Богдан, провожая ее взглядом, вдруг подумал о том, что, наверное, все же долог-то путь ее! А ведь, кроме всего, у нее ведь и денег с собою нет. Нужно предложить ей взять денег у него! А то как же она...

Но сделать этого он не успел: внезапно приподнявшись на стремянах, татарка впиалась взглядом в горизонт. И вдруг, соскочив, что-то крикнула казаку, махнула ему рукою и привычным и сильным движением потянула своего коня, укладывая его на землю.

Второй ногайский конь спустился с кручи вниз, где лежал его мертвый хозяин; там же быди Барвинок и конь Кистеня. Рядом с Богданом стоял один Орлик.

Э-эх!.. Не успел ведь зарядить пистолей, а татарка-то наверняка что-то опасное заметила, думал Богдан, укладывая Орлика на землю и падая рядом. Ползком метнулся к обрыву, подо-

брал пистолы (враг-то, по крайней мере, не рядом пока, хоть малость времени есть оплошку свою исправить!), трясущимися от волнения руками зарядил их, забил пыжом пули и только тогда приподнялся, высматривая,- где же он, неведомый враг?!

Ничего!

Ничего?.. А взглядишь получше, казаче; до боли в глазах взглядишь влево, на восток - и там различишь ты у самого горизонта малое, едва различимое облачко пыли.

То не смерч закружился,- смерч, он вверх бы тянулся, а эта пыль по земле стелится. И не табун лошадей ее взметнул,- слишком невелико облачко-то. Нет! То конный отряд по степи рысит!

Облачко ближе, вырастает; вот уже можно разглядеть у основания его несколько крохотных точек - всадники. Но едут они мимо - на юг, куда должен ехать и Богдан и куда направилась было татарка. Скоро облачко растворяется вдаль,- вновь пусто в бескрайнем просторе. Опасность миновала. Богдан осторожно встает, еще раз осматривается и поднимает Барвинка.

А девушка - она тоже вскочила на ноги, отряхнула длинное свое платье. Перехватив взгляд Богдана, указала на мертвого ногайца, потом - на восток, откуда появились неизвестные всадники, и подняла, показывая казаку, пять пальцев.

Вот это да!.. Запорожец видел лишь малые точки, а она углядела, что пять их было, да еще определила, что ногайцы это. Зорка, как орел!

Кивнув ей, вынул из чрессдельной сумы запорожец баклагу с водою - от волнения в горле пересохло! И вдруг заметил, каким затаенно - молящим взглядом глядит на него незнакомка...

Вот дурень-то! Кто ж знает, сколь времени держали нехристи ее в мешке своем; конечно же, пить она хочет! А попросить - стесняется. Ругая себя за недогадливость, быстро подошел к ней, молча протянул баклагу.

Она, чуть помедлив, взяла ее неторопливо, ничем не выказывая нетерпение; видать, не из простых она, просить стеснялась и не привыкла! А пила аккуратно, и капли не уронив наземь, но видно было, что с трудом сдерживает она желание пить еще и еще. Бедная...

Напившись, протянула баклагу назад, благодарно кивнув головою. И улыбнулась - застенчиво и смущенно. Теперь-то взор ее был как-то по-детски беззащитен и робок...

Да неужто отпустит он ее одну в эту страшную степь, полную опасностей и злобных врагов?! Нет! Но как же быть?..

Ладно! Решительно вздохнул казак - надо будет подумать, как и чем сможет он помочь ей. А пока... Пусть пока остается здесь. Днем что ехать? Ночью-то, чай, безопаснее!

Обернулся к ней, указал на солнце, проведя рукою дугу в небе, как бы показывая дневной путь светила, а потом кивнул на коня - ночью, мол, поедешь! И, уверенно махнув рукою, предложил следовать за ним. А сам, взяв коня под уздцы, стал спускаться с кручи. Он был уверен - девушка пойдет за ним.

И не ошибся...

Спустившись вниз, казак первым делом вытащил свой козушок, свернув его, положил на землю вблизи раскидистого куста, жестом показал на него – садись, мол! Сам же достал из переметных сум еду,- наверно, и проголодалась-то татарочка! Усмехнулся про себя - впервые назвал он ее мысленно не “татарка”, а ласково - “татарочка”...

Но, когда повернулся - увидел, что не нужна пока еда: девушка, свернувшись калачиком - точно котенок у теплой печки - спала на козушке. Устала - не до еды ей...

Ладно, пусть отдохнет! Сложив еду обратно, минуту постоял в раздумье. И, протяжно вздохнув, обернулся туда, где лежал его друг - волжский разбойник Иван Кистень...

Глава 4 . “Сузге”.

Осенний день короток; казалось, совсем еще недавно миновал полдень - а вот уже прозрачно - синий ранний вечер повис над степью, повеяло ночной прохладой и сыростью...

Как раз в это время закончил Богдан свой скорбный труд - готова была неглубокая, в пояс, яма, вырытая на взгорке.

Туда и положил казак тяжелое тело Кистеня. Сложил ему на груди руки, поцеловал его в холодный лоб, его - чужого человека, ставшего за эти несколько бурных дней настоящим братом Богдану. Засыпал могилу комьями сухой холодной земли.

Тщательно подравнивал ладонями небольшой могильный холмик, установил в ногах сделанный из разрубленного ногайского копья крест, укрепил его, чтоб зимние выюги не свалили. И, вздохнув, опустил на колени и прочел несколько молитв,- все, какие знал.

Да, хорошо будет ему лежать тут - место высокое, на взгорке, и грязи тут нет никогда, даже в распутицу. Видна отсюда широкая привольная степь, Волга вдали синее... Покойно и тихо тут. Мир праху твоему, Иван!..

Покончив с этим, сволок оба ногайских трупа в расселину склона, кое-как завалил глиной: хоть и нехристи,- да все ж люди! И спустился вниз.

Девушка уже проснулась, и - вот молодец! - набрала топлива для огня: насобираала кизняка, наломала толстых стеблей кустарника, принесла оставшиеся обломки ногайских копий и их стрелы. Улыбнувшись ей, Богдан достал из переметной сумы тушку дрофы, принялся было ее ошипывать; татарка подошла, смущенно глянув, осторожно взяла у него птицу и начала довольно ловко обделывать ее сама. Что ж, хоть и не из простых, но у мусульман закон - мужчина не должен делать женской работы. Усмехнувшись этой своей мысли, казак занялся костром.

Костер - и ночью? Ночью, когда пламя видно так далеко?.. Но запорожец знал, что делал.

Ночью, и только ночью нужно разводите огонь,- днем костер выдаст дым. А свет пламени? О, его можно спрятать, схоронить от лишних глаз! И Богдан знал, как сделать это.

Вырыл казак в земле продолговатую яму, похожую на след колеса на мягкой почве; вытянута эта яма была как раз по направлению ветра. Обращенные к ветру, ее стенки были пологими, края же, им перпендикулярные - крутыми. Готово дело! Теперь только сложить топливо в ямку и поджечь.

Не случайно пологие края-то к ветру обращены,- его дуновения будут постоянно раздувать уголья, заставляя их теплиться и тлеть. А вот свету-то будет совсем мало,- так, слабое - слабое неясное зарево, которое и в полусотне шагов не заметишь.

... Дрофа, насаженная на саблю, уже почти готова; душистый жир ее, капая на угли, шипел и вспыхивал бледным синеватым пламенем. Богдан, расстелив на земле утирку, разложил на ней нехитрые припасы свои: зачерствелый хлеб, сало, бок копченой севрюги. Подумав, достал из сумы скляницу с горилкой, налил чарку,- помянуть Ивана ведь надобно! Жестом указал сидящей напротив него девушке на еду, а сам опрокинул в горло противную терпкую жидкость.

Но она не взяла ничего,- дождалась, пока он не начнет есть, и только тогда несмело взяла кус хлеба и совсем небольшой ломтик рыбы.

Закусив, Богдан снял с сабли птичью тушку, разрезал ее ножом и с наслаждением,- проголодался-то за день! вцепился в него зубами. А девушка же ела неторопливо и аккуратно.

Половина немалой птицы съедена; насытившийся Богдан теперь ел не спеша, поглядывая на свою спутницу. Еще не совсем стемнело, и отсвет угольев достаточно хорошо освещал ее, а окружающий их сумрак придавал лицу татарки несколько таинственное, загадочное выражение; но полумрак этот не мог скрыть красоту девушки,- напротив, он только подчеркивал ее.

Теперь она распустила свои косички, и густые волосы, черные, точно грозвое ночное небо, волнами легли на ее узкие плечи, оттеняя легкую смуглоту лица. Темными были и глаза ее,- большие и влажные, в обрамлении пушистых ресниц и тонких бровей. Тонкий прямой нос над небольшим, правильно очерченным ртом, подбородок с ямочкой... И, что удивило Бог-

дана - скуластость лица вовсе не портила его привлекательности и правильности черт,- нет, наоборот: эта-то скуластость и придавала лицу особую прелесть и неповторимость. Богдан поймал себя на мысли, что вот девушка эта - татарка; татарских женщин ему видеть до этого не приходилось, и вместе с тем - казаку вдруг показалось, что он где-то видел уже это лицо. Но где же, где?..

И внезапная догадка осенила его: ну конечно! В Вильне, где он шесть лет учился в академии,- там!.. В одном из пустынных коридоров старинного здания, бывшего монастыря, в самом конце длинного и низкого сводчатого помещения, куда обычно никто не заходил, был навален всякий хлам. И вот однажды ректор велел нескольким студентам - и Богдану в их числе - этот мусор убрать. Они принялись за дело, и среди старых досок и обломанных скамеек и шкафов, пустых бочек и прочей рухляди нашли они статую,- статую полуобнаженной женщины в рост человека; как попала она в монастырь, кто был ее хозяином - неизвестно; но ректор, едва взглянув на нее, приказал сделать с ней то же, что и с остальным хламом, а именно: взвалить все на подводу, которую прислужники должны вывести на городскую свалку.

- Пан ректор! - вперед выступил один из товарищей Богдана, сын польского магната Лозинский, юноша порывистый и впечатлительный,- пан ректор! Не вы ли учили нас смотреть на мир и видеть красоту? Взгляните, взгляните на всю прелесть этой женской фигуры; как совершенны линии ее тела! А лицо,- сколько кроткости и тихой радости в этой загадочной улыбке! Поистине - эту скульптуру изваял очень талантливый мастер! Но разве может быть талант - настоящий талант - от дьявола? Нет - это дар божий, и, значит...

- Это значит,- терпеливо и наставительно прервал его ректор,- что твое пребывание, сын мой, в стенах Академии дало тебе, как я вижу, совсем немного. Суждения же твои подобны домыслам безграмотного простолюдина. Пойми главное: эта женщина - почти обнажена; обнаженность же, выставленная напоказ, есть бесстыдство и грех. Разве можно считать греховное - красивым? Нет! Это всего лишь дьявольский соблазн.

- Но...

- Никаких но! - нахмутив свое лицо аскета воскликнул ректор.- Когда речь идет о соблазнах дьявольских - не может быть никаких "но"! Учитесь овергать дьявольские соблазны, которыми - увы! столь богат окружающий мир.

Однако упрямая польская кровь Лозинского взяла верх над почтением к ректору.

- Но вы ведь говорили, что всякая красота - от Бога! И...

- Настоящая красота! - отчеканил ректор, сузив глаза.- Настоящая! Но не ложная. Вы уже догадались, что статую эту изваяли в древней Элладе, пребывающей, как известно всем, во мраке суеверия и язычества. Так может ли человек, поклоняющийся лжебогам, воплотить в свое творение божественную красоту?! Грузите же ее на телегу!

Но когда, громыхая на булыжниках дороги, подвода выехала за ворота, к Богдану подошел один из преподавателей - католический монах.

- Пан Богдан,- негромко пригнул он,- известно ли тебе, где я живу?

- Да, ваше преподобие.

- Тогда вот что,- священник оглянулся по сторонам и понизил голос до шепета,- вот тебе три злотых. Беги следом за прислужниками; попроси их захватить ко мне (ты сам покажешь им дорогу) и оставить статую у меня... Ей и вправду не место на свалке; пройдут века - и люди поймут это.

Он помолчал - и добавил:

- Я думаю, пан ректор ошибается. Бог - вечен; вечна и красота. И тело человека, созданное по образу и подобию Божьему - прекрасно!.. Ну, беги же!

Богдан шел рядом с подвоем до самого дома священника, шел, рассматривая прекрасную статую. Та, много веков или даже тысячелетий назад изваянная женщина, в одной лишь накидке, прикрывающей живот и бедра, стояла, прижавшись к стволу дерева и обнимая его ,

приникнув щекою к коре, и глаза ее были закрыты, а в уголках губ притаилась загадочная и печальная улыбка.

Кто была эта женщина, почему обнимала она дерево, о чем говорила ее улыбка? Увы!.. Это знал лишь тот, которого Господь Бог наделил величайшим даром - открывать людям Красоту...

Вот кого напало Богдану лицо сидящей перед ним девушки! Он отвел взор, потом вновь взглянул на свою спутницу,- нет, сомнений быть не могло: ее нос, ее подбородок, да и все выражение лица ее живо напомнили молодому запорожцу эту статую.

Возможно ли такое?! Возможно... Богдан вздохнул глубоко и порывисто - и его откровенно восхищенный взгляд встретился со взглядом прекрасной татарки; вспыхнув, оба опустили глаза...

Она ведь тоже давно уже украдкой, сквозь полужакрытые ресницы, разглядывала запорожца- и, как всякая женщина, замечала и примечала все - а потому Богдан ей сразу понравился. Хотя, впрочем, молодой запорожец пришелся бы, наверное по нраву многим и многим девушкам!

Из-под черной барашковой шапки на высокий лоб выбивается смоляной чуб; нос прямой, под которым проглядывается едва заметной полоской будущая казачья гордость - усы. А взгляд синих глаз - доверчивый и добрый. Верно говорил Удача - пригож его сын! Телом же запорожец тонок и строен, и осанка его благородна,- еще бы! Бежит в Богдановых жилах кровь потомков тех древних воителей, что, придя на Русь с севера, смешались с ее исконными жителями, а потом прибавали щиты свои на воротах ранее несокрушимого Царьграда. Пальцы казака, как заметила девушка - тонкие, но сильные; такие пальцы одинаково ловко сжимают и писчее перо и рукоять сабли...

Поймав взгляд девушки, смущенно опустил парень голову, потупился; а она тихонько улыбнулась,- застенчиво, ласково и чуть-чуть лукаво... Этот незнакомый юноша, виденный ею впервые и такой непохожий - ничем - на ее соплеменников - ей понравился.

Они запили ужин водою из баклаги, и Богдан решил все-таки попытаться переговорить, а для начала - хоть бы имя ее узнать.

- Богдан, - указал он на себя,- Богдан.

Девушка несколько секунд сидела молча, и запорожец было подумал, что она, как и прежде, не хочет говорить - но внезапно она ответила.

- Сузге.

Точно тихий серебрянный звон колокольчика родился вдали и проплыл над притихшей степью.

- Сузге,- повторил Богдан, наслаждаясь звуками этого имени,- Сузге...

Затем он попытался узнать, кто она и куда едет. Татарских слов он знал немного - не более двух десятков, она же - ни одного русского слова, но поговорив полчаса и дополняя речь жестами и мимикой, они почти поняли друг друга.

Сузге вроде бы похитили и везут на север, а ей надо туда,- грациозно изогнувшись, она указала на юго-восток, и в щебете ее уловил Богдан слово "Бухара". Бухария? Он слышал, что это далеко на востоке, вроде бы возле самой Персии.

И она - одна-одинешинька! - собирается добраться туда?..

Еще она говорила что-то о своем брате, которого тоже захватили в полон ногайцы. И уразумел запорожец, что ногаи сейчас ищут ее по всей степи.

Что ж! Помочь ей не так сложно. Он отвезет ее на берег Волги - к тому же Миките Кривому, а по Волге-то проходит немало караванов купецких - и персидских в том числе. Купцы довезут ее до Персии, а уж оттуда она легко доберется до своей Бухары. Денег у него для этого хватит,- и десятой доли того, что звякает в мешочках с золотом, будет вполне достаточно.

Наверное, час потребовалось казаку объяснять ей все это, пока она наконец не поняла его. Поняла и, отрицательно покачав головою, произнесла по-татарски одно слово - брат, и указала куда-то в степь. Не хочет брата в беде бросать, догадался Богдан.

Но он - один, и помочь ее брату он ничем не сможет. Сузге поняла, что ей сказал Богдан, и склонилась в раздумье голову, и, наконец, кивнула головою, соглашаясь с предложением казака. А что ей было делать еще?..

Ну, если так - завтра придется Богдану отмахать много верст! Он отвезет татарку к Миките и, не мешкая - назад, искать Ермака. Подумав так, запорожец поднялся на ноги - пора готовиться ко сну, стелить постель.

Сузге он постелил на землю овчинный тулуп Кистеня, под голову дал свою шапку, а накрыться - кожушок: ночи-то стоят холодные, сырые. А сам же - ему и на пополах неплохо будет; он казак ведь, ему о своих удобствах думать не к лицу, совестно...

Закончив это, кивнул девушке на тулуп, сам же отошел на другую сторону (постели он стелил по оба края кострища); Сузге ласково улыбнулась ему в ответ и улеглась, закрываясь кожушком. Богдан же поворошил последним куском ногайского копыя уголья, - по расчету его, зыбкого тепла их должно хватить им почти до самого рассвета, потом опустился на колени, прочел молитву и, бросив украдкой взгляд на неподвижно лежавшую под кожушком девушку, улегся на жесткую попону, тотчас же почувствовав спиной промозглую стылость земли. Замотал второй, пропахшей терпким конским потом попоной ноги и туловище свое, да так и замер, глядя вверх и закинув за голову руки.

Он думал о сегодняшнем дне, таком богатом событиями, думал о дне завтрашнем (что-то он сулит ему!), - но все мысли его невольно возвращались к лежащей напротив него девушке. Ее судьба заботила казака куда больше, чем его собственная...

Прошло довольно много времени, прежде чем девушка пошевелилась; потом еще раз и еще. Запорожец осторожно повернул к ней голову.

Она лежала, сжавшись в комочек, - озябла, видно, бедняжка! Кожушок неловко сполз с ее голени, оставив их открытыми...

Богдан подумал и поднялся на ноги. Подойдя к Орлику, взял он из переметной сумы еще одну попону, старую и рваную, которую он хотел несколько дней назад выбросить, но пожалел; теперь вот пригодится она!

Поднял свою целую попону, ту, которой он укрывался раньше, и, остерегаясь ступить громко, подошел к девушке. Опустившись на колени, заботливо укутал ей ноги, выпрямился. Теперь вот надо поправить кожушок на ее плечах, закрыть их... И он склонился над нею, осторожно взявшись рукою за овчинный воротник.

Сузге лежала на боку, спиной к нему, и, когда он склонился над девушкой, над ее плечом, покрытом разметавшимися кудрями, - и тут обоняние казака уловило тонкий, восхитительный аромат, - солнцем и степью пахли волосы татарки. На мгновение Богдан замер... И вдруг, неожиданно для себя, нагнулся еще ниже, и лицо его утонуло в этих мягких дивно пахнущих волосах, а губы поцеловали их, поцеловали осторожно и трепетно...

Тотчас же отрезвев от этого наваждения, казак торопливо выпрямился; что делает он?! Не разбудил ли?.. Но девушка лежала не шевелясь, и Богдан, сдерживая бурное дыхание и биение взволнованного сердца, вернулся на свое место. Укутался дырявой насквозь попоной - и замер.

Было холодно, и легкий прилетавший из глубин степи студёный ветерок еще больше охлаждал тело, но Богдан не замечал этого. Мысли его были далеко - далеко отсюда, и было ему сейчас так хорошо, как не было, пожалуй, никогда...

А там, в двух шагах от него, так же без сна лежала Сузге. Она не спала - и видела все это: и как Богдан укрывал ее, и почувствовала на себе его поцелуй...

Милый, милый юноша! Как не похож он на тех холодно-жестоких, а иногда и подлых людей, которых так много на свете и которые причинили ей столько горя и бед! Нет, этот казак красив не только лицом, но и своей душой. Как жаль, что она не может ответить ему взаимностью!..

А черное бездонное небо, словно огромным шатром, укрыло две юных, чистых души. волею судеб нашедших здесь, посреди бескрайней враждебной степи, друг друга.

Глава 5. “Пробуждение”.

Миновала глухая полночь; едва народившийся месяц плыл среди рваных туч, склоняясь к горизонту, а ветер почти стих, лишь изредка покачивая былинки. Кони, до этого мирно пасшиеся, теперь подошли к стану и сгрудились у потухшего почти кострища; как и все воинские лошади, они спали стоя. Ни звука не доносилось из одетой тьмою уснувшей степи...

Но не звук - а именно тишина опасна в ночи. Воющий волк не рассчитывает на добычу, отпугнутую его воем, а человек, замышляющий злое, крадется бесшумно, как тень.

И пятеро всадников беззвучно, точно призраки - некованные копыта их коней были обмотаны войлоком - развернувшись цепью, скользили во тьме. Путь их лежал как раз мимо богданова стана, и крайний из них проехал всего в сотне шагов от него.

Он, этот всадник, ехал настороженно, вслушиваясь в тишину и то и дело оглядываясь. Вот взор его скользнул как раз по тому месту, где лежали Богдан и Сузге... и, ни на мгновение на нем не задержавшись, пробежал дальше. Почти затухшие, уголья давали совсем немного света, а чуть-чуть выступающие во тьме силуэты спящих лошадей были незаметны на фоне темного склона, возле которого и был разбит стан.

Всадник уже почти миновал это место, когда вдруг (а он был старшим в своем отряде и самым опытным) обратил он внимание на своего коня: почуввав в слабом порыве ветерка слабую струйку дыма, умное животное потянулось к ней, играя ноздрями, нюхая воздух: конь устал, а ведь дым - это костер и отдых. Так почему же люди едут мимо,- давно пора отдохнуть! И конь, раздувая ноздри, тянулся головою к стану.

Тонкий, тихий свист - так сурки пересвистываются в степи - и остальные четверо подъехали к нему. Он показал своим товарищам вправо, туда, куда все тянулся его конь. Короткий взмах руки - и все спешили. Бросив поводья одному, оставшемуся за коновода, они разошлись так, чтобы между ними был интервал шагов в тридцать, неслышно поползли они в степь.

Через минуту - еще свист: сигнал сбора. Один из них указал подползшим товарищам прямо вперед, где вырисовывались во тьме смутные очертания лошадей. Стан!

Старший замер, глядя во тьму и размышляя.

Лошадей всего пять; значит - там, впереди не более пяти человек. А наверное - и того меньше: ведь из лошадей несколько или хотя бы одна - заводная либо вьючная. К тому же люди там, на стане, спят безмятежно, - вон и караульщика не видно; стало быть - на стороне нападавших будет и внезапность, что очень важно...

По жесту его все опять поползли; теперь двигались и вовсе осторожно - противник рядом.

Вот уже не более десятка шагов отделяют их от двух спящих на земле людей; старший приподнялся на локтях, высматривая. Так, хорошо - всего только двое спят там, спят крепко, не шевелясь, только двое! Их будет нетрудно одолеть! И, махнув рукой, он пружинисто вскакивает на ноги и устремляется вперед...

В это же мгновение, подняв голову и зачуяв чужих, тревожно и громко всхрапнул Орлик.

От этого-то всхрапа и пробудился Богдан; в первую секунду он не понял ничего, а попопа уже сдернута с него, и на мгновение увидел он во тьме чье-то темное темное, склонившееся над ним лицо.

Опершись руками о землю, казак попытался встать, но тяжелое тело упало на него, придавило к земле; в нос ударил смрадный запах бараньего сала и человеческого пота, а жесткие пальцы сомкнулись на его горле и с силой сдавили его.

Застонав, забился, забарахтался казак, ухватил противника за руки - но точно железом было охвачено его горло; враг его был гораздо сильнее и продолжал душить запорожца. Совсем близко от его глаз было чужое перекошенное лицо; грудь мучительно расширялась, пытаясь наполниться живительным воздухом, перед глазами возникли бешено вращающиеся красные круги...

Но среди чужих гортанных голосов явственно услышал Богдан пронзительный вскрик Сузге - и крик этот точно разбудил уже подавленную волю. Согнув в колене ногу, казак запустил в сапог правую руку, нащупал костяную рукоятку ножа. И, отведя руку далеко, до хруста в плече в сторону и боясь, что появившаяся пред глазами тьма сейчас поглотит сознание, наотмашь ударил душившего в бок, всем своим существом чувствуя, как со зловещей легкостью, скользнув по ребру, вошел в тело до самой рукоятки острый клинок. Вырвал его, ударил еще и еще раз - и ощутил, как пальцы на его горле медленно-медленно, точно нехотя, разжались и ослабли, а тяжелое тело обмякло.

Рывком сбросив с себя убитого врага, вскочил было на ноги, но жестокий удар кулака прямо в висок опрокинул его на землю; все завертелось перед глазами, и на несколько мгновений он потерял сознание, а когда пришел в себя, то уже двое стягивали ему за спиной руки. Третий, не обращая внимания на струившуюся из плеча кровь (татарка тоже успела воспользоваться своим ножом!) вязал Сузге...

... Степняки - а по виду они как две капли воды походили на вчерашних ногайцев - о чем-то поговорили с Сузге; та отвечала коротко, сквозь зубы. Обшарили переметные сумы коней, в серых рассветных сумерках обошли окрестности. Постояли возле могилы Кистеня; один заметил торчащий из-под комьев глины сапог; разрыли глину, выволокли из расселины оба трупа ногайцев. Поцокали язаками; один из них заговорил что-то торопливо и гневно, указывая на Богдана и хватаясь за саблю - но старший ногаец остановил его.

Зачем? Зачем убивать его, этого уруса? За живого раба мурза наградит, а за падаль лишь похвалит. К тому же почти рассвело - пора трогаться в путь.

Ногайцы увязали убитых на кистенева коня; Сузге, руки которой были спутаны, усадили в седло, а поводья ее коня прикрутил к своему седлу один из степняков. Богдана же пинками заставили подняться на ноги; к спутанным рукам привязали аркан, другой конец которого закрепил на своем седле старший ногаец - и они тронулись в путь, направляясь в сторону восходившего уже солнца.

ЧАСТЬ 4. “ЦАРСТВО ИБИРЬ

”

Глава 1. “Мурза Баркан”.

Маленький отряд двигался неспешной тряской рысью и цели своей достиг только незадолго до полудня.

Татарский стан открылся внезапно - овраг, по которому они ехали, круто заворачивал влево, расширяясь и переходя в лощину с пологими склонами, поросшую редкими деревьями, среди которых стояло несколько шатров и бродили оседланные кони.

В тени, под деревьями - а день этот выдался не по-осеннему жарким - сидело несколько степняков. Занятые ленивой беседой, они повернули головы на стук копыт - и, увидев маленький отряд, живо повскакали на ноги и окружили приехавших; те остановились, и Богдан, наконец получивший желанную передышку, без сил опустился на землю.

Приехавшие что-то оживленно рассказывали обступившим их воинам, а старший занялся полоняниками: снял с седла Сузге и отвязал от богдановых рук свой аркан.

Внезапно толпа расступилась, и сквозь нее неторопливо прошел пожилой татарин в богато расшитом халате и зеленой чалме. Очевидно, это был большой начальник - все, словно по команде, упали на колени, уткнув головы в пыль.

Повинуясь его повелительному жесту, старший из приехавших поднял голову и, не вставая с колен, заговорил. Говорил он долго, кивком головы указывая то на убитых, то на стоявшую чуть поодаль Сузге, то на Богдана.

Выслушав, татарин что-то произнес - и ногайцы встали на ноги; пожилой же подошел к Сузге, о чем-то спросил ее. Та отвечала ему коротко и зло; усмехнувшись, татарин отдал приказ - и ремень, стягивающий руки девушки, был перерезан.

Богдан, несмотря на усталость и боль в натруженных, в кровь избитых ногах (сапоги-то татары с него сняли перед тем, как отправиться в путь) приподнялся, напрягшись: что будет сейчас с девушкой?! Но чем он сейчас мог ей помочь?..

Пожилой продолжал расспрашивать, но Сузге, что-то пробормотав сквозь зубы, пошла к шатрам, не слушая его слов, сказанных ей во след. Проводив ее взглядом и еще раз усмехнувшись, татарин обернулся и подошел прямо к Богдану. И остановился в двух шагах, спокойно и внимательно его разглядывая.

Подумав, что негоже казаку валяться в ногах перед поганым нехристом, Богдан с трудом поднялся на ноги и стал, оборотясь лицом к степняку.

Что будет с ним?.. Татары - народ жестокий, и христиан не любят они... И тут ясно и страшно возникли в памяти отцовы слова,- лучше смерть, чем рабство! Так неужели - все?..

Но ведь татары и до золота жадны, а у него, у Богдана, оно есть. Кони и оружие тоже немало стоят... Всего этого хватит, чтоб не одного - десять полоняников выкупить! И потому - надо поговорить с этим татаринком, как видно, здесь старшим. Авось согласится взять все его добро как выкуп за убитых ногайцев! Лишь бы разрешил уйти восвояси - а уж Ермака-то и пешки найти можно! Только вот как быть? По- татарски ведь Богдан едва понимает...

Однако, пока запорожец собирался с мыслями, татарин заговорил первым - и заговорил по-русски, почти чисто выговаривая слова.

- Ты кто? Куда идешь? Ты от Жармака? - спросил он, и в голосе его не было злобы, а глаза смотрели на казака спокойно.

- Нет, о великий хан! - воскликнул Богдан, радуясь, что его понимают. - Нет, я не с Руси! С Украины я, с Сечи Запорожской. И у нас с вами, с татарами, мир. А за воинов твоих убитых - возьми с меня выкуп, у меня золото есть!

- Возьму. Возьму все твое золото.- просто сказал татарин. И так же спокойно добавил:

- Ты убил трех моих воинов. А я, мурза Баркан, привык - за каждого своего воина я убиваю десять врагов.

- Но твои люди, мурза, напали первыми.

- Но ты их убил.

- Они убили моего друга и ранили меня!

- Но ты их убил.

- Я ведь не нападаю на них - только защищался, поверь мне! Я не хотел зла твоим людям!!.

- Но ведь ты их убил...

Богдан хотел сказать еще что-то, но, повинуясь приказу мурзы, трое воинов подбежали к нему и, крепко держа бьющегося в их руках Богдана, поволокли его куда-то. Подтащив к отдельно стоящему высокому тополю, сорвали с него жупан, сдернули рубаху и прикрутили его, стоящего, к стволу дерева волосяным арканом. И отошли в сторону, держа в руках жупан и отшвырнув в сторону рубаху, к изнанке которой была пришита грамота...

А мурза Баркан, которому один из воинов протянул лук и колчан со стрелами, вынул одну лишь стрелу; отдав колчан татарину И, обернувшись, неторопливо пошел прочь.

Отойдя от тополя шагов на сто, остановился. Повернулся - и его спокойный пристальный взгляд уперся в Богдана.

Глава 2. “Маметкул”.

О такой татарской забаве слышал Богдан от старых казаков... У степных народов издревле одним из любимых занятий и развлечений почиталась стрельба из лука; всякий праздник сопровождался ею. Стреляли по шапке, укрепленной на шесте, но всегда предпочитали живую цель - человека; на роль такой мишени “претендовал”, как правило, провинившийся или заболевший невольник или же пленник. Иногда поручали стрелять подросткам, вырабатывая у них, тем самым, не только меткость, но и необходимую воину жестокость.

Но тут не было детей, и мурза решил поразвлечься сам. По старинному обычаю нужно бы тянуть жребий, но воинов много, и вряд ли ему достанется стрелять. Нет, уж лучше воспользоваться своей властью и получить удовольствие самому.

Правда, пленник здоров и молод, на невольничьем рынке в Искере за него заплатили бы немалые деньги. Но денег у него и так достаточно, а забав в этой проклятой степи нет... А такая потеха хорошо согревает душу и кровь! И он опять взглянул на привязанного к дереву Богдана.

Глаза их встретились; и если в одном взоре кипели отчаяние, скрытая мольба и отчаяние, то другой, сощуренный, был спокоен и пуст. Лишь легкое сожаление читалось на лице мурзы - пленник-то один, еще несколько секунд - и забава кончится. И потому татарин не торопился, растягивая удовольствие: вытер со лба пот, неспешно отставил назад правую ногу, примерился - и только тогда положил стрелу на тетиву.

Все! Еще один - два вдоха, и он станет холодным, обвисшим на жестких веревках трупом... В отчаянии голова казака упала на грудь.

“ Э-эх-х, - пронеслась мысль, - и даже ведь могилы - и той у меня не будет! Засыпет обглоданные жадным вороньем кости степной пылью, занесет сыпучим снегом, и будут они лежать здесь, выбеленные горячим солнцем, покуда не рассыпятся в прах...”

В последнем усилии рванулся Богдан, но крепки были веревки; не разорвать их! И, стиснув зубы, нашел в себе силы приподнять голову. Хорошо - он покажет этим нехристям, как умеет умереть казак запорожский! Смотрите, проклятые - ни стоны, ни мольбы не дождетесь!..

Мурза между тем откинулся назад, растягивая тугой лук; стоящая неподалеку толпа татар жадно смотрела на полоняника, страшась пропустить момент, когда стрела вопьется в грудь и смертной последнею мукой исказится лицо. До выстрела оставались доли секунды...

И внезапно все вздрогнули - таким неожиданным и громким прозвучал в тишине пронзительный и отчаянный крик. Все вздрогнули; мурза опустил лук и гневно повернул голову - кто осмелился помешать ему?!

Стремительно и легко подбежала к нему Сузге, что-то гневно заговорила, показывая на пленного. Татарин в ответ лишь покачал головою. Сузге заговорила вновь, и в голосе ее мешались мольба и негодование.

Не отвечая, мурза отступил на шаг и поднял оружие.

С быстротою молнии метнулась девушка к Богдану; мгновение - и она уже стояла между ним и татаринном, заслоня собою казака.

Вновь опустив лук, мурза что-то крикнул, крикнул громко и недовольно; двое воинов метнулись к девушке, но она увернулась от протянутых к ней рук, все еще стараясь закрыть собой Богдана.

- Мамет! Мамет!.. - отчаянно кричала она; воины уже схватили ее за руки и с трудом оттащили в сторону - а она все звала...

И тут-то кольхнулся полог шатра, в который заходила она и который стоял отдельно от других; у входа его застыли два воина в кольчугах, с копьями в руках. Высокий человек вышел из шатра и на мгновение замер, осматриваясь.

Он шагнул было к Сузге, которая билась в руках воинов и все что-то кричала, но копыя воинов скрестились перед его грудью. Круто повернувшись, он зашагал к мурзе; воины следовали с ним рядом, точно охраняя его.

Видя его приближение, татарин опустил лук. А высокий человек, подойдя к нему вплотную, что-то коротко спросил; мурза начал ему объяснять, но, не слушая его, подошедший прервал его коротким повелительным жестом. Мурза покачал головой и, чуть возвысив голос, принялся что-то доказывать; собеседник вновь оборвал его, гневно топнув при этом ногой. Не отвечая, татарин усмехнулся - и вновь поднял лук, растянув его до отказа.

А дальше все произошло мгновенно: высокий человек вдруг молниеносным движением вырвал из-за пояса у одного из воинов, стоящих по бокам от него, плеть и с размаху хлестнул мурзу прямо по лицу.

Все оцепенели; на несколько секунд гробовая тишина повисла вокруг. Потом мурза, отняв от окровавленного, перекошенного бешенством лица ладони, что-то хрипло пробормотал и выхватил из ножен саблю; широко размахнулся...

Незнакомец же, отшвырнув в сторону плеть, стоял не шевелясь и скрестив на груди руки; глядя на мурзу, вдруг издевательски расхохотался прямо в его бледное, залитое кровью лицо... Мурза замер.

Оборвав смех, юноша сквозь зубы произнес несколько слов,- произнес презрительно, так, как хозяин разговаривает с испачканным в навозе рабом; последнее слово прозвучало властно и резко, точно удар бича.

И мурза, выронив свою саблю, внезапно как-то сник, съежился и упал на колени; лоб его, согнутый в поклоне, коснулся земли...

Не взглянув на него, высокий человек повернулся и зашагал прочь. Прежде чем войти в шатер, он, не оборачиваясь и не обращаясь ни к кому, прокричал несколько слов. И, откинув полог, вошел внутрь.

Несколько татар стремглав бросились к дереву, к которому был привязан пленник; в лучах солнца сверкнул нож - и стягивающие казака веревки, пререзанные, упали к его ногам. А следом за ними осел на землю и сам Богдан: от пережитого только что ужаса близкой смерти ноги его подкашивались, а сознание мутилось...

К действительности его вернул голос одного из степняков.

- Вставай - и пойдем! Ты,- татарин говорил по-русски споро и довольно правильно,- удостоен высокой чести: сам прославленный полководец и батыр Маметкул, родственник солнцеподобного и светлого великого хана Ибири Кучума,- да продлит Аллах его драгоценную жизнь! - повелевает тебе явиться тотчас же к нему в шатер. Пойдем! - он протянул казаку руку и помог ему встать на ноги. И двинулся к шатру. Богдан, пошатываясь, шел за ним, не веря еще в свое спасение...

У самого шатра татарин обернулся к нему и добавил:

- Не забудь пасть ниц перед великим царевичем, когда ты войдешь!

Глава 3. “В шатре царевича”.

Откинув тяжелый полог и пригибаясь, вслед за толмачом вошел казак внутрь. Татарин тотчас же пал ниц, а казак согнул спину в глубоком земном поклоне; выпрямившись, произнес почтительно:

- Прости, о великий царевич, что не могу я пасть на колени пред тобою. По вере нашей христианской то лишь пред Богом одним дозволено, а больших людей у нас чтут поклоном земным...

Сказавши так, еще раз поклонился запорожец и замер, склонив голову. А толмач тихим голосом перевел царевичу речь казака.

- Ты прав,- неторопливо отвечал татарин,- обычаи предков и обычаи веры нужно соблюдать всегда. Садись же! - он указал на кошму напротив себя. Толмач же, поднявшись с колен, встал за спиною царевича.

- Благодарю, о великий!

И Богдан опустился на кошму, постеленную прямо на землю, на которой стоял шатер,- кошма эта показалась ему, усталому, мягче лебяжьей перины.

Царевич молчал пока,- и казак тем временем оглядел внутренность этого жилища кочевников.

Убранство никак нельзя было назвать богатым,- на центральном колу висел двойной небольшой светильник, а ниже его - меч - акинак в роскошно украшенных ножнах. В углу стопкой лежало несколько небольших подушек, и - все.

Шатер, кстати, был разделен тяжелой парчевой завеской на две неравные части; царевич и Богдан сидели в передней, обширной части. А в задней же, наверное, Сузге,- старые казаки сказывали, что у мусульман в домах бабы от мужиков порознь живут. Точно,- тихий - тихий женский голос доносится оттуда.

Теперь казак украдкой глянул и на самого своего спасителя.

Ростом он был повыше Богдана, но так же как и запорожец, тонок станом и строен. Халат его - дорогой материи, расшит серебром и золотом, но потертый, выцветший под солнцем, а подол даже прожжен,- видать, долго был принц в дороге!

Лицо же - загорелое и обветренное; подбородок, коими награждает судьба людей смелых и решительных, внимательные и быстрые черные глаза. Над верхней губою,- тонкая полоска усов, она как бы венчает небольшой, надменно сжатый рот. Лет ему, пожалуй, двадцать пять,- старше он Богдана. И, что больше всего удивило казака - все в лице этом, - и прямой нос, и широкий разлет тонких бровей, и черные вьющиеся волосы,- все это делала царевича похожим на Сузге.

А принц между тем заговорил.

- Великий, солнцеподобный царевич Маметкул - да ниспошлет ему Аллах долгую жизнь! - спрашивает тебя: кто ты? откуда и куда идешь? И как встретился ты с его царственной сестрою, царевной Сузге?

Вот оно что!.. Брат и сестра они; вот почему так похоже лицо его на лицо Сузге.

- Зовут меня Богданом; сам я - казак запорожский, еду оттуда же, с Запорожской Сечи...- начал было Богдан и замолчал, услышав голос принца.

- Запорожская Сечь? Что это за страна, я никогда раньше не слышал о ней. Расскажи, где она находится, с какими землями граничит, кто живет там; с кем торгуете вы, с кем воюете, кто правит вами! - перевел толмач.

С час, наверное, рассказывал обо всем казак, а когда закончил - царевич спросил:

- А как ты оказался здесь, так далеко от дома? Куда и зачем лежал твой путь?..

Выслушав толмача, замялся казак, помедлил. Лгать ему не хотелось, а правды говорить нельзя... Что же делать?

- Хорошо! - выждав малое время, произнес принц,- я знаю, что у каждого человека есть свои тайны, о которых не следует знать прочим. И пусть эта тайна останется твоей и только твоей. Я понимаю тебя.

Богдан взглянул на него с благодарностью,- царевич, как видно, не только великодушен, но и благороден!

А тот между тем спросил:

- Ну, а как же ты встретился с моею сестрой?

Об этом казак рассказывал обстоятельно и правдиво, не скрыв, что пришлось ему убить четверых воинов принца. Закончил и, облизывая пересохшие от волнения и жажды губы, думал - а не повредит ли ему вся эта правда, не разгневаются ли татарин за гибель людей своих?..

- А скажи,- взор принца был по-прежнему спокоен и холоден,- что бы сделал ты с Сузге, если бы воины мурзы не смогли отыскать тебя в степи и тебе удалось бы вернуться на свою Сечь? Ты продал бы ее, или сделал бы своей наложницей? Говори не таясь: я ведь сам воин и понимаю, что Сузге стала твоей честной добычей, и ты волен распоряжаться и телом ее, и жизнью.

- Я, великий царевич, тоже воин! - помимо воли вскинул голову Богдан,- воин, а не торговец рабами. И людьми я не торгую! А насилье над нею, коль захотел бы - мог еще там, в степи совершить!.. Да только - грех это, а я ведь христианин. Разве у тебя поднялась бы рука на такую вот... - он запнулся, подыскивая нужное слово,- на такую вот красу беззащитную?!.. Нет! Я - казак, и поступаю, как честь мне казацкая велит! - закончил он твердо.

- Ты сказал правду.

Маметкул произнес это, помедлив, и пристально заглянув в ясные глаза запорожца.

- Ты сказал правду... - повторил он задумчиво.- Ты спас ее, не зная, кто она, спас бескорыстно. И в рассказе твоём не было ни слова лжи,- я вижу, что ты человек открытый, отважный и добрый. А все-таки - что бы стало с моей сестрой потом?

Богдан в ответ объяснил, как он собирался помочь девушке.

- Я оказался прав,- кивнул царевич,- но вдобавок к твоим качествам, которые я только что перечислил, ты еще и умен. А такой человек не должен оставаться без награды! Говори: что хочешь получить ты за спасение моей сестры?

- О великий,- волнуясь, воскликнул Богдан,- да ведь я награжден уже - ты спас мне жизнь! И милость твоя будет безгранична, если ты велишь отдать мне рубаху мою и одного из коней...

- Ты,- надменно произнес принц,- мой гость. А разве у гостя забирают его добро?.. Тебе вернут все - ни нитки не пропадет из твоего имущества. Оно и так твое... Но какую награду ты бы хотел получить от меня? Я хоть и пленный, но все-таки принц, и на родине моей меня ждут богатство, почет и власть.

- Я получил награду, беседуя с тобою, о великий принц! Беседа с мудрецом - истинное наслаждение...

- Ты выражаешься красиво - как поэт! - благосклонно заметил татарин, а казак в смущении опустил голову,- вот ведь как! В глухой степи, в стране диких кочевников пригодились ему заученные еще в Вильне слова эллинского мыслителя...

- Вот, возьми,- принц, сняв с пальца небольшой перстень, протянул его казаку,- это - знак вельможи Синей Орды. Владеющий им может путешествовать по этим местам безбоязненно - ни один волос ни упадет с его головы! Бери его и знай, что отныне ты здесь в безопасности!

С глубоким поклоном приняв дар, казак поцеловал его и надел на палец, благодаря.

- А теперь,- продолжил принц,- ты разделишь со мною трапезу,- ты, я вижу, хочешь есть и пить.

Он хлопнул в ладоши и отдал короткое приказание вошедшему татарину. Через несколько минут на скатерти перед ними были разложены овечий сыр, жареное мясо, дрофа на золотом блюде, засахаренные фрукты; тут же стоял серебрянный кувшин с вином. Принесли и одежду, которую казак тотчас же одел; грамота была на месте, и запорожец успокоился.

- Ты сказал верно,- произнес принц,- беседа с мудрецом истинное наслаждение. И потому мы продолжим беседу. Может быть, ты хочешь чего-то спросить?

Любопытство и осторожность боролись в душе казака; он поколебался - и спросил:

- Пусть тебе, великий принц, не покажется дерзким мой вопрос,- скажи, а кто и зачем полонил тебя и твою сестру? И где находится она - ваша Ибирь?..

- На этот вопрос следует отвечать долго,- отвечал Мамет-Кул,- но нас никто не торопит. Мы тронемся в путь лишь завтра поутру, и тебе, прежде чем ты поедешь своей дорогой, нужно подкрепиться и хорошо отдохнуть. Времени достаточно - слушай же...

Богдан, от природы любознательный и любопытный, весь замер, слушая неспешный голос царевича и такие же неторопливые слова толмача, и перед взором его ясно вставали картины услышанного; мысленно он перенесся на двести лет назад, в то время, о котором начал рассказывать царевич...

... Шатер стоял на пологом невысоком холме возле реки, и седой человек, сидящий в нем, еще не спал, несмотря на позднюю ночь,- невеселые думы томили его.

Он, быть может, вспоминал о том, как за два столетия до этой ночи в эти степи пришли воины непобедимого Бату-хана, и в одном из его бесчисленных туменов был воин, которого звали Орка. А позади за войском, в потоке тысяч и тысяч иных арб, следовала арба, везущая его жену и годовалого сына. Орка был простым воином, и, чтобы скопить деньги на выкуп за жену, он должен был воевать долгие годы - но судьба сжалилась над ним: когда монгольское войско взяло Гургандж - столицу Хорезмшаха Мухаммеда и между воинами делили ту часть добычи, что была им положена, Орке досталась девочка лет десяти. Когда она выросла, то стала женою воина.

Остаток своей жизни прожил Орка в этих вот степях, что тянутся по обоим берегам Итиля. Он пас своих овец, кочуя с места на место, охотился и по зову своего начальника ходил в походы,- в землю бородатых урусов. А ведь Орка был не простого рода! Мать его была рабыней, отец же - сам Повелитель Сильных, Чингиз-хан! Но мало ли у него было таких вот детей - плодов минутной страсти?.. Вот почему Орка был не царевичем, а простым воином.

Для своего сына нашел он на Руси и невесту - ее, тогда еще совсем крохотную девочку, дрожащую от ужаса, запихал Орка в свой мешок; это случилось среди пламени, пожирающего развалины города Елиц-зани, который урусы называли Рязань.

Она и стала женой Сондуга, сына Орки, и родила ему троих сыновей. И у Бачея, сына Сондуга, тоже было трое сыновей,- один умер еще совсем маленьким, второй - погиб в свой первый поход, а третьему, Мамету, повезло: он сумел дослужиться до чина сотника, и не просто сотника,- тысячник Урюпа сделал его начальником первой сотни своего отряда.

Недолго проходил Мамет в найонах - в первом же походе на Русь нашла его вражеская стрела; жена и сын его, Есутай, осиротели. Но тысячник, видно, хорошо запомнил Мамета,- когда Есутай подрос, Урюпа, тогда уже темник, сделал его десятником, потом - сотником, а к сорока годам Есутай стал тысячником, начальником над первой тысячей тумена, которая являлась как бы личной гвардией темника.

Прошло еще полтора десятка лет; в результате бесконечных переворотов ханом Золотой Орды стал темник Мамай,- из простых, сын простого десятника. В отличие от своих предшественников, он собрался сидеть на ордынском троне долго, а потому решил окружить себя преданными людьми. Для этого нужно было присмотреть таких,- а потом расчистить для них место.

Делалось все просто: осмотрев какой-нибудь тумен, Повелитель находил его небоеспособным и приказывал казнить темника, либо просто сместить его. В этом случае человек тоже недолго жил на свете,- случайно (конечно же, случайно!..) настигала его смерть. А иные умирали и без того, чтобы их отстранили от дел,- умер человек, и все тут! А место его - освобонилось.

Сметливый Мамай давно понял - путь вверх, к власти, не становится скользким от пролитой крови! И всегда пользовался этим правилом...

Вообще, потом разные историки будут много говорить о нем, и чаще - лишь худое. А так ли было на самом деле?..

О! Хан был расчетливо-жесток и холоден, беспощаден к врагам - и истинным, и мнимым, и ко всем иным народам, кроме своего, но вот кровожадным он не был никогда! Умный и хитрый, он говорил и писал на нескольких языках. Он был дальновидным и расчетливым политиком, искусным царедворцем. Он провел несколько крупных сражений со своими врагами, а проиграл только одно,- волею судеб, последнее, решившее его судьбу.

Но... Тут в дело уже вмешался рок. Его противник, Московский Князь Дмитрий, оказался в этом сражении если не хитрее, то прозорливее. Он, Дмитрий, сумел заранее предугадать весь ход грядущей битвы; он знал, что его Передовой полк будет целиком уничтожен; знал, что такая же судьба постигнет и полклевой Руки и что смяв его, именно слева постараятся татары нанести ему удар с фланга и тыла. Так оно и вышло...

Но когда на Красном Холме уже торжествовали победу, в дело вступил Засадный полк. Удар конным кулаком слева!.. Много веков назад принес он победу Искендеру Двурогому дважды - при Гавгамеллах и Иссе. Так и здесь - внезапный натиск тяжелой броненосной конницы урусов смял и опрокинул татарское войско, и что хуже того - внес в его ряды панику, которая быстро переросла в ужас. Татары побежали...

Но это будет, будет потом. А пока - пока Мамаю нужны были верные люди. А где взять их?

Там, откуда вышел он сам,- в народе! Они лишены будут чванства и спеси высокородных болванов, которые кичатся лишь делами своих дедов; они уже закалены трудностями, а о высоком положении могут лишь мечтать...

А он, Мамай - он даст им все: славу, почести, богатство... Взамен же требуя лишь одного: верности! Верности и преданности. И они, эти люди, будут верны ему,- ведь это он возвысил их, извлек из грязи!..

И через год после воцарения Мамай тысячник Урюпа погиб на охоте. Погиб странно - утонув в болоте! Но зачем же, зачем было ему соваться в непроходимую топь? Люди лишь разводили руками, а догадливые отмалчивались...

Есутай, спустя несколько дней после гибели начальника, был вызван в ставку Повелителя,- располагалась она неподалеку, на вершине высокого кургана, что высится над Итилью и окрестной привольной равниной; и поныне носит степной великан имя Мамай...

Уехал туда Есутай тысячником, а назад вернулся темником. Власть над улусом перешла к нему. И вот уже несколько лет он верой и правдой служит Мамаю: исполняя его волю, ходит он в походы - на Русь, в страну Аланов, на самый край Великой степи, к Каменному Поясу...

Но ему, Есутаю, в этом году исполняется уже шестьдесят зим, и сорок пять из них провел он в седле. Он и не знает точно, сколько шрамов на его теле оставили вражеские сабли, стрелы и копья, не помнит, сколько пролил крови в битвах. Две его дочери давно выданы замуж, сыновья тоже пристроены - младший десятник, а старший - сотник, и скоро станет тысячником. Есутай в общем-то небогат, но на спокойную, обеспеченную старость ему и жене,- хватит с лихвой! А главное - он устал. И телом, и душой.

Давно уже не прельщает его война; все чаще видит он во сне окровавленный снег, зарево пожарищ, вытопанные поля и трупы людей, убитых его туменом... Страшно! Страшно за то, что он, оказывается, так мало сделал в жизни добра. И столько горя принес людям, которые не сделали ему ничего плохого. А - зачем, во имя чего?..

Он измучился и сейчас хочет только одного - покоя; разве он не заслужил его?

А хан, собрав темников, велел им готовиться к новому большому походу,- к такому, какого не бывало еще со времен самого Потрясателя Вселенной!

Сперва войско обрушится на Русь. Она уже начала поднимать голову, отказывается платить дань и дерзко помышляет о том, чтобы и вовсе сбросить с себя татарские цепи... А такие мысли следует пресекать в зародыше! Он, Мамай, и так медлит,- четыре года назад татарское

войско разбило русские рати на реке Пьяне – но татары понесли тогда очень значительные потери. А новый поход, предпринятый двагода спустя, закончился сокрушительным поражением татар – на реке Воже. Да, похоже -Русь поднимается вновь: Московский князь Дмитрий задумал объединить под своей сильной рукой все русские земли; он уже отказался платить дань!..

А значит, его следует примерно наказать. И вот осенью и двинет свои отряды на Русь татарский владыка!

Разбив главное урусское войско, тумены устрелятся вглубь Руси - каждому будет назначена цель, какой-нибудь город. Еще до начала осенней распутицы татары окажутся под их стенами и возьмут штурмом или осадой - как выйдет.

Одним городам повезет - в них татары перезимуют; другие же,- и в первую очередь проклятая Москва - будут сровнены с землей, а их население,- ВСЕ население, до последнего ребенка! - будет перебито. Урусов можно сломить лишь смертью!..

Презимовав и отдохнув, с началом весны тумены, слившись в один могучий отряд, обрушатся на Закатные Земли, хилые жители которых изнурены непрекращающимися междоусобными войнами. Они станут легкой добычей,- и, точно меч сквозь бумагу, пройдут через эти земли татары, исполнив завет великого Чингиз-хана, оmyв окровавленные руки в водах Последнего Моря. Весь мир швырнет Мамай под копыта своих туменов!

Есутай слушал горячую речь Повелителя, а на душе у него было холодно и тревожно. Новая война,- опять сеять где-то слезы, страдания и - кровь, кровь, кровь... Да сколько же можно ее проливать?!

И не только это тревожило старого воина... Он почему-то был уверен,- нет, битвы с Дмитрием Мамаю не выиграть! Мамай, как стало известно Есутаю, и сам колебался,- а не взять ли у Дмитрия ту дань, какую тот согласен платить, и не трогать Руси?.. Но сурожские жиды посулили помочь и деньгами, и войском,- десять тысяч своих сыновей прислали они хану в подмогу, заранее выторговав в качестве добычи только полон, который татары возьмут на Руси.

Что ж, думал хан,- хорошо! Шлите ваших сыновей - я поставлю их в первые ряды своего войска. А те из них, кто потом уцелеет,- те не смогут оборонить Сурож и Кафу от моих туменов!.. Ибо всем людям, которые не являются татарами,- и союзникам их, и противникам,- уготована одна участь: быть рабами татар!

Так вот, даже самого Мамаю в самой глубине его души грызли сомнения. А он, Есутай, с посольством побывал в Москве год назад; правда, Дмитрий не показывал татарам своей дружины - но верные люди темника говорили: войско Дмитрия по выучке и вооружению не уступит лучшему ордынскому тумену! И ведь даже не это главное...

Случилось то, чего опасались все татарские правители еще со времен Батые: в Коломне, как доносили лазутчики, собирается не просто дружина Московского князя,- нет, там собирается объединенная рать со всей Руси!.. Прежде разрозненные, растопыренные пальцы сжаты теперь в кулак. И кулак этот занесен для удара!..

Для всех ворогов, во все века ничего не было страшнее, как единство Руси...

Перед советом Есутай сумел переговорить со своими друзьями - темниками Бартабеком, Алтыном... И все они дали ему понять - нет, они против похода на Русь: для ордынцев он может оказаться роковым...

После совета Есутай задержался и попросил у Повелителя разрешения поговорить с ним наедине; Мамай благосклонно кивнул головой,- он уважал опыт Есутаю, его радение к службе и прямому в разговорах с любым - будь то он, Повелитель, или простой воин. Темник же сказал так:

- Воистину Великий Хан велик - но велик не по титулу, а по своим замыслам и делам; задуманное им достойно только великого человека! Но... годы летят и летят, и под их гнетом плечи мои согнулись, а боевой задор ордынского воина начал утихать. Великий хан знает - я

верой и правдой служил ему, и, скажу не хвалясь - я сумел воспитать воинов моего тумена хорошими и стойкими бойцами, готовыми выполнить любой приказ Повелителя. Но я стар; я девять раз серьезно ранен; уже не так быстро бегут мысли в моей седой голове... Я устал, проведя больше сорока лет в боях и походах. Для задуманного Великим ханом похода потребуется много, много сил... А у меня их нет. И потому, беспокоясь прежде всего не о себе, а о деле, я смиренно прошу своего Повелителя разрешить мне мирно доживать свои дни в своем улусе, в тишине и покое. Я...

- Ты просто застоялся без битв, как застаивается конь без скачки! - воскликнул Мамай гневно. Сверкая глазами, он продолжил:

- Ты только вообразил себя дряхлым стариком, а на деле ты еще полон сил! Да, в войске, пожалуй, найдутся воины посильнее тебя... Но! Сила военачальника, сила темника - не в его руках, а в его голове, в его уме, смекалке и опыте. В опыте! А откуда он, этот опыт, у молодых?! Ты прав - дело, которое задумал я, великое и трудное. Мои тумены пойдут в этот поход, о котором все люди - одни с восторгом, другие с ужасом - будут помнить и спустя века! Вот почему я должен знать, что мои отряды ведут в бой опытные воины, а не храбрые, но безрассудные молодые юноши! И потому твой тумен поведешь ты и только ты. Я хочу поручить тебе трудное и славное дело - именно твоему тумену надлежит осадить, взять и разрушить гнездо московских ястребов - Москву! И душа твоя согреется в огне пожара, в котором навсегда сгорит этот проклятый город, и насытится видом той крови, что выплеснут твои войны из тел урусов на московский снег!.. Но почему, слушая меня, ты опустил голову? Или не рад ты той чести, что я предлагаю тебе?!

Есутай, не ответив, угрюмо молчал, и это еще больше разгневало Мамай. Проклятый упрямец!

- Но я устал уже от речей,- холодные огоньки в сощуренных глазах Хана погасли,- и считаю нашу беседу законченной. Разрешаю удалиться! Но чтобы тебе и вправду не было очень трудно, я пришлю тебе помощника, молодого, храброго и - едва заметным нажимом голоса выделил Мамай следующее слово,- верного мне воина... Ступай же!..

И вот теперь до выступления осталось два дня - через двое суток тумен должен двинуться к месту сбора войска... Не на гибель ли поведет Есутай тех, кто в течении долгих лет привык верить ему?.. Скорее всего, так!

По его приказу вчера еще мирные, табунщики, охотники, ремесленники и рыбаки станут воинами; и всех одним мановением руки швырнет он в кипящий котел жестокой битвы - на смерть!

А если все-таки победа,- что принесет она тем, кто останется в живых, - даст ли она им богатство, спокойную безмятежную жизнь?

Нет! Воинам достанется оружие побежденных, их одежда и часть лошадей; кто половчее - сумеет обогатиться несколькими серебряными монетами. Всем же добром - золотом, рабами, товарами - завладеют жадные пауки: найоны, мурзы, сам Повелитель...

Воинам же достанутся крохи!

А их в тумене около одиннадцати тысяч; многих он знает в лицо, и все они - все до одного! - дороги ему: многие его товарищи еще с детства, с другими он не раз ходил в походы, бился бок о бок. Так зачем же, зачем им эта война? Он, Есутай, знает не по-наслышке, что такое для семьи потеря кормильца - и потом полуголодное существование, нищета... Зачем эта война его народу?!

И если он поведет их на нее - то, по существу, предаст их! Но и если нет - это будет предательством Мамай, который, надо признать, для него лично ничего плохого не сделал... Выходит, он должен сделать выбор,- с кем он: с ханом - или со своим народом?.. И старый воин наконец решился!

Он дважды хлопнул в ладоши; в шатер вошел сотник, начальник охраны, и пал ниц, ожидая приказа.

- Поднимай тумен,- помедлив, негромко произнес Есутай,- с семьями и повозками. Мы выступаем сегодня. Сейчас же!

Мамай был взбешен: тумен “Крыло ворона” был одним из лучших его отрядов. Но он не прибыл на место сбора,- больше того, на месте кочевий Есутая было безлюдно. Лазутчики донесли, что тумен переправился через Итиль и ушел в степь, направляясь на северо-восток....

Проклятье, проклятье! Почему он не догадался убить этого старого пса еще тогда, после совета?! Теперь же поздно,- пора выступать, войско урусов уже неподалеку. А с Есутаем он рассчитается потом. После!..

И Великий Хан двинул свои тумены туда, где Непрядва впадает в Дон. Навстречу гибели!..

А Есутай?.. О поражении Мамаю он узнал годы спустя. А ровно через два года, на исходе тихого и теплого августовского дня темник, выехав на плоскую вершину невысокого пологого холма, натянул поводья и вскинул вверх правую руку; жест этот повторили едущий за ним сотник первой сотни, затем сотник второй, третьей - и так дальше до самой последней сотни. Тумен окружил полукольцом холм, на котором стоял темник, и замер, ожидая приказаний.

Есутай медленно осмотрелся вокруг...

Впереди, под холмом, несла свои быстрые прозрачные воды широкая река, за которой далеко - на сколько хватало глаз - тянулись перемежающиеся широкими полянами леса,- леса без конца и края. Такой же безбрежный лес остался и за его спиной... И старый воин обернулся назад, лицом к тумену.

- Воины! Товарищи и братья мои! - зычный и спокойный голос Есутая далеко разнесся в тихом вечернем воздухе,- воины! Уже много дней мы в пути; не пора ли нам остановиться наконец?.. Смотрите - вот Тура; совсем такая же, как Керулен и Онон, на которых жил когда-то наш народ. Вы шли по окрестным лесам - они полны дичью, грибами и ягодами; а в озерах и реках много рыбы. На лесных полянах воздух дрожит от крыльев пчел, собирающих мед с тучных трав и цветов. Это богатая и щедрая земля - она и прокормит нас. Людей же здесь совсем немного - места хватит всем! Останемся здесь; мы станем мирными скотоводами и охотниками, как и наши предки, и не надо будет по зову злых и алчных людей подниматься и идти в поход, чтобы сеять где-то смерть и горе, убивать и быть убитыми. Мы устали от войн и хотим мира! Согласны ли вы со мною, братья мои?..

И воздух дрогнул от многоголосого радостного крика, вырвавшегося из груди тысяч воинов.

- Что же! Я рад, что вы меня поняли. Значит - остановимся здесь! Я предлагаю новый город, который станет столицей нашего царства, заложить здесь, на этом вот холме. И еще - нам нужно выбрать царя, который...

Но тут речь его прервали громкие крики:

- Есутай, Есутай!

- Слава храброму Есутаю, победителю ста народов, нашему отцу!

- Наш царь - это ты, Есутай!..

Старый воин слушал эти слова, и в глазах его стояли слезы. Какое это счастье - быть безраздельно любимым родными людьми!..

- Хорошо! - отозвался он, стараясь унять дрожь в голосе.- Клянусь, что я буду справедливым и добрым царем для вас! И обещаю, что никогда более татарская сабля не покинет ножны,- разве что для защиты от врагов! Мы будем жить в мире и спокойствии...

И опять грянули радостные и приветственные крики; торжествующие, летели они над привольной землей, будя сонное и глухое лесное эхо...

Глава 4. «Ибировь».

Прошло пять лет. На холме, что высится над Турой, вырос новый город, который назвали Чинги - Тура; и еще несколько городов возникли неподалеку. Татары кочевали в окрестностях, не удаляясь дальше двух сотен верст от столицы. Они занимались мирным трудом,- в Чинги-Туре постоянно находилась лишь сотня воинов. Но этого вполне хватало,- до этого времени никто и не думал нападать на татар. Жившие в этих местах вогуличичи и остяки были народом в общем-то мирным,- лишь изредка вспыхивали стычки между родами и никогда - между различными племенами.

Видя силу Есутая, более слабые роды, которые могли опасаться сильнейших соседей, сами просились в его царство, и скоро на полтысячи верст во все стороны от Чинги - Туры простиралось царство Ибировь. А царь был справедливым - ясак с подвластных ему брал небольшой, в голодные годы помогал из казны беднейшим селениям и защищал своих подданных от кого бы то ни было; видя это, люди тянулись к нему - и уже почти весь народ вогуличичей и часть остяков были подданными Есутая.

А после пяти безоблачных лет неожиданно пришла беда.

Живущие далеко на востоке заобские остяки были народом воинственным, и вот однажды их молодой и самонадеянный князь Остец собрал войско и двинулся в пределы Ибири, решив покорить ее всю. Он рассчитывал на легкую победу - татары ведь были народом мирным, и Остец признал миролюбие за слабость.

Узнав, что заобские остяки разоряют вогульские паулы и движутся к Чинги - Туре, Есутай послал к Остецу послов с дарами и предложением дружбы. Но тот принял великодушные опять же за слабость, велел перебить послов, кроме одного, которого отослал обратно к Есутаю с требованием сдаться и признать его, Остеца, повелителем Ибири.

И тогда Есутай понял, что миром дело решить не удастся. Ладно!..

Вогульские старейшины, прибывшие к нему, предложили помощь своих воинов, но царь, подавив легкую насмешку, отклонил это предложение. Ведь народы Ибири еще не знали, каковы мирные теперь татары как воины. А Есутай хорошо знал это! Сказав, что он сам защитит свою страну, он велел старейшинам ждать и не тревожиться. А к себе велел тотчас же позвать сотника - начальника сотни, несшей службу в столице.

Когда тот появился пред Есутаем, то не смог сдержать возгласа изумления: вместо царя, обычно одетого в парчовый, но безо всяких украшений халат, вместо Есутая - царя, всегда тихого голосом и медлительного в жестах, перед ним стоял Есутай - темник: вороненные железные латы, меч на поясе, а в руках - усыпанный алмазами знак воинской власти. Движения Есутая приобрели быструю и четкость, а суженные глаза глядели пристально и холодно.

- Подними себя.- велел он павшему ниц сотнику, а когда тот поднялся - произнес четко:

- Если волк повадился в отару - уговорить его трудно. Куда проще его убить! Остяки хотят крови - и они ее получают. Возьми! - и он что-то протянул сотнику; тот, приняв даваемое, едва заметно вздрогнул от неожиданности. И, не говоря ни слова, стремительно повернулся и вышел.

Остановившись на высоком крыльце, он поднес ко рту указательные пальцы и дважды пронзительно и коротко свистнул.

Через минуту перед крыльцом замерла небольшая шеренга всадников - дежурный десяток; они молча сидели в седлах и глядели на начальника, ожидая приказаний. А сотник протянул руку вперед и вверх, показывая им вещь, которую ему только что передал Есутай, и произнес одно - единственное слово:

- УРАГШ!..

И клич, и приказ. А в руке его трепетал маленький красный платок.

Без слов все десять воинов развернулись и поскакали прямо к городским воротам; выехав из города, каждый из них устремился своей дорогой. Они мчались во всю мочь, пересаживаясь на заводных коней по мере того, как основная лошадь уставала.

Доскакав до яма - постоянного двора и почтовой станции - такой всадник соскакивал с коня и звал начальника яма, а когда тот появлялся, гонец бросал ему коротко:

- Урагш!

Слуга тотчас же выводил двух свежих коней; пока гонец выпивал чашу холодного кумыса, слуга торопливо перевьючивал его снаряжение на приведенных лошадей, и вот гонец снова в седле, быстрее ветра мчаться он по дороге, делая в среднем самое малое двадцать верст в час.

Но вот и цель его пути - городок тысячника; подъехав к его дому, воин осаживает взмыленного коня и свистит. Достает из-за пазухи небольшой красный платок, разворачивает его перед торопливо выходящим на крыльцо тысячником, коротко бросает, - "Урагш!" - и пропадает в облаке пыли, устремляясь в обратный путь. А спустя минуту вновь открываются городские ворота - десяток гонцов спешит в аилы сотников: татары ведь кочуют десятками, и тысячник обязан знать, где находятся сегодня кочевья его сотников, так же как и сотник ведает, в каком именно месте находится каждый его десяток.

Меньше чем через два часа каждый из посланцев тысячника достигает жилища сотника.

- Урагш!..- и от дома сотника столь же скорые гонцы спешат известить десятников. Подскакав к аилу, гонец выхватывает из саадака лук; вверх взмывает голубая сигнальная стрела с приделанной к ней глиняной свистулькой, низкий пронзительный звук летит на версту окрест. Под ноги выскочившим из кибиток людям вонзается легкое бамбуковое копье, на конце которого пламенеет красный флажок...

- Урагш!!!

Прошло чуть больше полусуток с того момента, как Есутай отдал приказ, означающий сбор войска. За это время каждый из более чем десяти тысяч воинов, кочевавших по лесам, рассеянных от Чинги - Туры до двух сотен верст окрест, уже знал о приказе царя. Теперь надо не мешкая собраться и выступить.

Сколько же на это потребуется времени десятку - день или несколько часов?..

Нет. Десять минут.

В каждой кибитке висят две кожаные переметные сумы, набитые снаряжением, водой и припасами - на четыре дня еды всаднику и на три - коню. Каждый воин обязан иметь строго необходимое количество запасных подков, ухналей, наконечников стрел и прочего; не забыты игла с ниткой, кусок вара, запасные новые сапоги и многое другое. Есть два куска чистого белого холста для перевязки ран, ремень - прообраз современного жгута для остановки кровотечения, и ситечко, - частое, выполненное из конского волоса, а между сетками - древесный уголь, завернутый в чистую тряпицу: татары знали, что вбирает в себя уголь не только грязь и муть, но и заразу всякую. И на походе пить воду разрешалось, только предварительно дважды процедив через ситечко. А тот, кто не исполнит это - поистине, горька будет его участь, ибо за проступок - и этот, и любой другой нерадивого ждет наказание. И никогда - даже в дни самого жестокого голода - не возьмет воин ни крошки из сум,- за это он тоже подлежит наказанию. И десятник еженедельно обязан проверять у своих воинов наличие этих запасов,- если чего-то неостанет в сумам или же он обнаружит заплесневелые сухари либо ржавь на наконечнике стрелы - он должен своей властью подвергнуть нерадивого наказанию.

Так много ли нужно времени - заседлать коней, навьючить заводную лошадь?.. "Урагш!" - восклицает десятник, и легким галопом маленький отряд устремляется к жилищу сотника, где и собирается сотня.

Пока не придут остальные десятки, аилы которых находятся дальше других, сотник сам проверяет у воинов их готовность к походу и войне. И если заметит у кого какую-либо

неисправность в снаряжении - наказанию подлежит не только нерадивый воин, но и его десятник. Почему десятник не наказал его сам, а повел в бой?!

А наказание в войске со времен Чингиз-хана только одно: СМЕРТЬ!!.

Все, время сбора вышло. Опоздавших не ждут,- урусы недаром переняли старую монгольскую поговорку, несколько переиначив ее. “Девятеро одного не ждут!” - так гласит закон. И если опоздавший без уважительной причины десяток не догонит сотню на марше - всех его воинов ждет опять же наказание.

Но, хвала Аллаху, опоздавших в сотне нет, хотя время, положенное для сбора, еще не вышло. Значит, нужно торопиться, чтобы, быть может, первыми прибыть к тысячнику - пусть заметит их усердие! Ведь от этого зависит и его жалование, и жалование сотника и всех прочих.

Рядовой воин получал, в зависимости от заслуг, стоимость одной, двух или трех лошадей. Десятник - столько, сколько весь его десяток. Сотник - столько, сколько получают пятеро его худших десятников, тысячник же - жалование пяти худших сотников. Эта система способствовала тому, что начальники стремились заставить своих подчиненных служить как можно лучше, даже самых ленивых,- они были заинтересованы в этом. И это в конечном итоге повышало боеспособность всего войска...

И сотня галопом скачет по дороге - быстрее, быстрее!..

Вогульские старейшины были как громом поражены! Они поняли, почему Есутай отверг их помощь - для сборов своего войска им потребовалась бы неделя, а то и больше. А тут...

Царь объявил о войне под вечер; прошла ночь, день и еще одна ночь - и утром восходящее солнце осветило выстроившиеся у стен города, застывшие в недобром молчании все сто десять сотен тумена. А ведь самые дальние кочевья находились более чем в двух сотнях верст от столицы!..

Есутай выехал из ворот; мельком оглядев тумен, воздел вверх меч, крутнул его над головой,- из строя вырвались тысячники, подскакали к нему. Ниц никто не падал,- некогда, война!

Меньше двух минут ушло у Есутая на то, чтобы объявить цель похода и задачу каждому. Метнувшись к своим отрядам, тысячники вызвали сотников, столь же кратко объяснили им, что нужно делать. Те довели это до десятников, а десятники - до простых воинов. Прошло не больше десяти минут, а уже каждый воин знал о цели похода и задачу своего десятка, сотни и тысячи. Все - пора!

- Ур- ра-агш! - прокричал Есутай, воздев меч к небу, - и тысячи клинков холодно и жадно сверкнули в лучах утреннего солнца, а тысячи глоток ответили на это приветствие - приказ протяжным криком, повторив то же слово.

Бросив меч в ножны, царь поскакал по тракту на восток; пропустив его, тумен, сохраняя все то же злое безмолвие, устремился следом. Вторая тысяча безо всякой команды вырвалась вперед и пропала вдали,- без разведки, пусть враг и далеко, татары никогда не ходили. Еще несколько минут - и на дороге пусто, лишь клубится, оседая, мелкая пыль...

Точно мираж испарилось, исчезло из глаз войско.

Глава 5. “Урок - и милость”.

Старого Гултука хорошо знали в Чинги – Туре - и особенно дети. Этот страшный на вид, седой старик, приезжая к царю, непременно заезжал на базар и ставил там наполненную сотами корзину - татарские, остяцкие и вогульские ребятишки могли брать лакомство бесплатно, а стоящий в стороне старый воин глядел на их счастливые улыбки - и улыбался сам, тихой и грустной улыбкой. Аллах дал ему восемь дочерей и лишь напоследок подарил сына, но в пятилетнем возрасте мальчика загрыз в лесу злобный медведь - шатун. И теперь, не имея сына, его запоздалая любовь выливалась на чужих мальчишек, - дети ведь все одинаковы...

Но теперь у Гултука - совсем иные думы; сурово нахмурены брови, а пристальный взгляд устремлен вперед. Теперь, после пяти лет мирной жизни, он вновь стал тем, кем был - начальником второй тысячи тумена. Теперь - война, и он - воин!

Вторая тысяча на походе всегда идет впереди, в дозоре; сотни растянулись вправо и влево, образуя как бы невод, своими крыльями вытянутый навстречу предполагаемому противнику. Кроме того, каждая сотня выслала вперед по десятку, и десятки эти, - словно растопыренные пальцы, задача которых - первыми нащупать врага, а если его немного - напасть, уничтожить или хотя бы связать его боем до подхода своей сотни и всей тысячи.

Ага!.. Трое всадников торопливым галопом приближаются к нему, а на седле заводной лошади лежит связанный человек. Молодцы - взяли языка, послуха!

Сотник кратко докладывает: передовой десяток заметил троих всадников, двоих убили, третьего взяли арканом. Он - в сознании.

Через минуту в руках сотника дымящаяся головня, и ее конец плотно прикипает к босой пятке остяка. Тот забился, закричал, - он будет, будет говорить все, о чем спросят!

Войско Остеца насчитывает около шести тысяч человек, из которых уртов - чуть более тысячи, прочие же - простые охотники, ставшие по приказу своего князя воинами. Сейчас все войско находится на привале на поляне, в пяти верстах отсюда.

Хорошо! Велев доставить полоняника к царю, Гултук отдает приказ всем сотням собираться. Прекращая разведку, тумен превращается в передовой отряд, задача которого - обойти противника, чтобы с началом битвы нанести ему удар с тыла или с фланга. Это - личное решение тысячника, он делает это без приказа. Но ведь любой начальник, пусть и выполнивший приказ, но не проявивший при этом инициативы, мог подвергнуться наказанию! Начальник обязан тоже думать и не ждать, пока прикажут свыше.

... А на обширной лесной поляне, одним краем выходящей к Туре, сидели у своих котлов остяки. И вдруг испуганный крик поднял всех на ноги!

Откуда сумел взять царь Ибири за столь короткое время столько воинов, каким колдовством доставить их сюда, за сотни верст от своей столицы? Уж не наваждение ли это?!

А тумен, рысью выходящий на поляну, с ходу разворачивался в боевой порядок. Отделилась в сторону третья тысяча, это - резерв темника. Она рванется в бой тогда, когда в каком-то месте наметится успех - чтобы своими свежими силами этот успех развить. А если татарам придется отступать, она вступит в сражение, чтобы задержать противника, дать основным силам отойти и сомкнуть разрозненные, изломанные битвою ряды и атаковать вновь. Тактика, проверенная десятками лет и сотнями побед!..

Остяки, повинувшись команде князя, хватали оружие, торопливо строясь в ряды. На мгновение оба войска замерли...

Но сверкнул меч Есутая - и с пронзительным воем, брызжа густым дождем стрел, стремительно покатила на врага первая волна атакующих. Тут даже привычные к битвам урты дрогнули - но поздно, свирепый враг уже рядом! Доскакав почти до самых первых рядов, стреляющие из луков делятся на два потока, как бы обтекая вражеский строй и давая дорогу второй волне, оцетинившейся тяжелыми копьями. Следом уже размахивает саблями и третья волна, а с тыла набросилась тысяча Гултука...

Даже тяжелую рыцарскую конницу тевтонов и руссов, которая считалась несокрушимой, опрокидывал удар татарских воинов. А уж этих...

Через полчаса все было кончено; выскочивший на холм Есутай остановил коня и, вытирая клинок о лошадиную гриву и тяжело дыша, оглядел поле.

Около двух сотен убитых и раненых татар лежало среди более чем трех тысяч трупов остяков, примерно тысяча их - и сам Остец тоже - попала в плен. Оставшиеся в живых бросились в реку; Есутай поглядел им вслед, - и во взгляде его презрение победителя мешалось с жалостью. Их не преследовали, по ним не стреляли даже - зачем? Река широка и быстра, а

остяки не успели сбросить тяжелых кожаных панцирей - рубах и сапог. Река сделает за татар их работу! А те немногие, кому повезет и кто сумеет добраться до своих кочевий,- пусть они поведают соплеменникам, каково воевать с Ибирью!..

- Здесь передохнем до завтрашнего утра,- вызвав к себе тысячников, объявил темник.- Ты, Темир,- он обернулся к невысокому скуластому найону,- выставишь из своей тысячи дозоры. Воинам же объявите, что по возвращении из похода я велю выдать каждому стоимость одной лошади. Не забуду и тех, кто пал в этой битве... А пока станем станом здесь же, вон с того края поляны, где нет трупов. Воинам объявить сегодня пир - они это заслужили. И еще: пусть построят из жердей ограду для пленных; Ахмед! Караул к ним поставишь из своей тысячи - полусотни для этого хватит. Все!

Утром царь проснулся свежим и отдохнувшим; вчерашняя победа очень радовала его, он еще раз убедился, что в случае опасности Ибирь не останется беззащитной. Правда, жаль - по-человечески жаль - погибших воинов. Да и остяков тоже... Но те виноваты сами! К тому же - пусть тот, кто не умеет воевать, не берется за меч...

Кликнув сотника - старшего по охране - он велел ему построить тумен.

Спустя малое время царь вышел из шатра, свистом подозвал коня и, оттолкнув плечом воина, который хотел придержать ему стремя, легко, будто юноша, вскочил в седло.

Он, который семь лет назад говорил Мамаю, что устал,- он чувствовал сейчас себя помолодевшим на десятки лет. Оказывается, и воевать, и убивать тоже бывает приятно,- когда знаешь, что ты - защитник своей земли! Он с наслаждением втянул в грудь теплый, напоенный ароматом хвои и душистых луговых трав и прозрачный, точно ключевая вода, утренний воздух... Да, есть в жизни минуты, ради которых стоит пожить на свете!

- Воины Ибири! - начал он.- Вы еще раз доказали вчера, что вы - истинные потомки воителей непобедимого Чингиз-Хана. Мы бились не для того, чтобы причинить кому-то зло,- нет, мы отводили беду от нашей земли. Остяки знают теперь, что ждет того, кто попробует воевать с нами!

- Но дело наше еще не завершено. Через несколько лет среди остяков могут найтись те, кто не внемлет урокам прошлого. И для того, чтобы этого не случилось, мы должны еще раз показать остякам всю мощь нашего несокрушимого войска. И потому тумен сегодня же пойдет дальше на восток, в земли остяков. Подобно вихрю, пронесетесь вы по их кочевьям, приводя их к покорности нам! Пусть и у детей их детей мысль о войне с Ибирью вызывает только одно - ужас!..

Громкие, одобрительные и воинственные клики на мгновение покрыли голос царя,- но кричали не все, в основном - только молодые воины. А пожилые нахмурились. Ведь Есутай обещал им, что они будут мирным народом... Так неужто их царь превращается в Мамаю, в охотника за чужим добром?..

Повелитель поднял руку - и голоса воинов смолкли.

- Но я,- продолжил Есутай,- помню, что обещал я вам, говоря, что мы больше никогда не будем захватчиками. И я сдержу свое слово! Знайте же, что не с обнаженным мечом мы идем туда; если не встретим сопротивления - под страхом смерти запрещаю чинить обиду кому бы то ни было. Разрешаю убивать лишь тех, кто будет нападать на нас первым. И помните: кто обидит старика, ребенка или женщину - будет наказан! Я запрещаю отнимать, под страхом наказания, у остяков их оленей, забирать всю еду - позволяю брать лишь на прокорм себе и коню. И, конечно, не брать рабов - мы ведь живем без них...

Даже среди скованных железной дисциплиной татарских воинов поднялся глухой ропот,- как? Не грабить, не трогать женщин, не брать пленянных - да зачем же тогда вообще идти туда?!

Привстав на стременах и всем телом подавшись вперед, тяжелым и пристальным взглядом обвел царь тумен - и ропот мгновенно стих, а старые воины в робости даже опустили головы. Еще бы!..

Они-то хорошо знали: мягкий и добрый царь Есутай превращался в жестокого военачальника, если речь заходила о порядке и дисциплине, не говоря уже об открытом неповиновении. И ни на миг не задумается он казнить десять, сто, двести воинов - для наведения порядка!

Несколько секунд над поляной стояла гробовая тишина,- казалось, даже вороны прекратили свой гвалт.

А Есутай, внутренне довольный (крепко сидит в его воинах дисциплина, отсутствие которой делает войско подобным буйной и трусливой толпе!), как ни в чем не бывало продолжил свою речь, которую подготовил еще вечером. Он предвидел, что воины будут недовольны, и приберег приятное для них напоследок.

- Но ваша храбрость не должна остаться без награды! Я говорю сейчас не о той, которую я выдам каждому по возвращении из похода. В стойбищах остяков много песцовых и собольих шкурок, драгоценного рыбьего зуба и золотого песку. Так пусть все это станет сладкой добычей татарских удалцов! Урагш!..

- Ур-рагш!.. - подхватили клич повеселевшие воины.

- Повелитель,- негромко напомнил Есутаю один из мурз,- а как быть с пленными? - кивнул он на наспех сделанный из жердей загон, в котором тесной толпой сидели и стояли понурые остяки.- Может быть - оставить здесь одну сотню, и... А через час эта сотня нагонит войско.

- Ты почти прав, Ахмед,- кивнул Есутай и возвысил голос, обращаясь уже ко всему тумену,- с пленными повелеваю оставить одну сотню. Пусть она гонит их в Чинги-Туру! Вы все знаете, что я хотел строить дорогу от столицы на восток, и для этой цели думал собрать каждого десятого вогулича и каждого десятого татарского воина. Но вогуличам куда полезнее добывать для Ибири ясак, татарским же витязям после победы не вредно отдохнуть в своей кибитке, лежа на мягких шкурах и попивая кумыс... Остяки оказались плохими воинами, принесли Ибири ущерб - так вот пусть они и строят эту дорогу! А теперь - в путь! Урагш!!

... Через три недели тумен возвращался в столицу. Есутай вел свое войско настолько, насколько темник мог позволить воинам отдохнуть на походе: только сотня шла в дозоре, а сами воины могли разговаривать и негромко петь песни. Конечно, речь о том, чтобы снять шлем или переместиться куда-то со своего места в строю, идти не могла,- нельзя никогда позволять воинам такие вольности! Но и этого было достаточно.

Воины были очень довольны,- всего за весь поход они потеряли только сто восемьдесят человек. А переметные сумы у каждого набиты до отказа,- что-что, а уж грабить татары умели! Все это они за хорошие деньги продадут иноземным купцам в столице. Хороший, хороший поход!

Купцы, кстати, тоже будут довольны,- воины привезут много товаров, и закупочные цены на них упадут; в своей земле торговцы будут иметь неплохой барыш!

Довольны и заобские остяки... Правда, много их мужчин полегло в битве - но ведь не татары ее затеяли! А татары оказались незлопамятными и великодушными,- никого из мирных жителей не тронули они! И хотя их цепкие руки выгребли всю моржовую кость, все шкуры соболей и песцов, но они оставили оленей и вяленую рыбу: остякам не грозит голодная смерть зимой! А кроме того - татарский царь пообещал не обращать пленных в рабство,- он отпустит их в начале зимы!

Надо ли говорить, как были благодарны Есутаю собравшиеся на совет остяцкие старейшины! Их решение было единодушным: просить доброго и могучего царя принять заобских остяков под свою добрую и сильную руку! Они согласны платить ему ясак, а он будет защищать их...

Но больше всех был доволен Есутай. Победа досталась ему очень легко, а его царство приобрело новых данников,- да и не в ясаке, который теперь будут платить заобские остяки, главное! Люди, подданные,- вот главное богатство царства! А их теперь в Ибири стало больше.

Когда войско подойдет к столице, он задаст тумену трехдневный пир. Подгулявшие татары будут продавать купцам добычу, а те послушают их пьяную похвальбу, и, глядишь, разнесут по окрестным землям славу о непобедимом войске Ибири. Дешевая же цена, которую они предложат воинам, привлечет на следующий год в Чинги- Туру еще больше купцов! И это тоже хорошо.

Улыбается в усы и старый Гултук; к груди тысячника прижимается маленький остяцкий мальчик. Он год назад остался без матери, а теперь и вовсе осиротел,- отец его был убит в битве с татарами. Гултук привезет его домой и воспитает как сына...

Так правил Есутай, первый царь Ибири.

Глава 5. “Двое беглецов”.

Произнеся эту фразу, Мамет-Кул на минуту задумался, глядя в пол.

А Богдан был весь внимание; от природы любознательный и любивший историю, внимал он каждому слову принца. Седой профессор в Вильне как-то говорил студентам, что у диких народов нет истории, а есть одни войны. А оказывается, у каждого народа, имеющего Родину, есть и своя история...

- А что же было потом, о великий принц?..

- Потом?.. А потом шли годы; менялись правители. А с ними менялась и Ибирь.

После Есутая правил его сын, Тайбуга. С его правлением и начался упадок страны... Тайбуга был лишен мудрости своего отца; кроме того, сам Есутай рос в бедности, понимал нужды простых людей и умел с ними ладить. Дети же его ни в чем не нуждались, росли в неге и изобилии. Воевать же им было не с кем, и они предпочитали охоту и пиры воинской науке, войском и не интересуясь, и военная мощь Ибири пришла в упадок. Однако царевичи познали другое - из книг и рассказов купцов знали они об ослепительной роскоши восточных царей, и сами хотели жить так: содержали большие свиты, огромные гаремы, строили богатые дворцы... Для всего этого нужны были деньги, много денег - и подати были увеличены.

В ответ на это остяки, вогуличи и башкиры стали роптать, и для подавления мятежей необходимо было еще большее войско, чем раньше; соответственно, подати были вновь увеличены.

И Тайбуга, и его наследник Мар охотнее проводили время в увеселениях, нежели за решением государственных дел. И потому дела эти они возложили на множество визирей, которые заботились не столько о благосостоянии народа и государства, сколько тщились набить свои сундуки богатством - и от их казнокрадства и лихоимства страдал опять же простой народ, и прежде всего остяки и вогуличи. Мятежи и бунты стали обычным явлением так же, как и жестокое их подавление.

Чтобы привести эти народы к покорности, их стали насильно обращать в ислам, который учит повиновению царской власти. Это еще больше озлобило остяков и прочих,- пропасть между ними и правителями все ширилась и ширилась. А в итоге - государство медленно, но верно слабело...

И нужно ли удивляться, что во времена Мара по Ибири был нанесен первый серьезный удар... С юга, из кайсацкой степи, в страну пришел Ибак - один из потомков Тамерлана, победенный в борьбе за престол своими родственниками и изгнанный прочь. Пришел с войском, с тем отрядом, которым ранее командовал в Самаркандском войске. И в битве разбил наголову Мара; сам царь и его сын, Абалак, были убиты. Ибак вошел в Чинги - Туру и объявил себя царем.... Верные же Мару люди сумели спасти от Ибака самого младшего из его сыновей -

Махмета. Он был тайно увезен в один из городов на Тагиле, где и вырос. А когда возмужал, поднял восстание против Ибака: набрал войско из татар и остяков, разбил узурпатора и, полонив его, тотчас же казнил.

Махмет выбрал для своего восстания удачное время: как раз по Ибири прокатился со своим войском князь Курбский; он победил Ибака и заставил признать Ибирь данником Руси-татарское войско к моменту восстания было ослаблено войной и сражениями.

Махмет царствовал долго - полвека, а перед смертью передал престол своему сыну, Едигеру. Едигер был моим отцом...

Он не был похож на своих предков. Это был довольно прозорливый и деятельный правитель. Он заключил союз с правителем Кайсацкой Степи Хак-Назаром и Казанью, искал дружбы и с Русью, исправно платя ей небольшую дань; набеги на Русь прекратились. Теперь его окружали лишь союзники; почти два десятка лет потратил он на укрепление границ и положения Ибири, но желаемого достиг: стране не угрожал никто. Теперь можно было заняться и делами внутренними. И тут вновь, совершенно неожиданно, на Ибирь обрушилась новая беда...

Сын Ибака, Кучум, неожиданно вторгся в царство. Он вырос у ногайцев; много скитался по свету и наконец, заключив союз с ногайскими беками и Хак-Назаром (который когда-то клялся в дружбе моему отцу), собрал войско и пошел отвоевывать себе престол.

Что было делать Едигеру? Враг был у ворот - посылать за помощью на Русь или в Казань было поздно, и мой отец двинул свое небольшое войско навстречу врагу. Обе рати встретились на Вагае, и в жестокой битве войско Ибири было разбито, а Едигер и его брат Бекбулат попали в плен. Вступив в Чинги - Туру, Кучум первым делом обезглавил моего отца и Бекбулата, а семьи их заточил в тюрьму. И объявил себя правителем Ибири.

От семьи царя уцелело лишь трое, - я и моя сестра Сузге; нас спрятал в своем доме тысячник Бегулий, тогда еще сотник. Еще спаслась Шарафат, третья жена отца. Тогда говорили, что она бежала с купеческим караваном в Бухару. Прочие же родственники Едигера мало-помалу угасли в сыром темном зиндане...

Когда я вырос, то стал воином, и через три года был уже сотником, а еще через пять - и тысячником; все считали меня сыном Бегулия. Тут меня впервые заметил Кучум, начал расспрашивать, кто мои родители... И я не скрыл от него правды! Я помню тот пристальный, до костей пронизывающий взгляд Кучума, остановившийся на моем лице...

А потом он разрешил мне удалиться, не добавив больше ни слова. Мне думалось, что уже этим же вечером я окажусь в зиндане или на плахе, - но нет, Кучум этого не сделал. Почему?.. Не знаю.

А еще через год была война с казаками; войско Ибири было рассеяно, враги уже подходили к Искеру - а Кучум перенес столицу туда, - когда моя тысяча разбила один за другим три отряда из засады. Тогда казахи повернули назад, в свои степи. За эту победу Кучум торжественно объявил меня "принцем крови" и сделал темником.

Еще год я жил безмятежно... Но потом произошло два события, круто изменившие мою жизнь...

От тайного гонца из Бухары получил я письмо... Оказалось, что у меня есть брат, - добравшаяся до Бухары Шарафат родила сына, которого назвала Сейтеком. Этот Сейтек говорил, что нам обоим пора отомстить за смерть отца и свергнуть Кучума; он писал далее, что сейчас собирает, с помощью Бухарского Эмира, войско и скоро двинется на Ибирь. Мне же он советовал ослаблять войско, сея среди воинов недовольство и подбирать надежных людей, дабы поднять мятеж внутри страны, когда он, Сейтек, будет с войском у границ страны..

Прочтя все это, я надолго задумался. Да, Кучум - убийца моих родных и близких, узурпатор, захвативший трон. Но... Но разве об Ибири радуется Сейтек? Или о мести за отца? Да ему просто надо прогнать Кучума, чтобы занять его место на троне. Да и - каким царем будет Сейтек для страны, - он, выросший на чужбине? Если говорить о пользе для страны - то Кучум,

вероятно, лучше! И не к лицу мне, принцу царской крови, становиться подлым заговорщиком!..

Вот почему, прочтя это послание, я велел гонцу ехать назад и передать, что ответ я пришло позже.

А Кучум поначалу с жаром взялся за государственные дела: наводил порядок в войске, уменьшил ясак с подданных, строил дороги, мосты и крепости...

Но со временем ему это надоело, и он постепенно передал государственные дела в руки визирей, а сам стал все больше времени проводить в пирах, охотах и гаремных утехах. Правда, порою он, точно очнувшись, устраивал смотры войску, ездил осматривать строящиеся крепости - но порывы эти были мимолетны, и он вновь возвращался к удовольствиям. Он, Кучум, по-своему любит Ибирь,- но он слишком мягок и легковверен, чересчур доверяет визирям, и к тому же излишне беспечен и думает, что все устроится само собою. Но он ошибается - подати растут, из-за казнокрадства военачальников войско озлоблено, воины служат кое-как и вымещают свою злобу на жителях страны; обветшалые стены крепостей и мосты разваливаются. В упадке и торговля,- слишком высоки пошлины, да и разбойников расплодилось от такой жизни немало.

Визирь же поссорили Кучума с русским послом и подговорили убить его,- зачем, шептали они, такому сильному и славному царству, как Ибирь, платить кому-то дань? И вот - посол убит, союза больше нет, и почти ежегодно восточные пределы этой страны разоряются татарскими и вогульскими отрядами; с казаками рассорились много раньше. Теперь Ибирь - в кольце врагов!

Ну, а второй же перевернувший мою судьбу случай - тоже печален... Сузге выросла в доме Бегулия и расцвела подобно розе в саду Пророка,- да ты и сам это знаешь! И вот, когда ей минуло семнадцать, она призналась мне, что любит сына Бегулия - Темира. Несмотря на свое имя - а "Темир" значит - "Железный",- он был очень веселый и жизнерадостный юноша, сочинитель стихов и песен. Он служил сотником в моем отряде, и я знал, что он еще и хороший воин; Бегулий же в то время служил далеко на западе, у Каменного Пояса.

Мог ли я что-либо возразить против этого брака?.. Не думая долго, я сразу же дал на него свое полное согласие. Но судьба распорядилась по-иному...

Злые языки - а сделали это мои враги - принялись неустанно нашептывать Кучуму о дивной красоте Сузге; однажды, проезжая мимо моего дома, царь услышал голос поющей в саду Сузге, и, вызвав меня через несколько дней после этого, царь объявил мне о своем намерении взять мою сестру в жены.

Я возразил,- через месяц ведь назначена ее свадьба с Темиром; слова эти я произнес как можно более твердо. Кучум, не ответив и только нахмурившись, жестом велел мне удалиться. А на следующий день Темиру было приказано немедленно, завтра же, выехать далеко на запад, в отряд своего отца. Я же со своим туменом должен был выступить на восточную границу царства.

В тот вечер мы собрались в моем доме втроем - я, Темир и Сузге. Сестра не плакала, не причитала - она сказала твердо, что скорее утопится в Иртыше, чем станет женой старого хана, убийцы ее отца. Я знал характер сестры - и понял, что так и будет.

Тогда-то и решили мы бежать,- в Бухару, к Сейтеку. Договорились, что я и Сузге уйдем первыми, а Темир поедет, как ему и было велено, к отцу,- проститься с ним и объяснить, в чем дело. В тот же вечер я с сестрой и десятком преданных слуг тайно покинули Искер.

Чтобы сбить со следа погоню, я взял направление не на юг, по караванным путям, а на юго - запад. Но позавчера мурза Баркан с сотней своих воинов и проводниками - ногайцами нагнали нас на рассвете. Покорившись судьбе, я приказал сестре с одним из слуг скакать дальше, а сам остался задержать погоню. Схватка была короткой - моих людей перебили, а меня и этого воина, моего слугу и толмача, взяли в плен. Отправив погоню за Сузге, Баркан объявил мне

волю Кучума,- он сказал, что Темир сидит в зиндане; когда в Искер доставят меня и Сузге, его казнят, его место займу я и буду находиться там до тех пор, пока Сузге не согласится стать женой Кучума и царицей Ибири...

Сегодня, когда Сузге вошла в шатер, я поведал ей об этом; подумав несколько секунд, она сказала, что для спасения брата и возлюбленного она готова пожертвовать не только жизнью, но и самым дорогим для нее сокровищем - свободой.

Она станет женою Кучума! Что ж, судьба всеильна, и дело смертных - ей покоряться...

- А что же потом будет с тобой, о светлый царевич, и с Темиром? - спросил Богдан, когда Мамет-Кул закончил свою печальную повесть.

- Ничего; мы останемся теми же, кем и были до этого. А Сузге станет женою Кучума...

- Этого не случится! - вдруг воскликнул Богдан горячо,- не случится! Тебя ведь охраняют только два воина. И ночью, когда все уснут...

- Поздно, - грустно и холодно покачал головою царевич; и без толмача понял он, что хочет предложить ему Богдан.- Слишком поздно!.. Сегодня утром я дал мурзе слово, что не буду пытаться бежать. А слово мое может нарушить лишь моя смерть...

Глава 6. “Прощание”.

По знаку царевича толмач и двое проводников - ногайцев отъехали вперед, и они остались втроем - Богдан, Мамет-Кул и его сестра.

Позади них, в последних отблесках умирающего дня, негромко шумел татарский лагерь: изредка ржали стреноженные кони, негромко переговаривались собирающиеся у костров люди, а откуда-то из-за шатров доносились звуки песни, протяжной и печальной, как само расставание...

Богдан поднял глаза на стоящих перед ним царевича и его сестру. Отдавая последний прощальный привет, низко поклонился казак своему спасителю. Но Мамет-Кул внезапно шагнул вперед, властным жестом коснулся плеча запорожца, а когда тот поднял голову,-порывисто его обнял. Вот это - поистине царская награда: царевич прощался с ним, как с равным!

Объятие его было коротким и сильным - объятие мужчины, объятие воина. Потом, разжав руки, царевич кивнул и отошел в сторону, отвернувшись к стану. Он давал Богдану возможность проститься с сестрой...

Взоры их встретились; они не произнесли ни слова, да так и стояли, глядя друг на друга.

Девушка думала о том, что впервые видит она человека другого мира, жителя закатных стран. И он мало походил на большинство ранее видимых ею людей...

Чем-то напоминал ей казак Темира, который сейчас томится в темнице и которого она спасет, выйдя замуж за немилого ей человека. Этот юноша также молод, как и Темир, и так же красив,- своей, своеобразной красотой. И как и Темир, он умелый воин. Но Темир ведь давно любит ее, любит, - потому он и был так нежен и ласков с ней. А этот, Богдан,- впервые увидев ее, отнесся к ней, как брат к сестре, окружил ее заботой и вниманием, защищал ее и готов был отдать за нее жизнь. Поступки его похожи на дела Рустама и Менджуна. Быть может, потому ее и влечет к нему - словно невидимая мягкая рука толкает ее в спину. Что это с нею?.. Она и сама не знала.

А Богдан, - Богдан думал о словах отца, который говорил, что в каждой женщине сидит дьявол. Может, и так оно, но Сузге, - казак мог поклясться в этом, - воплощение чего-то неземного, светлого, даже ангельского; нет! не может быть в ней ничего дурного, только прекрасное. Да, прекрасна она, точно нимфа из преданий древней Эллады.

Даже не понял казак, чем полонила его эта девушка! Зато понял, хорошо понял другое: этих прелестных глаз, этой гордо вскинутой головы, дивных этих волос не забыть ему никогда!..

- Сузге... - одними губами прошептал он - как заклинание.

- Богдан... - точно звякнули серебряные колокольчики, наполняя воздух малиновым своим звоном, - Богдан!..

И вдруг легко и стремительно, точно порхнув, шагнула вперед девушка; порывисто схватив руку казака, на кисти которой отчетливо проступал отпечаток ее зубов, прильнула к этой кисти своей прохладной бархатистой щекой.

Неведомая сила горячей волною обдала казака с головы до ног, заставила оцепенеть. А голова его, помимо воли, вдруг склонилась - и запылавшие внезапным обжигающим огнем губы утонули, как и прошлой ночью, в мягких черных волосах девушки. Богдан и сам не ведал, что такое с ним происходит...

Сколько времени продолжалось это дивное блаженство, этот упоительный полет,- мгновение, два?- нет, целую вечность! И вдруг Сузге отступила назад, отвернулась, скрывая нахлынувшее смущение...

Очнувшись, запорожец глубоко вздохнул. Тряхнул головою, пытаюсь рассеять тот сладкий туман, в который мгновенно погрузилось все его существо. Явь ли это - или сон, дивный и волшебный?..

Сузге с братом неторопливо шли назад, к своему шатру. Снова вздохнув, Богдан взобрался в седло; он уже собрался ударить каблуками в конские бока - но что-то заставило его оглянуться...

Царевич шел к стану - но шел один. Сузге же неподвижно стояла, глядя во след Богдану, и губы ее - или это только показалось?- что-то шептали...

ЧАСТЬ 5. “ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА.”

Глава 1. “Костер на берегу”.

- Все, дальше нам ехать не надо, - переговорив по-татарски с проводниками, произнес толмач. Натянув поводья, он обернулся к Богдану.

- Вон звезда – видишь, - концом камчи указал татарин на висевшую над горизонтом маленькую яркую звездочку, - на нее и держи, не сворачивай. Через три часа к Итилю, к Волге вашей выдешь. А там утром дашь рыбакам две медных монеты - они больше просить станут, а ты не давай, двух как раз хватит,- деловито поучал Богдана толмач, - и они тебя на тот берег свезут. Дальше дорогу сам сведаешь.

- А скажи, - к разбойникам, к Ермаку не попаду я?.. - осторожно спросил Богдан.

- Не-а, - зевнул татарин, - не бойсь! Наши его людей нынче днем видали вон там, - кивнул он на юго-запад, левее направления, по которому следовало двигаться казаку. - Ты не бойся, его ты стороною минуешь, но для того в сторону не склоняйся, прямо на звезду иди. У реки жди; а как рассветет и рыбаков ты увидишь - не медли, сразу кричи им. На тот берег выдешь - а там, сказывают, разбойников уже нет. Помни, - иди прямо, влево не ходи! А теперь все - прощай! Нам ворочаться надобно.

- погоди! - запорожец достал из жупана заранее припасенные три серебряных монеты (ни одной нитки не пропало из вещей его!) и протянул толмачу.

- Вот, возьми, - тебе и им,- кивнул он на проводников.

Получив деньги, ногайцы попробовали их на язык, удовлетворенно зацокали языками, - якши, якши!

- Катта рахмат! - оба слегка поклонились, благодаря, а один, скаля в улыбке желтые зубы, достал что-то из сумы, протянул казаку:

- Тибе... баран, кушат! - запинаясь, с трудом проговорил он по-русски.

Это был добрый кус вареной баранины, сваренной с душистыми степными травами; поклонившись, казак принял подарок - пригодится!

Как все-таки странно устроена жизнь: еще сегодня утром эти люди были непримиримыми врагами, а вечером расстанутся, как добрые знакомые...

Прежде чем уехать, каждый из проводников, по очереди приблизившись к казаку, концом камчи коснулся его стремени. Что это означало, Богдан не знал, но понял, что так, наверно, степняки желают ему счастливого пути. Он обернулся, помахал им рукою, они ответили тем же. И растворились во тьме, а через минуту затих и стук их копыт. Богдан остался один в пустой ночной степи.

Глубоко, полной грудью вдохнул он прохладный пахучий воздух, с облегчением выдохнул, - вот, слава Богу, из еще одной беды он выпутался! Да, прав все же был батько: трудное дело поручил он сыну! Скинув шапку, молодой казак трижды истово перекрестился. Слава Тебе, Господи!

Но теперь, кажется, все: стрельцов на этой стороне нет, ногайцев он не боялся - поможет перстень, дар царевича, - да и до места, до ермаковской ватаги вроде бы уже и вовсе близко!

И он тронул было с места в галоп, но почти сразу же вдруг осадил коня: вспомнился ногаец, разбившийся вместе с лошадей, нога которой попала в сурчиную нору. А теперь ведь ночь, темно... Не хватало еще, от стольких бед и напастей спасшись, вот так глупо погибнуть!

Нет уж, он не станет торопиться, так вернее! И дальше пустил он коня спокойной рысью: на таком ходу если и свалишься - ушибешься только, и все. Казак ехал - и заставлял себя думать о том, что вот скоро домой, на Сечь, ему вертаться; и хоть путь этот он уже раз проделал и не встретил на нем - до этих мест - никаких трудностей и опасностей, нужно все же быть настороже.

Но мысли его помимо воли возвращались к оставшейся там, в степи, Сузге...

А спустя два часа после того, как расстался он с проводниками, казак вдруг заметил, что Барвинок нюхает воздух, раздувая ноздри. А еще через малое время казак и сам уловил появившуюся в воздухе влажную свежесть, - впереди должна была быть большая вода.

И точно, через пару сотен шагов казак натянул поводья: впереди бесшумно несла свои воды могучая река. Добрался!

Сняв шапку, перекрестился Богдан. Так значит, влево ходить нельзя, ибо там Ермак?.. Добро же!

Он заставил коня войти в воду; ночная река пугала Барвинка, и он сделал это неохотно. Но опасения его были напрасны: казак вовсе не собирался плыть, - просто, на всякий случай, решил он оборвать свой след. И, едва въехав в реку, направился вдоль берега влево. Пройдя так шагов пятьсот, выбрался на берег и, подумав, поскакал по ровному и гладкому прибрежному песку.

Через час путь ему преградил высокий, вдававшийся в реку мыс. Казак повернул было, норовя объехать его со стороны степи, но тут заметил слабый отсвет огня. Костер горит на мысу!

А если так, то нужно глянуть, кто там. Может, рыбаки, а может - и те, кого ищет он... Посмотрим!

Въехал на мыс; впереди - заросшая кустарником низинка, где и разложен костер. Сидящие вокруг него люди не поднялись, даже голов не повернули на донесшийся из тьмы стук копыт.

И ясно почему - вон куст зашевелился, - видно, караульщик там! И если он не подал тревоги, значит, все ладно и опасности никакой нет.

Сделав вид, что дозорного он не заметил, казак подъехал к костру.

- Здравствуйте вам, люди добрые! - приветливо поздоровался, окидывая незнакомцев взглядом. - Хлеб да соль!

Пятеро сидят чуть в стороне от кострища; двое совсем молодых, как и сам Богдан, двое чуть постарше. Пятый же, высокий и жилистый мужик, до глаз заросший черною бороდიцей,

с серебряной серьгой в ухе - как видно, старшой. И сидят все они, окружив медный котел, - вечерять, верно, собираются.

А вот кто такие они - не поймешь: одеты как простые мужики, и оружия никакого не видно, лишь сабля лежит неподалеку от старшого... Ну да ладно, разузнаем за беседой, кто они.

- Едим, да свой! - отозвался на приветствие запорожца тот, которого посчитал Богдан за старшого. И добавил:

- Садись с нами, прохожий человек, ушицы нышей отведай!

Он потеснился, давая казаку место; кто-то протянул казаку деревянную, заеденную ложку и кусок черствого, ржаного хлеба.

Только сейчас почувствовал Богдан, что порядком проголодался; скинув шапку и перекрестившись, принялся за еду.

Уха была вкусна, навариста, - ложки споро ныряли в котел, и скоро тускло блеснуло металлом выщербленное дно.

- Ну вот, поели, - старшой вытер ладонью свою густую, с проседью бороду, спрятал за голенище ложку, сыто рыгнул и продолжил:

- Теперя и потолковать можно... Сказывай же, гостюшко нежданный - незванный, кто ты таков, откуль да куды по степи ночью блукаешь?..

Богдан, пока ели, успел хорошо обдумать предстоящий разговор и ответил без задержки:

- Ночью? А днем ехать - мне голова на плечах не тяжела покуда! Днем ногайцы по степи рыщут.

- Ногайцы-то? И много ты их видел?

- Пятерых.

- Это, верно, те, что нынче утром... - вступил в разговор молодой мужик, сидевший рядом с Богданом, - они... - но старшой прищипнул на него, и тот враз замолчал, точно поперхнувшись словом. А чернобородый молвил медленно:

- Да, есть тут такая напасть... Ванька вон верно сказал: и мы видали их нынче поутру. Потому и ходить тут в одиночку не след, - разве что за сильною нуждою. Вот и у тебя, поди, тож нужда великая, коли один едешь, да еще ночью?..

- Нужды-то особой и нет, - пожал плечами казак, - но ехать-то все равно надо!

- Надо, сокол, надо, - легко согласился мужик, - а зачем, куда надо-то?

- Дружка своего ищущу я, - пояснил Богдан, - ехали мы вчера вместе по степи, а тут - ногайцы, как из-под земли. Уходили мы от них и друг дружку потеряли...

- А ты как думал? - кивнул мужик, - в степи, брат, не только ночью, но и днем потеряться можно, даром что далеко видать! Оно так, так... Ну, а путь-то вы куда держали с другом-то со своим?..

“Вот дьявол - прямо в душу лезет!” - подумал запорожец. А вслух же сказал:

- А путь мы к одному человеку держали; да вот как сыскать его - про то друг ведал, а я не знаю. У вас бы про него спросил - но вот невдомек мне, кто вы?

- Во-он ты как заговорил, выюнош милый?.. - ласково проговорил старшой. - Мы люди божи, по жизни прохожие... Добрые мы, да только беда, - любопытных страсть как не любим. И ты про то помни, а то ведь так-то, голубь, и до беды недалече... Ну, так куда и к кому путь вы держали?..

- Хороша уха-то ваша, - усмехнулся в лицо ему Богдан, - спасибо на угощении! Я, сказать кстати, не божий, но - любопытных тоже не люблю! Казак я запорожский - слышал, поди, про таких? Так вот и мы, запорожцы, тоже добрые, никогда человека не обидим: голову снести - разве обида это? - спокойно улыбнувшись, казак поднялся на ноги, небрежно кинув руку на рукоять сабли.

Чернобородый молчал, и Богдан продолжил:

- Еще раз - спаси Бог вас за хлеб-соль, а я поеду уж.

- И ночью, сокол, беспокойно, - рассудительно заметил старшой, - тут ведь, в степи-то, не токмо ногаи, - тут и люда лихого хватает, казаков-то воровских... Ты про Ермака слышал?..

Эге!.. Богдан враз насторожился.

- Слышал малость, - глянул он в лицо собеседнику, - дружок мой про него мне рассказывал...

- А как звать-то его, дружка твою? Может, и я его знаю?..

Секунду подумав, решил Богдан чуть-чуть приоткрыться.

- Что же, может, и знаешь... Иваном его кличут. Кистень по прозвищу. Слышал ли?

- Нет, не слышал про такого, - пожал плечами мужик, но глаза его сощурились и уперлись в запорожца, - поди, из пришлых он? Ты-то как с им сошелся?..

- Ну, а если не знаешь, то и говорить нам боле не о чем. Поехал я, прощайте, добрые люди!

- И все ж не след ночью-то ехать: мало ли что! - заметил мужик, вставая; за ним поднялись и прочие.

- А я не из пужливых! - беззаботно отозвался казак, кивнув на рукояти пистолей и саблю.

- Ничего, не впервой!

И, отвернувшись, тихим свистом подозвал коней.

- Ну, как знаешь, - неожиданно согласился старшой, и добавил, делая шаг к казаку:

- А кони у тебя добрые!..

- Добрые, верно, - отозвался Богдан, - они у меня...

И осекся: точно молния ударила в голову, а пожухлая трава под ногами вдруг качнулась и бросилась ему в лицо, больно ударив по нему. И - темнота, поглотившая сознание...

- Вот так-то лучше, голубок, - ласково усмехнулся старшой, - ночуй у нас. А очухаешься - скажешь, кто ты есть и откуда Кистеня Ванюху знаешь... Ванька! Ты его веревкой спутай, а то как бы раньше времени не встал, - уйти может! Я ведь его так, вполсилы мазнул, всклизь, по шапке...

И, вешая кистень на пояс, добавил:

- Да коней стреножьте! Они и верно хороши - расхороши...

Глава 2. «На струге».

Очнулся Богдан от страданий... Худо, очень худо было ему: острой болью ныли затекшие руки и ноги, ломило в висках и саднило в затылке; к горлу колючим холодным комком подкапывалась тошнота, а во рту было горько и сухо.

Еще не было сил открыть глаза, а Богдан уже начал думать, стараясь понять - что это с ним?! Но мысли в затуманенной голове ворочались с трудом...

Он хорошо помнил, помнил все: как выехал на костер вчера ночью, как ел уху, а потом разговаривал с сидящими у костра; как собрался уезжать, и... А вот что после случилось - нет в памяти... Ага! Вроде бы чем-то ударили его по голове... верно! Но зачем же, зачем? И - где он теперь?..

Где-то рядом плещет вода; да и сам он лежит на жестком дереве, видно, на лодке везут его? Точно, вон и весла скрипят... И голос чей-то до него доносится.

- ... одно и заладил ты, Ивашка, - пропадем да пропадем... Да, и взаправду пропадем, коли дурней навродь Ермака слухать будем... Уходить надобно - до зимы еще! А ежели промедлить да тут зазимовать - нас поместное-то войско верхоконное сыщет да и побьет. А не оно - рать судовая, што сверху идет, всю Волгу, все протоки, как неводом, пробредет; те, кто зиму переживет, стрельцам-то в лапы и угодят. А ватман - он мыслит, што все по-старому будет: как-нито да выпутаемси из беды, мол! Да только ведь и бояре не дураки...

Наконец удалось Богдану разлепить тяжелые веки...

Он и вправду лежал на дне струга, позади мачты, возле самой кормы, и прямо перед глазами его помещался чей-то выпачканный засохшей глиною сафьяновый синий сапог. Богдан шевельнул головой, отодвигаясь.

Тотчас же сапог несильно толкнул его в плечо.

- Эй! Проснулся, што ль, кречет залетный?.. Пора б, - солнце вона где! - спросили его насмешливо, и тот же голос продолжил:

- Фомка - где ты, черт?! Подыми-ка его да посади, - слаб он покуда...

Чьи-то руки сгребли казака, посадили, привалив спиной к стоящему тут же бочонку. С трудом подняв будто налитую свинцом голову, запорожец наконец осмотрелся.

Позади него вспенивали реку тяжелыми веслами гребцы; потревоженная вода тихонько журчала за кормою. А перед ним, на возвышении у правила, расположились трое.

Одного Богдан признал сразу - да это же тот мужик, с которым разговаривал вчера ночью у костра. Сейчас он держал рулевое весло, не глядя на Богдана - его внимание было поглощено рекою.

У самой кромки палубы, подогнув под себя ноги и сжавшись в комочек, сидела женщина; закутавшись в цветастый шелковый халат, она была совсем неподвижна и безмолвна. Из халата выглядывали лишь глаза ее - расширенные и остановившиеся.

Третий из сидевших на кичке и велел поднять Богдана... Чем-то сразу напомнил он запорожцу Кистеня, - и прежде всего своею одеждой.

Кафтан его был бархатным, но уже поношенным, грязным и засаленным. Шапка, - боярская, горлатная, но тоже грязная, облезлая и затрепанная; синие сапоги - новые, но измаранные. А оружие, - пистоль, нож и сабля - в серебре и золоте.

Да и лицо ведь совсем как у Кистеня: та же дремучая, всклокоченная борода, сросшиеся с нею усы. Глаза, как и у Ивана, маленькие и внимательные, - но в отличие от него какие-то пустые, точно мертвые.

Молчание длилось довольно долго; затем, наконец закончив рассматривать Богдана, разбойник (а кто ж это, как не разбойник!) уселся поудобнее и заговорил.

Глава 3. “Допрос”.

- Ну, - спросил он с интересом, - пошто молчишь-то? Пришел в гости - сказывай чего-нибудь, потешь хозяина!

- В гости, дядя, по доброй воле ходят! - отозвался казак. - И рук, чай, гостям не спутывают, и палкою али еще чем по голове не угощают.

- Так? - с удивлением переспросил разбойник, - ан нет, не так, брат! Я ведь иным рук да ног не спутываю, а секаю их, и угощаю не палкой, а топором вострым по шее... Кого как. Тебе вот пока погожу голову рубить, - поговорить надобно. А ты вот - не то молвишь. Говори: откуда идешь и зачем? Кто послал тебя?

- А сам-то ты кто таков? Сказал бы я тебе - да не знаю, кто ты; как бы не прошибиться мне!

- Ну, в этом тайны нет, - охотно откликнулся разбойник, - даже коли ты и “темный глаз”, - а думается мне, што так и есть, - все одно: про то, што услышишь сейчас, про то ты уж никому боле не расскажешь... А кличут же меня - вольной атаман Анофрей Степанов!

- Если так - то знай, - решил Богдан, - знай, что иду я с Сечи Запорожской, к атаману Ермаку Тимофеичу с вестью!

- Вот так-так! - неприкрытое, непритворное удивление плеснулось в голосе и во взгляде, - вот так-та-ак!.. Пошто ж не сказал ты про то моим людям там, у костра, - кто ты да зачем пришел? Гляди, и не так, без битья бы все и обошлось!

- Побоялся я, - признался Богдан, с облегчением переводя дух, - не знал ведь, кто они такие. А ну как - те казаки донские, которых вас ловить отрядили! - и с надеждой поглядел на разбойника. Сейчас он велит развязать его, - все ведь выяснилось!

Но разбойник почему-то медлил, раздумывая.

- А ведь правда твоя, - заключил он, - про дело такое тайное всякому говорить не след. Ну, а казаки мои... Они ведь тоже не ведали, кто ты! Вот и...

Он замолчал, выжидательно глянув на Богдана.

- Што ж молчишь ты - ровно воды в рот набрал?! Сказывай, с чем прислали тебя!

- Скажу, все скажу! Вот только доберусь до Ермака, все и передам, - мне ему лишь одному говорить велено - и никому боле!

- А убит он, атаман-то наш, - помолчав, сказал вдруг разбойник и, помедлив, перекрестился. - А умираючи, меня замест себя благословил... Так што, парень, говори мне!

Сразу видно было - лжет, лжет разбойник!

- Ну, а если так, - что ж! Так и передам я тому, кто послал меня, а тебе говорить не стану.

- А станешь, - просто сказал разбойник, и от простоты этой враз бросило в жар побледневшего запорожца, - ты - да не станешь? Нет, брат! У меня и не такие говорили... Так что не дури, а скажи ладом, - где твоя грамота?

Если попадет к нему грамота - быть беде! Неспроста он так хочет получить ее...

- Какая грамота?.. - стараясь казаться удивленным, протянул Богдан. - Мне на словах велено было передать...

- Фомка! - оторвав взор от запорожца, крикнул разбойник, - а в сумках его хорошо ты смотрел?

- Нет там ее, ватман! Нигде ее не сыскать, - отозвался один из разбойников, худощавый и вертлявый, - вот разве что в сапоге?

Он присел на корточки, сдернул с казака оба сапога, потряс их, пошарил рукою внутри, - но в сапогах ничего не было. Рубаху-то сорвать с него не догадались!

- Похоже, и вправду нету! - огорченно заключил Фомка.

- Как так - нету? - едва слышно, как бы думая про себя, произнес атаман, - как так нету?! За эту грамоту мне бы сотню грехов простили ... И, перехватив пристальный взгляд Богдана и поняв, что тот слышал все, отвердел взглядом:

- Так-таки и нету? Ладно!.. Тогда говори, что передать велено.

- Я уж говорил, - одному Ермаку про то скажу. Тебе же, - умру, но и слова не молвлю! - с ненавистью глядя на него, с вызовом отвечал запорожец.

- Умрешь, - согласился разбойник, - и как еще умрешь-то! Сам ведь о смерти молить станешь. И допрежь того, как избавит тебя смерть от мук, все как есть, мне, - не кому-то, а мне, - расскажешь.

- Нет. Только Ермаку! - стараясь подбодрить себя криком, воскликнул Богдан.

- Да что заладил ты, ровно сорока: Ермак, Ермак... Пошто мне говорить не хошь?! - вскричал Анофрей. И, приблизив свое лицо к лицу казака, спросил вкрадчиво:

- А ежели я скажу тебе, где Ермака сыскать, - пойдешь ли к нему?..

- Пойду! - кивнул Богдан, чуя сердцем какой-то подвох.

- Та-ак... - протянул разбойник и заговорил медленно:

- Понял я теперя, што ты за птица и зачем ты к Ермаку-то рвешься, понял! А и хитер ты, парень - я ведь было и поверил тебе, что взаправду гонец запорожский ты! Почти что поверил я...

- Да что ты говоришь такое, - вскричал встревоженный Богдан, - кто ж я, по твоему?!

- Ты-то?... А помысли вот сам. Первое: коли и вправду был бы гонцом ты, - грамота у тебя была б! Второе, - да рази пошлют на такое дело такого щенка, как ты? Нет, гонца б отрядили из старшины вашей, матерого казака. Да и - третье-то - таков был бы гонец, штоб он кого из

наших-то знал, и его чтоб знали... И четвертое есть - не стал бы гонец тот ломаться и отдал бы мне грамоту или на словах бы переказал, что передать было велено... А тебе вот самого Ермака вынь да положи!

Да, Ермак мне нужен; признает он меня! И чего боишься ты меня к нему привезти, какого лиха ждешь ты от меня, безоружного и веревками спутанного?!

- И вот опять - к Ермаку. Тебе, паря, верно, наказали узнать, где стан его, и - назад, к своим... Так, что ли?..

- К каким таким своим? Да за кого принял ты меня?

Разбойник помедлил; зевнув протяжно, снял шапку и неторопливо пригладил редкие, скобкою остриженные короткие волосы.

- Уф-ф-ф... Жарко; к дождю, должно?.. Спрашиваешь - за кого я принял тебя? А за того, кто ты есть. За лазутчика боярского, вот за кого! - неожиданно выпалил он в лицо Богдану.

Запорожец от удивления даже зажмурился... А ведь и верно! Чем докажет он, что и вправду с Сечи гонцом сюда приехал? Любому ясно: раз гонец - должна быть грамота! Тем более так, если гонец - не из доверенных есаулов, никого тут не знающий; такому устную тайну и не доверишь - грамоту только! Тут кое-в чем прав атаман...

Но почему ж не хочет к Ермаку отправить тогда?.. А вот потому и не хочет, что самому ему грамота нужна - худое замыслил! Нет, не отдаст он грамоту Анофрею!

Молчишь, - небрежно процедил разбойник, - не сладко слушать?.. Не надумал правду молвить? Ладно, помогу тебе. Скажи-ка, где уловили бояры дружка мово, Ивана, Кистень по прозвищу, - знаешь такого, нет?.. - в руках разбойника появился небольшой нож.

Ага! Это же тот самый нож, что дал Богдану Кистень!

- Знаю, знаю Кистеня, - торопливо заговорил казак, окрыленный надеждой, что сейчас все выяснится. - И нож это его. А с ним, с Иваном, свел меня его брат, Ефим Подкова, - к нему-то и посылали меня с Запорожья, чтоб помог он мне Ермака сыскать... И грамота к нему была...

- И где же она, грамота та?

Ох!.. Вот еще напасть, - он ведь грамоту ту извел, когда в степи с Сузге костер разводил...

- У Подковы и осталась, - решил слукавить казак.

- И этой грамоты нет, - с насмешливым сокрушением развел руками разбойник, - вот незадача-то! Ну да ладно, бреши дальше...

И Богдан рассказал все, как было, упустив лишь то, как спас он боярина. Он не закончил еще, как вдруг Анофрей, внимательно слушавший, перебил его:

- Ну, довольно язык-то трепать, - больно складно врешь! Скажи лучше - где же он сейчас, Кистень -то?

- Ногаи убили его в степи - на троих ногаев наскочили мы, сюда едучи...

- Во-он как?... А пошто его убили, а тебя не тронули, а? - быстро спросил разбойник.

- Меня... Меня стрелой зацепили, а я их всех троих побил, и...

Речь его была прервана громким хохотом.

- Фомка, - где ты там! Подь сюды! Послухай, как брешет щенок этот. Кистеня Ванюху - матерого казачину-то! - ногаи убили, а этот Еруслан - богатырь озлился и их побил, вона как!..

- Истинно, парень - скоморохом бы быть тебе, парень, люд потешать, - отозвался Фома, - да видел ли ты их, ногаев? Знаешь ли, каковы они в сече?..

- Знаю,- процедил сквозь зубы разозленный насмешкою запорожец,- знаю. Но и знаю - каков я. А хочешь ты то узнать - развяжи руки да верни саблю мою. Узнаешь...

- Верно, - оборвав свой смех, серьезно сказал разбойник, - об Кистене толковать хватит. Теперь о тебе поговорим. И о сабельке твоей булатной заодно... Скажи-ка, сокол залетный, как там князь Бельский-то, поздорову ли?

- Не знаю такого.- угрюмо отвечал Богдан.

- Вон как? - притворно удивился атаман, - не знаешь? И не видал никогда? Вот уж диво... Да не слепец часом ли ты?!

Казак не ответил, зло глядя на глумящегося над ним разбойника.

- Ванька! - обернулся тот назад, - а ну-ка - поди сюды!

Когда кормщик неторопливо подошел, Анофрей взял лежащую рядом богданову саблю, выпростал клинок из ножен, протянул мужику:

- Ты ведь в стрельцах был, грамоте разумеешь... На вот, чти!

- Ни-ки-та Му.. Никита Мурашкин! - с трудом разобрал тот затейливую вязь букв.

“ Дедовская-то сабля, - так боярин, с которым мы оружием обменялись, говорил! - молнией пронеслось в голове похолодевшего казака, - дедовская!..”

- Не слыхивал я что-то, - сощурился насмешливо атаман, - штоб на Сечи-то Запорожской казаки с таким прозвищем жили! А вот стольника Мурашкина мы помним, - доводилось свидеться здесь, на Волге! И знаю я, што служил у Бельского в приказе брат того стольника, - а теперь он в Астрахань переведен... Да што я тебе про то рассказываю, - ты то лучше мово знаешь! Что? Что голову уронил, боярин Василей Мкрашкин, - не сладко?.. Погоди малость, - на дыбе, чай, слаще придется...

Что было делать Богдану?!. Голова его бессильно упала на грудь. Оставалось одно, верное средство для спасения, - показать грамоту разбойнику. Но делать этого было нельзя...

- Ничего, посиди, подумай, - балагурил меж тем Анофрей, - съезжей избы у меня, правда, нету, да я, брат, такой хватан - и на дереве дыбу изладим такую, што любо-дорого тебе висеть будет! Уж я в этом деле толк знаю; оно всяко-то бывало, - не раз вашего брата на дыбу воздевал я; правду молвить - и мне на дыбе бывать приходилось... Так что мастак я в деле этом, да ты и сам сейчас увидишь... Ванька! - оборотился он к кормщику, - вона деревья, вишь? - указал он на рощицу осин на берегу впереди них. - Туды правь; там мы с боярином и потолкуем...

- Добрый человек! - рванулся к нему Богдан, - Христом - Богом молю тебя: свежи меня к Ермаку! Пусть он разберет...

- Слышь, Фомка, - не слушая его, произнес разбойник недовольно, - надоели мне песни боярские, - опять он Ермака вспоминает. Наладь-ка на шоглу его, пушай повисит на ветерке, авось поумнеет...

- Негоже поступаешь, ватман, - угрюмо пробасил вдруг кормщик, - знаешь ведь, всех бояр уловленных велит батько беспрременно к нему тащить. А ты его казнить хочешь...

- Ну,- ты еще поучи меня,- умен больно, как я вижу! Молчи знай. Я ведь не за шею велю весить-то за ноги, так вольготнее! А как развяжем язык ему, ежли надо будет, то и к атаману отправим...

А ведь на дыбу станут вешать - сорвут рубаху и увидят грамоту!..

- Господи, да послушай же ты меня... - но рыдающий вскрик молодого казака прервался,- Фома ловко сунул ему в рот грязную тряпку.

- Побереги голос для дыбы, - там он тебе ой как нужон будет! проговорил он весело. - А покуда помолчи.

Сильные руки опрокинули Богдана, стянули ноги веревкой, один конец ее перебросили через рею; Фомка с еще одним разбойником навалились - и запорожец, изгибаясь, закачался в воздухе ногами вверх; перед налившимися кровью глазами мелькнула Волга, струги, идущие во след их судну... И недалекая уже роща на берегу. Маленькая флотилия направлялась прямо к ней.

- Вот и ладно! - кивнув, проворчал Анофрей, - а то разбрехался тут... Молодец, Фомка! И за то скоро будет тебе награда.

- Какая награда, ватман? - довольно осклабился тот.

- А вон, - кивнул разбойник на закутанную в халат женщину, - она! Надоела уж мне: сколь дней бьюсь с ней, а она ровно кошка бешеная. Вам отдам я ее, - завтра же и отдам...

Фомка радостно усмехнулся, хотел что-то сказать, но не успел: он внезапно уставился на реку, чего-то там увидев.

- Што там? - перехватив его взгляд, Анофрей привстал, глянул туда же...

Богдану не было видно то, что заметил разбойник, - небольшой стружок, споро догонявший их.

Глава 4. “Разбойничий атаман”.

А-аа... - протянул Анофрей недовольно, - сюды едут, черти! Вот уж принесла нелегкая...

Стружок же, ходко идущий под двумя веслами и парусом, вскоре догнал их; Анофрей, досадливо сплюнул, покосился на Богдана, хотел что-то сказать, но махнул рукой и молча сел. Вертлявый же Фомка как-то сник и прошмыгнул на нос, затерявшись между гребцов.

Легкий толчок в борт известил, что стружок пристал к ним, и с него кто-то спрыгнул на нос анофриевого струга.

- Здорово, сарынь! - услышал Богдан чей-то мягкий, густой бас. И тотчас же вразной загудели голоса гребцов, отвечавших на приветствие:

- Здоров будь и ты, батько!

- Сто годов жить тебе, Ермак свет Тимофеич!

- Здорово, здорово!

Донеслись приветственные крики и с прочих, идущих за ними стругов, - а было их, как еще раньше рассмотрел запорожец, больше полдюжины.

От услышанного Богдана как громом ударило, - вот он, Ермак! Сейчас он увидит его, висящего на мачте; Анофрей все расскажет, Богдана развяжут, - и, получив грамоту, поймет, что никакой не боярский он лазутчик, а и вправду гонец с Запорожья!..

Но однако все пошло не так, как представлялось Богдану.

Послышались шаги, и приехавший прошел на корму, где неподвижно сидел, набычившись, Анофрей. Теперь Ермак был виден Богдану, - но только со спины, ибо стал атаман лицом к хозяину струга.

Росту Ермак был выше среднего, а сложен ладно; легкий ветерок развеивал на непокрытой его голове светло - русые волосы, - в отличии от большинства коротко остриженных разбойников, эти волосы были довольно длинны, но до плеч не доставали. Дочерна загорелая атаманова шея уходила под ворот кольчуги, перехваченной в талии толстым кожаными ремнем. А оружия никакого не было, - лишь на левую руку одета железная боевая рукавица.

- Ну, здравствуй, стало быть, есаул мой разлюбезный! - заговорил Ермак приветливо и чуть-чуть насмешливо. - А чего молчишь да бирюком смотришь? Аль не рад ты мне?

- Да незванный гость, чай, похуже татарина-то станет! - угрюмо, не тая в голосе недовольства и вызова, буркнул в ответ разбойник.

- А что? Пожалуй - прав ты, детинушка! Да вот только и православный иной - и он похуже татарина будет, а?..

- Чего надобно тебе, Ермак Тимофеев? Коли по делу пришел ты - так дело и говори, а болтать с тобою мне недосуг! - жестко произнес Анофрей.

- Дело говорить? - переспросил Ермак. - А што об нем гуторить-то? Оно - дело твое злое - сделано уже. Неделю назад, - помнишь ли?..

- А што ж, - ежли караван купецкий идет мимо меня, я и тронуть его не могу? Али...

- Купецкий, - не сбиваясь со своего спокойного тона, чуть возвысил голос атаман, перебивая, - купецкий! А то ведь был караван государев, посольский. Ты знаешь ведь, что на Круге-то порешили, - орлейных стругов не трогать! Мало мы царю досадили - и еще одну вину ты нам прибавил; теперь жди - озлится царь еще пуще... Об этом думал ли ты?! Озлится царь - не в шутку за нас возьмется!

- А озлится - и пушай! - дерзко бросил Анофрей, - мне теперь до этого дела нету! Мы всею ватагой на Яик уходить порешили отсель. И мне на Круг твой... - он грязно ругнулся.

- Вон как, - удивился Ермак, - на Яик, значит?..

И встав на корму струга, оглядел он гребцов.

- Значит, бросаете Волгу - матушку, невесть куда идти надумали... а зачем? Вы молоды все, и умирать вам еще куда как рано! А на Яик об эту пору иттить - смерть верная! Да и Круга-то осеннего дожждаться надобно вам...

- Ты, Ермак Тимофеев, - привставший Анофрей говорил тяжело, с придыханием, - ты вот што, - не сбивай людей моих с панталыку... Своих вон учи, а мы, чай, люд вольной... Понял, атаман?!

- Вот тут твоя правда, - согласливо кивнул Ермак, и впервые в голосе его, все таком же спокойном, отчетливо звякнул металл, - я верховой атаман ваш! И покуда вы здесь - должны меня слушаться. Коли вы на Круг плюнете, он утретя, но вот ежели Круг на вас плюнет - утопнете! Понял?!

Есаул молча отвернул лицо и вновь сел.

- Вот так-то лучше, - миролюбиво произнес Ермак. - Дождетесь Круга - и на все четыре стороны... Да только не запамятствовал ли ты, Анофрей Степанов, как на Яик-то иттить? А то ведь не на Яик, - на Жигули ты путь держишь али на Москву...

- У меня в степи зарыто кой-чего, - буркнул Анофрей, - забрать надобно...

- Понятно... Ну, а это кто? - не оборачиваясь, кивнул атаман на Богдана.

Сейчас, сейчас все выяснится! Запорожец замычал сквозь кляп, забился...

- Да так - сучка боярская, отозвался разбойник пренебрежительно, - вынюхивал да высматривал, ну, и уловили его...

- А пошто ты ему рот-то забил, да подвесил его еще? - словно не слышал Ермак стонов казака.

- А... Лается он,- махнул рукою Анофрей.

- Лаетя?.. Верно; и я б тебя лаял - пошто мучишь-то? Дознался, кто он - и голову долой. Ты ведь не кат - али у бояр научился?..

- Дело, - кивнул разбойник. - Эй, Фомка! Сыми его - и, не распутывая, в Волгу: пушай в Астрахани от меня Выродкову кланяется!

Гребцы, слышавшие это, расхохотались; усмехнулся шутке и Ермак, но вдруг, скользнув взглядом по Богдану, остановил Фому:

- Да ладно... Молод он еще, и, мысля я - не много он нам зла сделал. Так уж на берегу его и кончите, и прикопайте - по-христиански... А я пойду, пожалуй. И помни, Анофрей, - через четыре дни жду тебя на Кругу,- без того уходить и не мысли! А пока прощай.

Он повернулся; спокойный и внимательный взгляд его задержался на миг на бледном, залитом слезами лице запорожца. Не выдержав его взора, атаман хотел что-то сказать, но, вздохнув, махнул рукою и двинулся дальше, на нос судна.

- Слышь-ка, Ермак Тимофеич! Погоди, эй! - воскликнул вдруг мужик у правила, - Он, энтот-то парень - он знаешь, чего баит?..

Ермак остановился и, обернувшись, вопросительно посмотрел на говорившего.

Кормщик открыл было рот, но тут, точно ужаленный, вскочил Анофрей.

- Т-ты! Пошто встал-то - ступай! - крикнул он. - Сказано тебе - уходи, так уходи! А не то гляди - угодишь, как тот посол, в Волгу!..

И тут Ермак побледнел; взор его сощурившихся глаз уперся в лицо Анофрия.

- Так ты... Так ты что ж - ты того посла не отпустил, ограбивши, а - уби-ил?!.

- А че, смотреть на него, што ль? - буркнул Анофрей, отворачиваясь. Он и сам понял теперь, что сболтнул лишнее, - да ведь надо было как-то заткнуть рот проклятому Ивашке Пухову!

- Он велел - всех кончать без жалости, - пояснил Пухов, - ну и... И посол, и двое бояр персических, што с ним были, и дьяки, и стрельцы, - всех побили мы! Одну вот девку велел он оставить, - себе...

В два широких шага достиг атаман Анофрея, сильной рукою сжал его плечо, поворачивая есаула лицом к себе.

- Ты... - атаман задохнулся от негодования, - ты... Да ведаешь ли сам, што свершил ты?! Этим ты нас не токмо с царем, но и с шахом персическим поссорил; теперя беспрременно они оба за нас возьмутся, враз изведут! Посол-то тот, боярин Карамышов, у царя в большой чести был; девку же эту на Москву затем везли, штоб отдать ее замуж за царевича Федора, царицею сделать, - царь-то ищет союза с Персическим шахом противу турок... А ты вот и расстроил все. Теперя не жить нам - все в железах на Москву пойдем, на дыбу да на плаху... Но ты, Анофрей - ты первым средь нас на плахе окажешься; на Кругу и судить тебя будем!

Отшвырнув разбойника в сторону, Ермак вспрыгнул на корму; вынул из-за голенища нож и, осторожно сняв с девушки халат, перерезал стягивающие ее руки ремни.

Анофрей же, поднявшись на ноги, угрюмо и исподлобья следил за атаманом; вдруг лицо его исказилось, он схватился за пистоль...

- Спрячь пистоль, дурень, - едва повернув в его сторону лицо, презрительно бросил атаман, - не тебе меня убивать! Ворон кречета - не имает, помни!

Есаул, опустивший оружие, следил за атаманом затравленным взглядом. А девушка, едва руки ее стали свободны, вскочила; стыдясь своего разорванного во многих местах платья, гибко нагнулась, подхватила халат и в одно мгновение закуталась в него. Да так и осталась стоять, сверкая своими огромными глазами.

И тут Анофрей вдруг решительно поднял пистоль - но выстрелить не успел: без замаха ударил его Ермак прямо в лицо левой рукой, одетой в железную рукавицу; со стоном упал разбойник на возвышение кормы, зажав ладонями вдребезги разбитые губы, да так и замер, лежа на боку и мыча от боли.

- Пес! На кого руку поднял?! - проворчал Ермак гневно.- Так с каждым будет, кто супротив меня пойдет! - возвысил он голос. - Теперя понятно, почему на Яик-то бежать восхотел: почувал вину за собою! И перебить всех велел в посольском караване для того, штоб видоков дел своих не оставлять... - говорил атаман, обращаясь к гребцам; те же угрюмо молчали. Да и что могли возразить они?!

И тут громкий и тревожный голос кормщика заставил его обернуться...

Девушка стояла, впившись глазами в поверженного своего насильника и мучителя; тот все стонал, ошеломленный ударом, не в силах подняться; пистоль его валялся тут же, рядом.

И вдруг персиянка стремительно шагнула вперед, наклонилась над упавшим... Издав тревожный возглас, Пухов бросил весло и шагнул к ней, а секундой позже бросился и Ермак... Но было уже поздно!

Выхватив из-за пояса разбойника нож, дважды стремительно ударила его девушка прямо в открытое горло. И отскочила в сторону, отбросив нож и увернувшись от рук попытавшегося ее схватить Ивана.

Крик, вырвавшийся из груди разбойника, был страшен и короток - почти мгновенно захлебнулся он хрипом. Однако много сил было еще в его теле - рывком вскочил он на колени, подхватил свой пистоль...

Страшен был он в этот миг - окровавленная борода, безумный стеклянный взгляд, пистоль, направленный прямо на девушку... А та стояла у противоположного борта, в двух шагах от Анофрея; глядела она в его перекошенное от злобы и ужаса лицо - и во взгляде ее не было страха, - одно лишь торжество удовлетворенной мести.

Но силы покидали разбойника вместе с потоком крови, толчками плескавшейся на палубу из разорванного горла. Пистоль вдруг дрогнул в его руке, и мягко выпал из нее. А следом за ним - но не на палубу, а назад, в Волгу,- повалился и сам Анофрей.

Глава 5. “Казацкий подарок”.

И мгновенно рухнула висевшая над рекою напряженная хрупкая тишина.

- Да что ж это!.. - ударил по ушам чей-то заполошный крик, и тотчас же отовсюду грянуло:

- Ватаман! Ватмана она...

- Ах! Ведьма она, ведьма!

- Пошто и распутали ее, змею подколенную?! В срубе ее сжечь...

- На што? Наша, наша она теперя. Шибай ее сюды, ужо потолкуем с нею...

- Дело!

Несколько человек, побросав весла, вскочили и бросились было на корму... да так и остановились разом, точно натолкнувшись на невидимую преграду.

- Тихо, псы!.. Пошто разгавкались-то?! Назад!.. - могучий, трубный голос атамана покрыл суетливые выкрики, а сам он встал на их пути; так утес вздымается, разбивая о каменную грудь свою тяжелые волны, разрывая их в брызги...

- А! - раздался в наступившем молчании торопливый возглас кого-то, - видали?! Мало бояр на Руси, еще и этот черт над нами явился... Ну чего, чего уставился? - Своими помыкай, а мы, чай, люд вольной, не холопы твои! А вы чего стали? За борт ево, суку! Пушай не мешает нам над ведьмою суд наводить, пусть...

Теперь хорошо было видно Богдану атаманово лицо... Правильный его овал обрамляла небольшая, аккуратно подстриженная бородка и пушистые усы. Под высоким лбом из-под мохнатых бровей глядели синие глаза - синие-синие, такие, какими награждает природа на Руси пьяниц, малых детей и праведников; и смотрели на мир глаза эти спокойно и даже кротко, точно и не разбойнику принадлежат они, а доброму сельскому попику. Жила в них какая-то тихая грусть, и смягчали глаза весь облик сурового и волевого лица.

Но при первых же словах разбойника спокойствие атамана исчезло, точно тень набежала на его лик: плотно сжались губы, сошлись в одну линию брови, а глаза из-под нахмуренного лба сверкнули жестко и холодно, точно две льдинки в лунную студеную ночь... Собиралась гроза.

И она - грянула!..

- Ну! Што ж стали?! Давайте - вот он я!

Сжав кулаки, широко шагнул Ермак вперед, прямо на них - на добрый десяток вооруженных и злых людей.

И они дрогнули: смешались, замерев; иные опустили голову, а кое-кто и попятился...

- Эх вы, - псы, истинно - псы!.. - не скрывая презрения, бросил в их лица Ермак. - Холопьями всю жизнь были - ими и остались! И сдохните ими же. Душа, душа ваша вольной не станет - хоть десять раз волю вам дай!..

- Не лайся, Ермак Тимофеевич, - после короткой паузы примирительно произнес невысокий коренастый разбойник, - а ступай себе с Богом! А мы уж как-нито сами рассудим, как быть нам, куды иттить - тут оставаться али на Яик трогаться. И на Кругу мы будем. А ты иди, от греха подальше; бабу же мы своим судом посудим да покажем...

Говоря так, он вынул из-за пояса пистоль, взвел курок...

Нет, это все-таки были не холопы - по крайней мере, в эту минуту; были это люди, вкусившие сладкую и хмельную вольницу, не раз глядевшие смерти в лицо и не боящиеся крови, немало ее пролившие. Сейчас и супротив атамана пошли они, разозленные, крепко разозленные гибелью вожака, в которой был повинен и он, Ермак...

Но и перед ними стоял не ктонибудь - сам Ермак, и лишь гнев и презрение кипели в глазах его. И он не побоялся бросить им свой вызов!

- Кто - вы? Вы посудите ее?..- нет!! Не вам судить ее, и не вам казнить. Уходить надумали, - что ж, вольному - воля, а казаку - поле! Вам то решать. Но куда тут еще вы - я атаман ваш. И коли не понял кто этого - я того понять заставлю!

- Нет, батько, - были мы под твоею рукою, а теперь уходим. И Анофрей - покойник был нашим атаманом, - нам и платить за смерть его! - спокойно произнес мужик, и пистоль его поднялся, нацелясь в грудь атаману.

- А ты, Васька, - никак пистолем меня напугать хочешь? - легкое удивление было в голосе Ермака.- Значит, ошибся я, умным тебя почитаю; теперь вижу - и вовсе дурень ты. А вы все - знайте: как сказал я - так и будет; мое слово, - камень, и вы про то все ведаете. Не вам судить ее - на то Бог есть. Да я еще.

Не глядя больше на стоящих перед ним, атаман отвернулся и пошел на корму, где, скрестив на груди руки, все еще неподвижно стояла девушка, скрестившая на груди руки.

- Так вот он, суд мой - слушайте! - воздел атаман вверх руку и обернувшись лицом к ватажникам, - за убийство тая своего, насилие над ней свершившего, милую я ее: права она тут!..

Глухой, неясный ропот взметнулся со всех сторон; давно уже анофриевский струг окружили, сцепившись бортами, прочие его суда; никто не греб, и струги тихонько относило назад, вниз по течению.

- Вы, - крикнул атаман, - а поставьте на место ее свою сестру али жену, - это как? Ты вон, Ефимка, шумишь, - а помнишь ли, за што ты боярина-то свово убил?! За то ж самое! Так што - верен суд мой, и вы сами про то знаете. За это я ее милую!

- Но... - он помедлил, вглядываясь в насупленные лица разбойников; перевел взгляд на девушку, заглянув в ее черные, холодным огнем безумия горевшие очи... Захочет ли она жить на свете? А если и захочет после того, что случилось с ней, то разве забудет она хоть на миг об этом ужасе?! Да и Анофрея она убила...

- За убийство же Анофрея Степанова, атамана волжского и есаула мово, казака храброго, хоть и душою черного, за убийство его...

Он вновь помедлил - и шагнув к девушке, подхватил ее на руки; сделал еще шаг, и вытянутые его руки с персиянкою оказались над водой. Она не вскрикнула, не вздрогнула даже, - лишь неотрывно глядела в лицо атаману...

- За убийство же его, - вот! Прими, мать Волга, подарок казацкий!.. - и разжал руки.

Ни крика, ни стопа не долетело до молчащих людей, - лишь сочно плеснула волна, принимая добычу...

- Прав твой суд, батько! - воскликнул кормщик и перекрестился. - А Божий суд - да свершится!..

Многие разбойники тоже скинули шапки, осеняя себя крестным знаменем... Они не сказали атаману ни слова.

- Вот и суд мой, - объявил Ермак, крестясь, - теперь мне у вас делать нечего. А вы - приходите на Круг; там и порешите, как вам дальше-то быть... Я же стою нынче недалече, на Мокрой Мечотке, и кто ко мне восхочет, приходите: всех приму! - и он двинулся к носу судна, где был зачален его струг.

- Погоди, батько! С тобою я. - Кормщик бросил весло, шагнул с кормы. - И еще одно!

Он нагнулся к Богдану, вырывая изо рта запорожца кляп.

- Слышь - чего он, парень энтот, говорит-то! - позвал он Ермака.

- Ермак Тимофеич!.. - прохрипел Богдан, боясь потерять сознание,- с Запорожья я к тебе, грамота на рубахе!..

- Что-о?! - толчок плеча стремительно бросившегося к Богдану Ермака едва не сбросил стоящего на пути атамана Ивана в воду...

Глава 6. “У костра”.

- ... А теперя - не робь! - тяжелая ладонь есаула Матвея Мещерякова, по прозвищу Мещеряк, дружески похлопала Богдана по плечу,- все! Теперя ты под батькиною рукою; кончились мытарства-то твои! Отдохнешь малость,- и домой, на Сечь свою...

А неужто - и вправду все?.. Только сейчас почувствовал казак, сколько пришлось ему пережить за последние дней десять!.. Но теперь и правда окончены его труды: вот сидит перед ним сам атаман Ермак, а в костре тлеет только что прочитанная им батькина грамота, та, что с таким трудом довез Богдан с Сечи...

- Ну,- задумчиво говорил Ермак, глядя на пляшущие в костре языки пламени,- верно кричал я на Кругу тогда,- помните? Не пойдут на Москву запорожцы! А атаманы, ровно быки, уперлись,- пиши-де грамоту им! А я знал, знал, что без толку все это: мы - тати, а они - своя земля защитники: на кого они Украину свою покинут?..

- Так что на Москву нам ходу нет,- закончил он,- да и Иван вот... Он то же скажет.

- Говорил уж,- негромко отозвался Иван Кольцо, есаул и ближайший помощник Ермака. Сейчас он сидел на камне рядом с атаманом.

- Говорил уж, и еще про то скажу. Не выйдет, братья мои, дела такого,- народ супротив бояр поднять! Чел я смердам письма наши подметные, они слушают, головою кивают, а кое-кто и кричит - хоть сейчас-де пойдём жечь боярина! Да только - своего. А прочих-де бояр пусть свои холопья бьют... Ну, а про Москву они и слушать не хотят: на что нам та Москва, спрашивают?.. Наше дело одно - боярина скинуть да добро его поделить...

Очень понравился он Богдану - худощавый, аккуратнo одетый, с живыми глазами на умном, загорелом лице; как и Ермак, мало напоминал он обличьем своим разбойника.

- Да и, - продолжал он неторопливо и обстоятельно,- мужик - он сызмала только одно знает: землю пахать. И от земли-то не больно его оторвешь! К нам-то кто в ватаги в основном идет,- а лодырь, пьяница и тот еще, кто своему барину поперек дороги стал... Большинство же - люди богобоязненные, и их на татьбу не подбить...

- Вот... Кто остался еще - посадские да прочий черный люд в городах? Они глотку рвать горазды, - мы, да мы... А едва увидит крикун такой кафтан стрелецкий,- он и хвост поджал!

Стрельцы? И они ведь порою не прочь пошуметь да полковников своих тряхнуть, - да только полковников! А что до царя - знают они: царь их поит и кормит, жалование им платит - да рази пойдут они супротив него?! К тому же война сейчас вроде бы затихла, стрельцы по слободам своим сидят, и их от жен да пирогов, от печек теплых силою не оторвешь! Нет,- и стрельцы в таком деле не помощники, а вороги. И что ж оно выходит? А то, что нам не про Москву нужно думать, а о том, чтобы свои головы сберечь! Слыхал в Москве я от людей надежных - к зиме собирают дворянское ополчение и пошлют его сюда, к Бельскому. Сотен пять, не меньше! Стало быть - за зиму-то они все протоки, все плесы и обшарят... Как зимовать-то, где от напасти такой схорониться?..

- Днем нынче, покуда вас не было,- вступил в разговор Мещеряк,- прибежал человек мой от Бельского-то... - он помолчал, плюнул в костер и продолжил:

- Бает он - не думает Бельский на зиму в Царев - Борисов уходить, в Урюпинском так и останется, и в иных городках... А еще привезли стрельцам жалование, что за полтора года им не плачено - все до копейки! Но выдать Бельский велел лишь половину - прочее-де тогда отдам, когда воров переловите! И молвил, что уж эту зиму не даст он им на печи сидеть, всех в степь выгонит! Потому и станут нас стрельцы-то всерьез ловить - кому мерзнуть-то в поле охота?! И еще: объявил он, што за каждую воровскую голову будет награду выдавать,- за простого алтын,

за есаула - полтину, а за твою, батько, голову, как вот и за Ивашки Кольцова,- десять рублей, вот как! Охотиться на нас, точно на зверя поганого, станут. И к ногаям вчерась отправил он своо сотника,- ясно, зачем! Вместе с ними он нас ловить будет. А ногаи-то на нас злы...

- Да,- поддержал его третий есаул, бритоголовый Никита Пан, кривоногий и кряжистый, точно дубок,- похоже, клевать воронам головушки наши напутевые!.. Все к этому и идет. Так, что ли, Ермак Тимофеич?..

- Так,- кивнул атаман,- так и будет, коли и далее дураков слушать будем! А я так решил,- на Кругу скажу прямо: все, уходим-де я и все, кто со мною восхочет, на Урал, к Строгановым - купцам! Были мы татями, воровскими казаками волжскими, станем людьми государевыми, казаками уральскими...

Богдан, рассеянно их слушавший, встрепенулся: они ведь говорят об Ибири, про которую рассказывал ему Маметкул и куда увезли прекрасную Сузге...

- А я все ж сомнение имею - а не достанут ли и там нас руки катов царевых? - задумчиво спросил Пан. - Они ведь у него, у царя, длинные, руки-то...

- Здесь-то вернее достанут,- отвечал Кольцо раздумчиво.- Видать, всерьез осерчали на Москве - эвон сколько сил нагнали сюда! Да еще и рать судовая по весне придет, а допрежь того - конница дворянская...

- Верно,- согласно кивнул Ермак. - Тем, кто остаться тут думает, один лишь дельный совет дать можно: лес валить - на плахи! Нет, братья - уходите отсель надобно...

- Так ведь и Строгановские вотчины - тож Русь! - заметил Мещеряк.

- И это верно,- согласился Ермак,- да только ведь мы туда тайно уйдем. Покуда дознаются, что мы - там, давно уж возьмем у купчишек припасы и в Ибири будем!

- Так оно, да только купцам я не шибко верю,- а дадут ли нам Строгановы припас воинский да людишек - нам, ворама да татям? - усомнился Никита Пан.

- Царь ведь им, Строгановым, отдал все земли, что захватят они и далее на восход. Так что им Сибирь эта - кусок лакомый и желанный! Купцы - они свою выгоду-то поймут. Ну, а не поймут... сами возьмем, что надобно!- отвечал Ермак.

Помолчали; позади них негромко говорили у костров заканчивающие трапезу ватажники; с Волги тянуло туманом и сыростью...

- Ну, ладно,- поднялся Ермак,- поздно уже, пора и спать!

За ним поднялись и есаулы; встал и Богдан...

- Поговорить хочу я с тобою, Ермак Тимофеевич! - негромко произнес он.

- Завтра, Богдане, и потолкуем,- ласково ему улыбнувшись, отвечал атаман,- нам о многом поговорить надобно. Завтра! А теперь - пошли в шатер. Ты ведь устал, поди?..

Еще бы!.. Так устал за эти дни Богдан,- и душою, и телом,- как не уставал еще никогда в жизни...

Глава 7. “Лес”.

Утро выдалось сырое и туманное; наскоро перекусив, Богдан с Ермаком сели на коней и тронулись в путь, углубившись в лес, что рос по берегу Волги. А ватажники споро собирались, грузили нехитрый скарб свой в струги: две ночи подряд редко ночевали они на одном месте - тем более, на этом, правом, берегу реки.

- Ну вот, Богдане, и все,- начал разговор Ермак, едва они оказались под желто-зеленым пологом леса,- вот, почитай, и все, кончился путь твой на Волгу, теперь домой, назад поедешь... И вот что скажу тебе я: ты, уж, верно, и сам понял, как труден путь, да еще к тому же одному! Но теперь много легче тебе будет: грамоту, что ты мне отдал, беречь не нужно, а значит - и опаски меньше... Поедешь ты завтра, я провожу тебя немного до дороги,- на Урюпинскую, к Подкове, а от него - на запад; на рубеже московском пристанешь к купцам - и до Киева, а

оттуда и до хутора батьки твоего недалече... Не заплутаешь, - там, на Украине, дороги набитые, помню - и сам по ним проходил...

- Скажи, Ермак Тимофеич, а кто ты сам такой, родом откуда? Батько ведь сказывал, - ты и у нас, на Сечи жил... Но по виду и по имени странному вижу я, не с Украины. И не с Речи Посполитой... Кто же ты?

- Знаешь, Богдане, - задумчиво отвечал атаман, - судьбу вот с рукою сравнить можно, а людей - с горошинами, что в руке той зажаты. Размахнется рука-судьба да и швырнет горошины наземь; одна рядом упадет и так и будет лежать. А другая, - катится и катится, покуда не остановится далеко-далеко... Так и я вот, с самого рождения, почитай, качусь. И не остановился пока... Много дорог исходил я в жизни, повидал немало... да только вот без толку все это вышло - ходил-ходил, а путного ничего и не выходил...

- Ермак Тимофеич! - воскликнул Богдан. - Глянь, вон тропка в сторону сходит - не собьемся с пути ли? Лес ведь...

Выросший среди бескрайних степей Украины, в лесах он ранее не бывал и относился к ним с недоверием; едуци сюда, старался объезжать даже небольшие перелески, боясь потерять направление и сбиться.

- Не бойся, верно идем, - отозвался Ермак, - главное дело, с просеки не свернуть; она нас на самое место и выведет. Не заблудимся, - лес этот не широк, с версту всего.

Да, ехали они по широкой, но уже заброшенной просеке, - густо заросла она травой и кустарником, а местами и небольшие сосенки попадались, редко, - и вовсе высокие деревья.

- А кто же рубил ее, просеку эту? Люди не живут ведь тут - кому нужна она? - любопытствовал Богдан.

- Верно, - людей тут немного, - кивнул атаман, - а проходила через лес этот рать государева, на Астрахань идучи, - на стругах часть и часть пеши. Для пушек осадных и обозов эту просеку и прорубили мужики, люди даточные.

- Чудно, - пожал плечами Богдан, - что, они лес тот обойти степью не могли? И потом, не проще ли пушки на стругах или на плотках сплавлять?

- В степи - овраги, мосты настилать замучаешься, - пояснил атаман, - а тут оврагов нет почти, да и лесу - сколь надобно. А по воде же тяжелые пушки везти опасно - а ну как перевернет струг на глубине-то, и пропали пушки твои!

- Но мы с тобою, Богдане, - продолжил он, - давай-ка про другое поговорим. Перескажи-ка мне, что тебе царевич, - знакомец нечаянный твой - про Сибирь рассказывал?

- А я тебя про то же как раз спросить собирался, - отозвался казак, - ты, как понял я, собираешься воевать царство это?

- Про то завтра потолкуем, Богдане, - завтра, - пообещал атаман.

- А я думал - нынче и расстанемся...

- Можно бы и нынче, - кивнул Ермак, - да только вижу я в тебе, хлопче, любознательность да к знанию тягу. Потому и хочу показать тебе человека одного, давнего моего друга... Мыслю я - надолго ты встречу с ним запомнишь... Ну, да чего я тебе говорю, сам все увидишь да услышишь. А покуда - рассказывай!

... Дорога оказалось неблизкой, - ехавшие шагом путники только через несколько часов достигли конца леса. Богдан только что закончил свой рассказ, и двух минут не прошло, как негромко заметил атаман:

- Ну, вот и приехали.

Он проехал еще немного вперед, затем остановился и скинул шапку, крестясь. Став рядом с ним, запорожец с любопытством осмотрелся.

Лес тут, - да собственно не лес уже, а подлесок, - был более редким, стена высоких деревьев осталась за их спиною. А дальше вперед исчезали и совсем маленькие деревца. Почва

полого уходила вниз и в двух сотнях шагов обрывалась берегом небольшой впадающей в Волгу речки.

Прямо пред ними взметнула вверх увенчанную крестом колокольню небольшая бревенчатая церковь. Левее же нее, там, где находилось устье впадающей в Волгу речки, на береговой круче темнели развалины какого-то большого здания. Бросающая вызов стирающему все времени яркая голубая и зеленая мозаика, кое-где сохранившаяся на стенах, дивной красоты лепные украшения над оконцами и кровлей, роскошное крыльцо говорили о том, что стоял здесь когда-то богатый дворец знатного вельможи, а быть может, и царя.

- Что это?- тихонько, точно боясь звуками голоса спугнуть все это, показавшееся ему видением и миражом, спросил Богдан.

- Это?.. А про это, Богдане, не я расскажу тебе; тот, к кому едем мы, и поведает обо всем. Поехали же,- тронул он коня вправо, туда, где правее церкви, возле самого обрыва угадывалась почти вросшая в землю, неприметная издали крыша землянки.

- Вроде бы дома хозяин-то,- сообщил Ермак,- а и где ж ему быть-то? С ним и потолкуем...

ЧАСТЬ 6. “ДРЕВНЯЯ ЛЕГЕНДА”

Глава 1. “Старец”.

Землянка, как заметил Богдан, имела два довольно больших окна над самой землей, и затянуты они были не пузырем,- нет, тускло блестела в них слюда. А слюда в те времена ценилась довольно дорого и была доступна лишь людям с достатком.

Вот и вход - вниз уходят ступеньки, обложенные досточками; возле самого входа лежит огромный белый пес. Заслышав шаги, он привстал и несколько раз басовито гавкнул,- не зло, а как бы предупреждая находившегося в землянке о гостях. И, вильнув хвостом, лег на землю, положив на лапу свою большую лобастую голову. Настороженности не было в его умных глазах,- верно, не раз посещали землянку разные люди, и собака к ним привыкла.

Уже у самого входа обратил запорожец внимание на трубу над крышею,- землянка-то, оказывается, по белому топилась, не то, что у рыбаков!

- Ау, Трезорушка! Кто-то есть там?.. - в ответ на лай собаки донесся из землянки голос невидимого человека,- голос неторопливый и спокойный.

- Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! - звучно проговорил спешившийся атаман, крестясь.

- Аминь! - прозвучал из землянки ответ.- Войди же, стоящий у двери, и да будет с тобою Господь!

Пригнувшись, Ермак, а за ним и Богдан вошли в низкую дощатую дверь, перекрестились на висевший в углу образ, и Богдан окинул мимолетным взглядом это жилище.

Землянка была невелика - примерно три шага в длину и четыре в ширину, но достаточно высока - они с атаманом стояли, не нагибаясь. Пол, кстати, был не земляным - сработан он был из аккуратно подогнанных друг к другу сосновых досок; стены - обмазаны глиной. Да,- здесь довольно уютно и, пожалуй, зимою не холодно!

А вот обстановка разнообразием не отличалась: небольшая печурка в углу, напротив нее - узкая, в две доски, лежанка, на которой не было ничего, даже подушки. На стене у печки - полка с посудой, несколько чугунков и глиняных мисок. У стола - сосновая плаха, служащая сиденьем; на самом же столе - раскрытая книга, подсвечник с тремя горящими свечами, маленькие глиняные горшочки с красками и неоконченная икона: приход гостей оторвал хозяйку от иконописи. Еще заметил Богдан полку над столом - едва ли не десятка два книг теснилось на ней. И освещенный лампадкой образ; даже в слабом ее свете было видно, что икона эта старая и даже как-будто обгорелая.

А из-за стола поднялся и обернулся навстречу им и сам хозяин жилища,- высокий, худощавый старец, облаченный в просторную мантию. Его густая седая борода была длинной, тщательно подстриженной и расчесанной. Она скрывала под собою висевший на груди массивный золотой крест, так странно смотревшийся в этом небогатом и строгом мире.

Несмотря на преклонные свои годы, выглядел старец живым и проворным; на морщинистом, сохранившем следы былой красоты лице глаза смотрели на мир со спокойствием и благожелательным интересом. Он сохранил и гордую, величественную осанку, а движения его были плавны и уверенны. И что-то в его облике было непохожим на мрачных, словно застывших в суровой неторопливости старцев - отшельников.

- Благослови вас Господь, братья мои! - он поочередно перекрестил и атамана, и казака и по очереди обнял их; объятие было котормым и не по-старчески сильным.

- Садитесь, садитесь,- указал он на лежанку, а сам уселся за стол.

- А я вот,- пояснил он, перехватив взгляд Богдана,- я вот душою отдыхаю. Образ Спаса Пречистого... Ну, а ты как, Ермак Тимофеевич, поздорову ли?

- Да чего ж со мною станется? Сплю на вольном воздухе, ем вволюшку, а пуля для меня покуда, чай, не отлита? - отвечал атаман весело.

- Верно, верно. Я вот тоже... С утра молился, потом верши смотрел, после - гряды копал до обеда. Теперь вот, помолясь, душою отдыхаю...- кивнул он на незаконченную икону и снова улыбнулся; как успел уже заметить Богдан, это отличало его от суровых старцев и монахов...

- А как же? - точно прочтя мысли запорожца, старец посмотрел на него, и вновь улыбнулся. - Смех и зубоскальство даны нам от лукавого, улыбка же - от Господа Бога нашего! Он - отец наш; так какой отец будет не рад счастью детей своих? А улыбка - это и есть проявление счастья! Я счастлив,- потому и улыбаюсь!

Казак в ответ только пожал плечами; в его-то понимании счастье было совсем в другом! Без задора битвы, без бешеной скачки, без сросшейся с рукою верной сабли, без пиров с лихими товарищами,- какое же без всего этого может быть счастье?!

- А в чем же оно - счастье твое? В том, что в сырой землянке живешь да на досках спишь? - спокойно, но не без вызова спросил казак.

- И в этом тоже, брат мой,- неторопливо отвечал он,- ибо роскошь притупляет и даже очерствяет душу. Люди давно заметили это, недаром говорят ведь: сытый голодного не разумеет! А для того же, чтобы нести Слово Божие людям, необходимо прежде всего иметь чистую душу...

- Но кому его тут нести? Людей ведь здесь почти нет,- так, тати одни...

- Нет, люди есть - рыбаки по-над Волгою живут. Их немного, верно; но разве справедливо только лишь поэтному лишать их радости церковного таинства? Потому-то я и живу тут; служу в церкви, отпеваю покойников, крещу младенцев, причащаю, венчаю... Но и не это ведь главное! Кроме рыбаков живут здесь и другие - татями вот назвал ты их... Что ж, назвать можно по-разному! Но вот уже несколько человек сумел я отвратить от греха душегубства; вот и мой дьячок,- тоже кровавым ремеслом занимался, но потом удалось мне открыть глаза его и разбудить душу, и вот уже два года, как живет он тут неподалеку, рыбу ловит, помогает мне в церкви... И не он один! Да и ты сам посуди - пусть даже самый закоренелый злодей мимо проедет и церковь увидит; сто раз такое случится... а на сто первый вдруг вспомнит он, что ведь воспитывался в вере христианской; оглянется на жизнь прожитую и увидит за собою грехов тьму. И воззопит душа его, воззовет к покаянию... И так ведь бывало! Нет предела милосердию Господа - в каждой душе заронена им малая искорка божья. В одних сердцах она полыхает ярким пламенем, в иных - едва тлеет. И тут для того я, чтобы раздуть в душах несчастных разбойников эту искорку возможно ярче! А мне это порою удается. Так надо ли и дальше доказывать тебе, брат мой, как я счастлив?!.

Произнося эту речь, священник преобразился; глаза его излучали мягкий и ровный свет, а голос окреп и пронизан был вдохновением... Тут-то и понял Богдан всю глубину его счастья,- которое ему, Богдану,- увы, недоступно. Его счастье в другом...

Но, если вдуматься,- а и счастье ли это?.. Да, берегут запорожцы от ворогов свою Родину - мать - Украину; и это счастье! Но ведь вот казак - он любит сладко выпить да вкусно поесть, а откуда деньги на то? А награблены они; атаман Удача гордится тем, что, не получив ни единой раны, сразил в боях столько врагов,- а сколько же сотен сирот проклинают его, молят Бога о каре?..

- А что ты все меня братом кличешь? - скрывая смущение, перевел беседу на другое казак.- Я ведь тебе в сыновья гожусь, паче того - во внуки!

- Ну, а как же? - удивился священник.- Все люди - прежде всего братья. Я исходил множество земель, видел множество племен и народов, и все они созданы по образу и подобию Божьему,- он наш единственный отец! А дети отца одного - братья.

- Много земель? - спросил заинтересованный казак,- что же ты искал там, на чужбине?

- Добра и истины. Я потратил на это всю свою жизнь, и вот наконец Господь смиловался - и я обрел то, что искал: Православие! Ибо тот, кто всею душой стремится к истине и правде, не поддаваясь на дьявольское искушение, рано или поздно приходит к Православию...

- Истинно так,- негромко вставил молчавший до этого Ермак,- я и сам в этом убедился... А ты не знаешь, кто это такой? - с лукавой улыбкой кивнул он на Богдана.

- Конечно, знаю.

- Как так? Уж не ясновидящий ли ты? - воскликнул казак.

- А зачем быть ясновидящим? Одет ты по-запорожски, да и речь твоя тебя немного выдает... Я-то ведь в странствиях бывал у вас на Украине.

- Верно,- кивнул атаман,- и знаешь, кто отец его? Степан Безрукий, Удача по прозвищу. Помнишь ли его?

- Вон как?!. Да как же могу забыть я его, избавителя нашего от полона турецкого? Ты, брат,- обернулся он к Богдану,- как вернешься домой, передай батьку твоему поклон земной, скажи, от Митьки пришлого... Обязательно передай!

Помолчали.

- Скажи, почему у тебя лишь один только образ и висит - ты ведь и сам иконы писать сподоблен? - спросил запорожец.

- Дорог мне образ этот,- задумчиво произнес старец,- да и не мне только! В нем, брат мой, святости поболее, нежели в десятке иных...

- Вот и рассказал бы Богдану про него! - подхватил Ермак.

- Конечно, расскажу,- кивнул старик,- расскажу! Но вначале давайте поедим,- сам-то я раз в день ем, но как гостей не угостить,- вы ведь, поди, проголодались? Мяса, правда, не найдете вы в жилище моем, не ем я его, но рыба моя, скажу не хвлясь, приготовлена на славу!

Глава 2. “Триста лет назад...”.

Пообедав, они вышли наружу. День был в разгаре, но солнце, сокрытое набежавшими тучами, давало немного света и совсем не грело. И без того опресненные осенью, блеклые краски увядшей природы в этом сером неверном свете,- и вода, и небо, и степь - подавляли не столько своим унынием, сколько угрюмым и мрачным однообразием. И даже эмаль на стенах полуразвалившегося дворца, поразившая Богдана своей яркостью утром, при свете,- и она сейчас казалась тусклой, словно бы покрытой налетом пыли.

Но старый священник, с наслаждением вдохнув свежий студеной воздух, произнес тихо и радостно:

- Господи, как хорошо-то вокруг! Семь десятков лет смотрю я на мир,- и не устаю дивиться красе его...

- Да разве красиво теперь? Осень ведь.- осторожно заметил Богдан.

- Осень. Но она знаменует мудрую гармонию природы - трава умирает, развеив по ветру свои семена, которые дадут всходы весной. А степь тебе, брат, кажется неприглядной потому, что ты смотришь на все это лишь глазами. Но попробуй взглянуть на нее и душой,- и ты узришь ее, эту красоту...

- У нас в Вильне, в тамошней Академии, был профессор из монахов католических, отец Бенедикт, так вот он тоже...

- В Вильне, говоришь ты? - спросил священник,- а скажи-ка, не было ли случайно у этого самого Бенедикта небольшого увечья,- отсутствия двух пальцев на левой руке?..

- На... на правой,- даже заикнулся казак от удивления,- но он, как я знаю, никогда не бывал на Руси! Так откуда же ты...

- Да, на Руси он не бывал,- кивнул священник,- но зато мне пришлось побывать там, где жил он! Мы получили воспитание в одном с ним монастыре.

- Я ведь,- пояснил он,- видя еще более глубокое изумление запорожца,- я ведь был вначале католиком. Но потом понял всю глубину заблуждения этой веры! Что стоит хотя бы продажа индульгенций - Иисус изгонял торговцев из храма, а Церковь, мнящая себя святою, занялась торговлей! И не только это; вспомни, ты ведь должен знать историю, если учился в этой Академии,- вспомни о тех бесчисленных войнах, что столетия терзали Европу,- возмутилась ли католическая церковь? Нет!.. Больше того - иные из этих постыдных войн она оправдывала. И католическая церковь - именно она! - исторгла из себя такое исчадие ада, такое сатанинское учение, как лютеранство, как кальвинизм... А наша же, Православная церковь? И она ведь благославляла порою людей взять в руки меч,- но для защиты своей Родины, ибо такая война,- единственно возможна в понимании христианина! Православная вера идет от Господа и учеников его, протестанты же взяли за основу нечестивый бред еретика Мартина Лютера. И католическая церковь не смогла погасить этот дьявольский огонь, превратившийся в пожар, объявивший всю Европу!..- закончил он печально и гневно.

- Мы собрались, чтоб не о том ты рассказал нам, отче Димитрий! - негромко напомнил Ермак.

- Ну, слушайте же.

Старец минуту помолчал, как видно, успокаиваясь, и начал рассказ свой...

- Ну, слушайте же... Так было: больше трех веков назад в земле этой ни русский, ни какой другой человек не мог появиться без специального на то разрешения, без тарханной грамоты или ярлыка, как говорили тогда. В то страшное время всей землею этой, многими другими землями и почти всей Русью владели нечестивые мунгалы; неподалеку от мест сих была их столица, город Царай, который на Руси звали Сараем. Развалины его стоят в степи на берегу Ахтубы и поныне... А вот здесь, над Волгою,- он указал в сторону реки,- здесь помещался летний дворец мунгальских правителей; вон его развалины. Во дворце этом любил проводить лето и осень Берку-хан, царь мунгалов, бывший закоренелым язычником и человеком столь свирепым, сколько может стать им невежественный дикарь. С ним приезжала во дворец и его семья.

Еще когда на престоле сидел его брат Бату, разоривший многие земли,- и в их числе Русь,- еще тогда в темной душе Берку проснулось благое чувство - любовь: полюбил он слепо и крепко одну из жен брата, красавицу Юлдуз. Но та вскоре умерла; спустя год умер и сам Бату. Царем стал его сын, Сатрак, но процарствовал всего несколько месяцев: Берку убил его и провозгласил себя повелителем мунгалов.

А задолго до этого, вскоре после смерти той, что полюбил Берку,- одна из жен родила ему дочь; и неожиданно для себя царь увидел в личике младенца черты лица той, которую он некогда любил. И повелел он назвать девушку Юлдуз, что по мунгальски означает “Звезда”.

Проходило время; Юлдуз расцветала, подобно цветку под весенним солнцем, и все больше и больше становилась похожей на ту женщину, что смогла вселить в сердце Берку любовь,- или, может быть, так просто казалось свирепому царю,- не знаю; но хан любил ее больше жизни, и выполнял любое ее желание.

Господь наградил девушку не только красотой; она была с детства кроткой и доброй, и ее доброта спасла немало жизней,- иногда она останавливала свирепого царя, вознамерившегося казнить кого-нибудь за малый проступок. А он благоговел перед дочерью и не мог и помыслить о том, чтобы все-таки поступить по-своему...

Наконец Юлдуз минуло пятнадцать лет; тою весною, как и всегда, она вместе с многочисленным семейством царя переехала в летний дворец.

В то лето произошла с ней какая-то перемена... В последние несколько месяцев она, всегда живая и веселая, внезапно охладела к привычным забавам; редко, очень редко появлялась Юлдуз среди подруг - царевен, которые или водили хороводы на опушке леса, или катались на качелях, или же на нарядной лодке наслаждались прохладой на голубой глади Волги.

Ее не волновали звуки песен, исполняемых лучшими певцами; не радовали взор ее ослепительная роскошь дворцовых покоев и блеск нарядов и драгоценностей; не останавливался задумчивый взгляд на лихом наезднике, вихрем проносившемся на горячем скакуне мимо дворца... Нет, все это казалось ей надоевшим и скучным. Она хотела чего-то иного... Но чего, чего же?.. В сотый раз спрашивала девушка себя об этом. И не находила ответа...

В это лето, на исходе августа, проходил мимо ханского дворца человек... Шел он изда- лека: в кровь избилась босые ноги, обтрепалась одежда, а лицо почернело от ветра и солнца. За руку вел он двоих малых детей - мальчика и девочку, совсем еще крохотных, но глаза которых были не по-детски серьезны и печальны.

...Два года назад ворвалась в небольшое село, где этот человек был священником, мон- гольская сотня. Пока одни воины ловили в ужасе разбегающихся детей и подростков, другие шарили в погребах и клетях, и кто-то из них случайно поджег одну избу; огонь перекинулся на другие и мгновенно занялась пламенем и стоящая тут же деревянная церковь.

Забыв о доме, о собственной семье, метался несчастный священник среди бушующего пламени, вынося образа, пока охваченная огнем кровля не обрушилась и не погребла его под собою...

Очнулся он после двух недель беспмятства, перемежающегося горячечным бредом, в котором душа его зависала между жизнью и смертью; сутки спустя после пожара уцелевшие селяне услышали из-под бревен тихий стон, извлекли несчастного и отнесли его в землянку к полуслепой старухе, ведавшей целительную силу лесных трав. И вот ее настои, отвары и мази сделали свое дело,- несчастный наконец очнулся и слабым голосом попросил пить.

Но лучше бы ему не очнуться вовсе! - так подумали люди. Ибо предстояло ему узнать, что двое его малолетних детей, мальчик и девочка, увезены лиходеями неведомо куда, а жена, не вынесшая горя, слегла и в тот же вечер скончалась...

Велико было его страдание... Но к весне он поправился, и, едва встав на ноги, тотчас же принялся расчищать пепелище для постройки новой церкви. Работал он в одиночку: было время весеннего сева, и он не хотел отрывать землепашцев от их работ. Но, отсевшись, они помогли ему, и к осени церковь была готова. Оставалось расписать и освятить ее.

Закончив постройку, священник тотчас же тронулся в путь, и скоро был уже в Киеве, у митрополита; он рассказал ему о своем горе и о том, что долг свой перед прихожанами он выполнил. Остался теперь долг перед семьею,- почти такой же важный. Почти...

Митрополит, выслушав его, согласился: в церковь отправил он несколько иконописцев и молодого монаха - править службу в церкви до возвращения священника. А тот, выхлопотав себе пайцзу - деревянную дощечку, дающую право на проход по мунгальским землям, направился в Сарай - на поиски своих детей.

Но страшное разочарование ждало его там: оттуда, с сарайского рынка рабов, проданные мунгалами в рабство расходились по всему свету. Легче было сыскать песчинку на речном берегу, нежели найти человека, полоненного мунгальскими хищниками!

В унынии и скорби пребывал несчастный человек. И, выкупив из плена первых попавшихся детей - мальчика и девочку, двинулся он назад, в родное село. Своих детей он потерял безвозвратно; что ж! Эти, неведомо какого рода - племени дети станут его детьми...

Он переправился через Волгу здесь, в этом месте. Не хотелось ему останавливаться на ночлег вблизи жилища свирепого царя, но ветер нес из степи тяжелые тучи - скоро должна начаться гроза. К тому же девочка очень устала и украдкой вытирала слезы. И он решился - отойдя от обиталища Берку на несколько сотен шагов, он остановился. У ствола росшего на берегу этой, тогда еще безымянной реки, дерева наскоро соорудил он шалаш и вместе с детьми поспешил укрыться под его ветхими сводами, ибо косые струи дождя хлестали землю уже совсем неподалеку.

Проглотив свой нехитрый ужин, усталые дети тотчас уснули; скоро кончилась и гроза. Пора бы и отдохнуть, но сегодня ему почему-то не спалось; он выбрался наружу и сел возле шалаша. Между тем стемнело, а он сидел у входа в шалаш, погруженный в свои думы.

Как красиво было кругом!.. Солнце уже закатилось, и над горизонтом повисло грустное лицо луны, залившей своим неярким ровным светом окрестности. Едва уловимый ветерок ласкал лицо человека, принося из уснувшей степи легкий запах полыни. На задумчивой, сонной воде речки вели наторопливый танец свои лунные блики, а лес, насыщая воздух терпким духом хвои, тихонько вздыхал во сне...

Боже, какая дивная красота! Да вдохни этот теплый пахучий воздух, осмотрись вокруг, человек, всем сердцем своим восчувствуй дивную прелесть ночной степи, и разве возникнет у тебя желание куда-то идти, кого-то убивать, сеять где-то холодный мрак и слезы?..

Глубоко вздохнув, священник оторвался наконец от своих дум и поднял голову. И тут-то до его слуха донеслось чье-то негромкое пение. Он прислушался - да, сомнений не было: песня несется со стороны дворца, из низких сараев, что лепились к самой опушке. Но откуда тут, в мунгальской степи, оказались неведомые эти певцы, поющие по-русски?..

И, заинтересованный, он поднялся на ноги и направился прямо к сараям, стараясь не приблизиться к страшному дворцу.

Оказалось, что там, в низких и душных сараях, живут рабы, обслуживавшие дворец. Почти все они оказались его соплеменниками...

Священника они встретили с глубоким удивлением,- откуда взялся он здесь, так далеко от Руси, в чужой враждебной стороне? Это было похоже на чудо...

До глубокой ночи продолжалась их беседа... К каждому из несчастных у священника нашлось слово - Слово утешения. И тут кто-то из невольников попросил окрестить детей, родившихся тут, в неволе. Священник согласился.

Тотчас же двое умельцев принялись вырезать из дерева крестильные крестики, и скоро нужное их количество было изготовлено. А священник меж тем начал свое таинство; вместо купели ему служило деревянное корыто, из которого поили скот - иного не нашлось.

Но вот уже заалел утренним светом восток; проснувшиеся к тому времени царские воины - нукеры увидели все это - и, не взирая на мольбы рабов, поволокли дерзкого, осмелившегося приблизиться ко дворцу, к своему свирепому хану - на суд и расправу.

Он был недолгим, этот суд,- выслушав нукеров, Берку велел обезглавить пришельца. Но тот попросил о последней милости - позволить ему завершить свой обряд, а потом уж казнить, если всеильный царь так решил.

Дикарь внезапно расхохотался - такое упорство неожиданно пришлось ему по душе, ведь он и сам был человеком упорным! К тому же сегодняшняя охота обещала быть хорошей, и потому он велел священнику закончить обряд и немедленно убираться прочь. Возблагодарив царя, священник закончил обряд и, наскоро простившись с несчастными невольниками, вместе с детьми поспешно пошел прочь, не желая искушать судьбу; к вечеру он был уже далеко.

А ночью в ханский шатер, разбитый на лесной поляне, из дворца прискакал гонец, который, дрожа от страха, сообщил, что любимая дочь хана, царевна Юлдуз, внезапно заболела и едва не при смерти...

Снеся гонцу голову взмахом сабли,- мунгалы всегда поступали так с теми, кто приносил им черную весть,- Берку вскочил на коня и умчался прочь. Нахлестывая храпящего коня камчой, летел всадник через лес, рискуя ежесекундно вылететь из седла споткнувшегося коня или же быть сбитым нависшей над тропой веткой. По лицу его стегали ветки и хлестал начавшийся дождь, но он не думал об этом - все его мысли были там, во дворце.

Не произнеся ни слова, весь следующий день и последующую ночь просидел он у постели больной. Вокруг суетились и хлопотали придворные лекари, на дворе перед дворцом завывали шаманы, творя свое колдовство,- но к вечеру больной стало еще хуже, и она впала в забытие...

Под утро царь забылся сном. Очень коротким был тот сон - всего лишь несколько минут или даже несколько мгновений. Но во сне ясно услышал берку неведомый голос, произнесший девять слов,- всего только девять. А число девять почиталось у мунгалов священным. Голос тот изрек: “ Царевну спасет лишь тот человек, которого ты видел вчера...”

Точно от толчка пробудился хан, и тотчас же вспомнил о священнике. Ни думая ни минуты, кликнул он своих нукеров, и те, выслушав приказ, вскочили на коней и умчались в степь.

Что же было делать несчастному священнику?.. приведенный нукерами во дворец, он едва лишь взглянул на больную - и ужаснулся: ему ли спасти ее, если тщетны усилия самых лучших лекарей?! Приходилось ему дома лечить простуду и прочие мелкие хвори у детей; но тут!.. И страшно было то, что Берку обещал отрубить ему голову, если он не сумеет ей помочь. Это, конечно, ужасно! Но еще ужаснее то, что свирепый владыка мунгалов посулил, если его дочь умрет, предать мучительной казни всех живущих во дворце рабов - всех, от мала до велика!..

В отчаянии он вновь оглядел больную: сухие пылающие губы, лихорадочный румянец щек, хриплое торопливое дыхание - все это говорило о том, что, верно, недолго проживет на свете несчастная девушка... Что же делать?

И он решил использовать последнюю и единственную свою надежду - обратиться за помощью к Господу Богу. А что же еще оставалось ему?!.

Трижды осенив больную крестом, приладил он в углу комнаты небольшой обгорелый образок. Его он принес с собою еще с Руси - отправляясь в свой дальний путь, он повесил его на грудь себе. Этот образок был зажат в его руке, когда сельчане извлекли его, обгоревшего, из-под обугленных бревен; с тех пор священник не расставался с ним.

Установив образок, опустился подле него на колени и принялся молиться...

Он читал молитвы, ни на секунду не прерываясь, весь вечер. И всю долгую ночь. А когда за окном забелел мутный свет раннего рассвета, больная - впервые за столько часов! - пришла в себя и едва слышным от слабости голосом попросила пить. Священник, видя в этом доброе предзнаменование, продолжал молиться.

Больше сознание уже не оставляло Юлдуз; в полдень она попросила есть,- и проглотила несколько глотков жидкой шурпы. Потом она пожелала, чтобы ее вынесли на воздух,- и желание ее было исполнено.

К вечеру Берку, угрюмо сидевший в своей комнате, услышал в дверях негромкий шорох.

Он поднял голову, ожидая увидеть на пороге вестника, который принесет ему самую черную весть в его жизни,- да так и замер: на пороге стояла его любимая дочь! Бледная, изнуренная хворью, она оперлась о дверной косяк, но на губах ее дрожала слабая улыбка...

Посещавшая иногда Берку дикая ярость не знала границ, но еще более беспредельной была охватившая его бешеная радость!

А священник, не видя всего этого, все молился и молился, и тревожные мысли путались в его голове; как царевна, жива ли она? И - сколько проживет еще, выживет ли?.. На все существует воля Всевышнего, - и она исполнится. И он верил в безграничное милосердие Господнее.

Теперь он не шептал слов - нет, он произносил их в полный голос, вкладывая в них все свое существо, чтобы хоть как-то, на короткий миг отвлечься от дикой боли в одеревеневших от нечеловеческого напряжения спине, ногах и пояснице - ведь он более суток не вставал с колен, молясь и отбивая поклоны. Только бы выдержала плоть! А рассудок - выдержит: достаточно лишь представить тех,- а их ведь более двухсот человек! - кто там, в душных сараях, как и священник молился о чуде!

Но внезапно ему показалось, что разум его все же помутился от невиданного напряжения: на него внезапно низвергнулся золотой дождь!.. Он зажмурил глаза, вновь открыл их,- нет, и правда: золотые монеты потоком падали на его голову, с веселым звоном катились по полу...

Повернув голову вбок, он увидел двух нукеров, державших в руках тяжелый открытый сундук. А сам грозный хан Берку горстями захватывал из сундука наполнявшие его золотые монеты и осыпал ими священника; лицо царя было искажено свирепой гримасой радости. Так значит?..

Опершись руками в пол, священник попытался встать, но окаменевшие, словно бы чужие ноги не разгибались и лишь отозвались нестерпимой тупой болью; бессильно подогнулась и правая рука - и, теряя опору, измученный человек провалился в теплую, мягкую яму...

Спал он долго, до полудня следующего дня. А проснулся от того, что его потрясли за плечо,- осторожно, но настойчиво. Он открыл глаза и огляделся.

Лежал он в какой-то небольшой комнате, на ложе из мягких тюфяков. Рядом с ним на коленях стоял молодой мунгальский воин - бесстрастное лицо, холодные пристальные глаза. Поверх бектера - алый плащ, а на левом плече матово поблескивает бронзовый знак десятника.

- Привет тебе, великий урусский шаман.- бесцветным голосом произнес он, наклоня голову в знак почтения.- Сам Повелитель Сильных, наш Великий Хан призывает тебя к себе. Пойдем! И добавил тише и мягче:

- Не бойся - он хочет наградить тебя... Вставай же!

Глава 3. “Озаренная светом”.

Священник не отказался от предложенной царем награды. На это золото он выкупил из неволи всех рабов, которые томились во дворце хана, и они, заливаясь слезами от счастья, ушли на Русь, все еще не до конца поверив в то, что это не чудесный сон, но чудесная явь. С ними священник отправил и своих приемных детей.

Он решил расстаться с ними – на это была причина.

В тот же день во дворец пригнали столько новых невольников, сколько было и раньше. А в окрестностях, в многочисленных дворцах царевичей и мурз томились многие тысячи таких же рабов, многие из которых,- да что там многие, почти все - были с Руси. И всех их из неволи не выкупишь...

Вот тогда и понял священник, что место его - здесь. Здесь, где в голоде и страданиях, оторванные от Родины, обречены до конца дней своих мучиться несчастные его сородичи.

Да, - он не мог выкупить их из неволи; да, он не мог даже просто накормить и обогреть их - но он мог ободрить их, заставить - пусть и на короткий миг! - забыть свои горечи и несчастья. Он мог поддержать их в минуту скорби, - а они в этом так нуждались! И священник испросил у Берку еще одну милость - разрешить ему остаться и поселиться вблизи дворца.

Не долго думая, хан согласился, - он рассудил, что присутствие этого человека может оказаться полезным; а вдруг захворает еще кто-то из его семьи? Тогда священник вновь может помочь, подумал Берку.

В середине осени ханская семья покинула дворец, чтобы вернуться туда поздней весной, когда спадет половодье, а тополя и ветлы по окрестным берегам оденутся кудрявой пушистой зеленью.

И каково же было удивление Берку, когда он увидел, что совсем неподалеку от дворца, всего шагах в трехстах, стоит небольшая деревянная церковь.

Это не на шутку его разозлило: как? У самого его дворца - и храм русского Бога?! И он велел немедленно привести к себе дерзкого священника.

На этот раз толмач был не нужен - священник и сам достаточно хорошо говорил на языке мунгалов. И когда царь гневно спросил, как он осмелился поставить здесь свой храм, священник почтительно, но без робости заявил, что во сне к нему явился посланец русского Бога и повелел сделать это.

Берку уже знал тогда, что русская вера учит своих последователей любви к ближнему, доброте и кроткости. А хану не нужны такие верования - ведь свирепые мунгальские божества завещали ненависть ко всем другим народам и призывали к войне с ними. И опасаясь, что христианство может проникнуть и в сердца его воинов - а они ведь кочевали в этих местах, мунгальский царь - достойный питомец своих богов - велел разрушить Дом Русского Бога, - так мунгалы называли церковь.

Но за зиму священник выучил не только язык мунгалов, - общаясь с ними, он познал их обычаи, их нравы. И, услыша страшные слова Берку, он не испугался, но сказал твердо:

- Вспомни, о царь, когда заболела твоя дочь, кто исцелил ее? Твои шаманы, лекари - или мой Бог? И если ты повелишь разрушить церковь - не страшишься ли ты гнева моего Бога?.. Вспомни, что говорит о вере Ясса!

А Ясса - книга, сочиненная их первым царем Чингизом, - учит, что не следует в покоренных землях разорять храмы и обижать веру, дабы не навлечь на мунгалов гнева тамошних богов. Поистине варварское рассуждение! Но Берку помнил об этом.

И велел тогда царь церкви не разрушать и отпустил священника.

Да, прошедшая зима не прошла даром для этого деятельного человека! С помощью живших при дворце рабов - а зимою им не было почти никакой работы, - он построил церковь, и теперь каждое воскресенье, каждый праздник в ней проходила служба. Приходили на нее не только невольники из дворца, но и те рабы, чьи хозяева кочевали неподалеку. Там же, в церкви, крестил священник младенцев, родившихся в неволе. А в будние дни обходил он мунгальские кочевья, навещая тех невольников, которые не могли посещать церкви.

Попутно он знакомился и с самими мунгалами, изучал их язык и обычаи. Кочевники эти были дикарями, - а всякий дикарь, самый свирепый, во многом подобен малому ребенку: он доверчив и любознателен, и если ты пришел к нему без оружия, не имея в сердце страха, но неся ему доброе и искреннее слово истины, - о! Тогда ты сможешь стать ему другом и просветителем, и он со вниманием будет слушать тебя. Это так, и сам я не раз имел возможность в этом убедиться...

Старик на минуту смолк, как видно, что-то вспоминая. Потом заговорил опять:

- Священник беседовал с мунгалами, учил их ловить рыбу, советовал, как весною возле кочевья посадить овощи (до этого кочевники не ели рыбу и не занимались огородничеством); лечил их детей. О религии он никогда сам не заговаривал, но если спрашивали - отвечал подробно и охотно. И со временем мунгалы привыкли к нему; возвращаясь с охоты, иные из них заворачивали к его землянке, вот этой, в которой живу я, чтобы поделиться с ним добычей, уделяли толику уловленной рыбы и рыболовы.

Рассказывают, как-то священник зашел в мунгальскую хижину, где находился больной ребенок. Убитый горем отец поведал, что шаман запросил с него за выздоровление сына трех коней, которых нужно принести в жертву мунгальскому богу Сульде, а у него только две лошади. Так, может, его ребенку, его единственному сыну поможет русский Бог? Говорят, он добр и милосерден...

Священник был в затруднении: сегодня он непременно должен был покинуть кочевье,- завтра ведь воскресенье, и его с раннего утра будут ждать на трескучем морозе его соплеменники, невольники, среди которых немало тех, кого жестокосердные хозяева отпускают в церковь так редко. Неужто их ожидание будет напрасным?

Но если он уйдет, ребенок едва ли выживет...

И священник остался... Два дня и две ночи провел он у постели больного, то читая молитвы, то приготавливая отвар из сушеных трав и кореньев, запас которых всегда был с ним в его странствиях по кочевьям. Служба в церкви в то воскресенье не состоялась - но ребенок поправился!

Мунгал, отец мальчика, приехал в землянку священника перед весною и привел с собою коня - в дар за спасение сына. Священник отказался, говоря, что за добрые дела плата не нужна, но дикарь (впрочем, дикарь ли?..) объяснил, что он дарит эту лошадь русскому Богу - чтобы священник, его слуга, смог бы донести свое слово и свое умение до самых отдаленных кочевий,- верхом до них легче добраться.

Долго не спал в ту ночь счастливый и взволнованный священник,- он размышлял о том, что посеянные им семена добродетели и любви к ближнему не всегда попадают на каменистую почву,- и вот тому пример: темная душа язычника оказалась живительным черноземом для этих семян, она оказалась способной на поступок, достойный истинного христианина...

Иногда мунгалы приходили и к нему в церковь; иные из них взирали на роспись стен и обстановку с праздным интересом, но кое-кто рассматривал все это внимательно и пылливо, а потом подходил к священнику с расспросами. Не только двери храма - но и душа и сердце "урусского шамана" были открыты для всех...

А стоящий неподалеку дворец жил своей, шумной и праздной, жизнью: царь и мурзы охотились, устраивали скачки и поединки нукеров, соревнования стрелков или просто пировали. Многочисленные царские жены, наложницы и их дочери то слушали певцов и сказителей, то катались по Волге на лодке или танцевали и пели. Но среди них не было прекрасной Юлдуз!..

Царевна охладела к этим некогда привычным и желанным ей забавам. Полюбила она, сидя в своей комнате на женской половине дворца, подолгу находиться у открытого окна долгими летними вечерами. В покойном неярком свете угасающего дня темнел и о чем-то шептал засыпающий лес, на опушке которого застыла церковь. И что-то неизведанное, зовущее было в этих простых бревенчатых стенах, в кресте над крышею, в невысокой колокольне. Таинственным, неведомым девушке покоем и умиротворенностью веяло оттуда; незримая мягкая и властная сила влекла ее туда, к церкви,- и с каждым днем все отчетливее становилось это влечение...

Пришла осень; пролетело короткое бабье лето,- приближался день отъезда царской семьи в Царай. А вечером за день до этого священник допоздна задержался в церкви. Он уже задул свечи и собрался выходить, как вдруг слабый свет, льющийся из дверей, померк. Он поднял

голову - в дверях темнела закутанная в длинное покрывало женская фигура. Удивленный, шагнул вперед священник,- но вопрос его так и застыл у него на губах. В этой женщине узнал он царевну Юлдуз!

Вновь в пустом храме вспыхнули свечи; до глубокой ночи проговорили они. А когда небо на востоке едва заметно посерело, возвещая приближение рассвета, девушка выскользнула наружу и, оглянувшись, поспешила ко дворцу. В своей комнате, зажегши светильник, она разжала правую ладонь, в которой был зажат вырезанный из дерева крестильный крестик. Девушка стала христианкой!

Выслушав священника, который по ее просьбе рассказал ей, что представляет христианская вера, поведал о делах и страданиях Иисуса Христа,- выслушав все это, царевна на несколько минут задумалась... И, подняв голову, твердо попросила ее окрестить, приняв тем самым в лоно христианской церкви.

- А хорошо ли ты подумала, дочь моя? - пристально заглянув ей в глаза, спросил священник,- понимаешь ли ты, на что идешь? Знаешь ли, как велик будет гнев твоего грозного отца, если он узнает об этом?..

- Я знаю это,- упрямо отвечала она,- но ведь я поняла, что ты рассказывал мне сейчас. Скажи, какого гнева следует опасаться больше - гнева моего отца или же гнева Бога?..

Что мог возразить священник на этот, такой простой и ясный, вопрос?

А девушка продолжила:

- Теперь я поняла, что послужило причиной моих душевных исканий. Просто моя душа искала истинного света! И вот нашла его.

И священник согласился.

На следующий день ханская семья покинула дворец. А священник всю долгую зиму размышлял - а правильно ли он поступил? Что будет с ним, если обо всем узнает ее ужасный отец?.. Ведь, кроме того, что он предаст священника мучительной смерти, он непременно велит разрушить церковь, и никогда более не допустит в эти земли священнослужителей!

Но мог ли он оттолкнуть пришедшего к нему человека, который сам, душою своею, открыл для себя истину, Высшую Истину? Это было бы тяжким грехом для него! Нет, он не мог отказать девушке.

Весною, в марте, к Берку по важному делу пришел один из его вельмож,- он заявил, что его дочь, подруга царевны Юлдуз, видела у той деревянный крестик. Так что же - царевна - христианка?!

Расхохотавшись - слишком нелепыми показались эти слова Берку,- правитель мунгалов велел бросить в яму мурзу - доносчика. Он не поверил его речам. Но и не забыл их...

На следующий день к нему подошла его любимая дочь, Юлдуз. Поздоровавшись с отцом, она сказала, что имеет к отцу просьбу. " Говори ",- велел царь, для которого просьба Юлдуз всегда была законом. А та попросила его разрешить ей завтра покинуть Царай и с небольшой свитой - несколько близких подруг и служанок, полсотни воинов охраны,- выехать в летний дворец.

Пристально посмотрев в лицо дочери, Берку минуту помедлил...

- Хорошо! - наконец кивнул он головою. Дочь, поблагодарив, ушла, а царь долго и задумчиво глядел ей в след...

Спустя неделю, уже в начале апреля, он вновь услышал то же самое, что и раньше слышал от доносчика,- уже от другого человека. Он ничего не ответил,- лишь велел ему никому про то не говорить. И через два дня, под вечер, покинул он столицу, выехав тайно из Восточных Ворот, которые обычно бывали закрыты. С собою царь взял всего десяток самых верных нукеров. Обогнув город, маленький отряд поскакал по степи, направляясь на закат, к Волге.

Уже глухой ночью переплыли они на другую сторону реки повыше дворца и, никем не замеченные, углубились в тревожно шумевший под ветром лес.

А окна церкви, несмотря на позднее время, светились неярким и теплым светом множества свечей. Была Пасха,- и прихожане всю ночь бодрствовали, проводя время в молитвах, и у всех у них было так радостно и спокойно на душе!

Берку же, вновь ударяя коня плетью, вдруг вздрогнул,- так сильно и неожиданно злая тоска точно железным обручем сдавила его сердце, недобрые предчувствия черным туманом окутали разум. Скрипнув зубами, вонзил он шпоры в конские бока,- и выскочившие на опушку всадники вслед за ним устремились прямо к церкви. Влажная мягкая земля заглушала конский топот,- казалось, не люди вовсе, а злые демоны летят над самой землей во мраке...

У самого входа в храм Берку натянул поводья, соскочил наземь, пинком ноги распахнул двери - и ворвался вовнутрь.

О! Даже при кровавом Лигнице, когда над его головою взметнулся тяжелый рыцарский меч, ему не было столь тяжело! Церковь была полна народу, и среди русских рабов он увидел и с десятков мунгальских воинов,- и они, и они тоже молились русскому Богу! А впереди всех, перед алтарем, стояла на коленях его дочь...

Гневу царя не было предела! Юлдуз и священника скрутили веревками и оттащили прочь; бывшим в церкви воинам переломили спины,- мунгалы казнили своих без пролития крови. Русских же рабов Берку велел запереть в церкви и поджечь ее.

Но пламя не брало деревянных стен! Даже когда принесли "греческий огонь", то и он оказался бессилён: выплеснутый на стены, горел он ярким горячим костром,- но сухие бревна не загорались, точно каменные...

Тогда, разъяренный и потрясенный еще более, хан велел подвести к нему дочь и священника.

По его знаку нукеры распутали им руки, привесили на шею по тяжелому, обвитому веревкой камню. Их подвели к Берку, который недвижно, точно злое изваяние, сидел в седле у самого обрыва. Девушку и ее спутника поставили перед ним.

- Урусский шаман! Отвечай: ты хочешь жить?

- Все живое, о царь, хочет жить,- поднял на него глаза священник, и в глазах этих была тоска,- но не было страха.- И я тоже...

- Тогда скажи мне,- хриплый и натужный голос хана ржавым карканьем прозвучал в мягкой тишине весенней ночи,- какими чарами, каким колдовством удалось тебе обратить мою дочь в эту проклятую веру?

- Это не колдовство, о царь,- вздохнув, спокойно отвечал священник,- и совсем не моя заслуга! Просто светлая душа твоей дочери сама нашла истинный путь в жизни. И произошло это по воле Божьей; я же лишь посильно способствовал этому и окрестил царевну. И если ты хочешь кого-то наказать,- накажи меня, ибо ты только человек и не в силах наказать Бога, а царевна не виновата!

Берку медленно повернул голову к дочери.

- Сейчас он умрет. Умрешь и ты, если тотчас же не отречешься от этой веры!

- Ну что же,- помедлив, подавила вздох девушка и вдруг решительно вскинула голову,- ты волен лишить меня жизни. Но веры моей тебе у меня никогда не отнять!

- Но ты УМРЕШЬ - пойми это!...- Берку возвысил голос, и нотка отчаяния прозвучала в нем.

- Это ты не понимаешь меня, отец... Моя душа озарена светом истинной веры, и я знаю - лучше минута такой жизни, чем сотни лет существования в том мраке, в котором пребываешь ты. Но тебе не понять меня... пока не пробудится спящая сейчас твоя душа. Молю Господа моего, чтобы это когда -нибудь случилось...

И тогда-то впервые и узнал свирепый и неустрашимый дикарь, что такое страх. Ему вдруг стало невыносимо жутко от того, что нашлась на свете сила сильнее его безграничной власти, сильнее смерти!

- Но... почему? Что тебе не хватало в жизни?! - почти простонал он, в бессилии и отчаянии сжав кулаки так, что из-под ногтей закапала кровь.

- Счастья,- просто отвечала царевна. - Мне не хватало счастья. Теперь я его обрела. И не отрекись от него - никогда!

Нет,- ее не сломить ничем. Он проиграл, побежден...

Не владея собою, хан заскрежетал зубами, и голова его бессильно упала на грудь. Несколько минут он молчал, затем медленно - медленно поднял голову. И, пытаясь проглотить застрявший в горле колючий комок, махнул рукой, признавая перед всеми свое поражение.

По этому знаку двое нукеров шагнули вперед и, взяв священника за плечи, приготовились столкнуть его с обрыва. Но голос царевны внезапно остановил их.

- Стойте! Отец, у меня есть последняя просьба к тебе...

- Говори! - с надеждой в голосе вскричал хан, делая воинам знак отойти,- говори!

- Я хочу спросить его,- произнесла Юлдуз, и первый луч восходящего солнца упал на ее бледное лицо, осветил стройный стан, отразился в черных глубоких очах, скользнул по разлету бровей, по алым губам... Она повернулась к священнику.

- Святой отец! По нашей христианской вере тело следует погребать в земле. Если же оно будет в воде, то тогда...

- Пусть это не страшит тебя, светлая царевна,- нашел в себе силы тепло улыбнуться священник,- что тело! Главное ведь - душа. Да, земные цари властны над нашим телом. Но душа наша подвластна лишь тому, кто судит всех. Цари могут погубить лишь тело, лишь отнять жизнь - но погубить душу они не в силах!

- Благодарю тебя, батюшка! - воскликнула девушка. На мгновение она замерла... перекрестилась... и вдруг, решившись, шагнула вперед.

- Юлду-уз!! - крик-стон Берку заставил всех содрогнуться - но ответом ему был лишь скорбный всплеск воды.

- Прими, Господи, душу ее! - неожиданно сильным голосом воскликнул священник, троекратно перекрестился и шагнул следом за царевной под обрыв, в реку.

Несмело вышедшие из церкви невольники стояли на коленях и молились, потрясенные увиденным. Берку, в один миг постаревший на десятки, быть может, лет, неловко сгорбившись, сидел в седле, и крупные слезы катились по его бледным щекам.

А над безбрежной землею, в ласковых лучах восходящего солнца, занимался новый светлый день,- день Святой Пасхи. Слава в Вышних Богу!.. Ровный свет растекался над речными берегами, наполняя живительным теплом тело и душу.

Глава 5. “Золотая звездочка”.

Старец наконец окончил свою печальную и светлую повесть и замолчал, задумчиво глядя на реку. Молчал и Ермак.

Богдан же порывисто вздохнул и поднял голову, точно возвращаясь в этот мир из того времени, о котором он только что слышал. Молодой казак воочию видел все то, о чем повествовал рассказчик: перед взором его стояли живые образы - и татарского хана с его сощуренными в злобе глазами, и доброе печальное лицо священника, и сама Юлдуз... Ее он видел настолько ясно и четко, что подумал даже - а не встречал ли он ее раньше? Юноша напряг память - и едва не вскрикнул от внезапной своей догадки: да ведь это же царевна Ибири Сузге предстала в его воображении! Да, это была она...

Молчание длилось долго. И вновь раздался суровый и печальный голос старца:

- Долгие месяцы после этого Берку был мрачен; случались дни, когда он не произносил ни слова, и ничто - ни пиры, ни жены, ни государственные дела не могли оторвать его от тягостных дум. А потом, уже глубокой осенью, он объявил о том, что принимает ислам...

Почему он сделал так?.. Не знаю; говорят, он побоялся обратиться к Богу, которому причинил столько зла, убив священника и свою дочь. Но и в прежней своей вере оставаться не мог. Как бы то ни было,- он стал мусульманином. Но той же осенью послал он гонца в Киев, к митрополиту Кириллу, с приказом прислать в Царай несколько священников, а когда те прибыли к нему, выделил им мастеров для возведения нескольких церквей, в том числе и в самом Царае. Наверно, этим поступком хотел он хоть отчасти загладить свою вину перед Господом, силу которого он познал воочию. Смерть царевны и священника не пропала даром,- в самом сердце языческого мунгальского царства появились малые островки христианской веры, - и люди потянулись к ним, как тянется мотылек к светлomu огоньку в ночном мраке...

- А как звали его, этого священника? - спросил Богдан.

- Не именами,- но делами своими знаменит человек,- отвечал старец,- имя его стерло беспощадное время. Деяния - вот что обессмертило его!

Запорожец посмотрел налево, на старую церковь. Да,- вот уже три века стоит она, упрямо подняв почерневшие стены средь мрака и злобы, витающих над землею.

А чуть дальше - обрыв; река текла довольно быстро, играя волнами, но там, под обрывом, блестело зеркало спокойной воды, и мнилось казаку, что какой-то тихий, яркий свет повис над водою, исходя из глубины; или это только почудилось?!

Но нет! Вот косые лучи вырвавшегося из-за туч солнца упали на темные воды; сияние стало ярче... и вдруг в глубине воды, на самом дне, ослепительно и коротко вспыхнули две крохотные золотые звездочки. Вспыхнули - и тотчас же погасли... Богдан невольно вздрогнул.

- Да, брат мой,- кивнул старец,- Ты видел сейчас их души...

Помолчали; скрытое за тучами солнце меж тем уходило за горизонт, а с востока, с Волги, накатывались сумрак и прохладная сырость...

Старик поднялся на ноги.

- Холодно становится,- вздохнул он, кашлянув,- моим же бранным костям это не по вкусу,- ломит. Пойдемте; чай, и ужинать уж вам пора...

- А ты чего ж, Богдане? - окликнул казака шедший вслед за старцем атаман,- пошли!

Но запорожец только мотнул головою и неторопливо двинулся вдоль берега к тому месту, где взметнул над водою свою кручу обрыв.

- Оставь его,- негромко молвил старик,- пусть он побудет наедине с собою. Это так нужно сейчас его молодой, пылкой душе...

- А как зовется эта река? - вдруг крикнул юноша, повернув к ним лицо.

- Когда-то она не имела имени,- отвечал старец,- но после того, о чем рассказал я, все люди - и православные, и язычники - стали называть ее одним именем - Царица.

- Царица... - точно эхо, прошептал Богдан.

- Да. И церковь эту с тех про зовут Царицыной Церковью, и место окрестное тоже... - старик уже хотел было войти в землянку, но вновь обернулся к Богдану:

- Тот священник говорил не раз, что когда-нибудь в этом чудном по красоте месте русские люди, сбросившие с себя путы татарского ига, воздвигнут прекрасный город - оплот христианской веры в этом девственном, дивном краю!..

* * * * *

... Как нестерпимо болят стянутые за спиною руки, как режет их грубый аркан! Но хуже всего то, что от этого тело потеряло привычную гордую осанку, ссутулилось. А может,- это страх близкой смерти клонит ниже голову, сводит плечи, заставляет напрячься лицо?

О нет! Сама смерть не страшит своим приближением, это сопротивляющаяся ей жизнь вселяет отчаяние, делает все, чтобы хоть на короткий миг отсрочить гибель. А душа? И душа ведь стремится к жизни; но душа понимает (хотя этого не хочет понять разум), что есть на свете

вещи посильнее смерти. Это - жертвование собою ради других; это побеждает ужас нетвратимости гибели, это дает силы смело взглянуть приближающейся смерти в ее пустые глаза!

Вот нукеры распутали руки и приладили на шею опутанный веревкою камень; холодный и мшистый, с мрачной неумолимостью тянет он вниз, туда, где под обрывом плещутся во тьме волны. Но тянет лишь тело,- душе же отчего-то легко и покойно.

Отец опять что-то говорит,- уже не грозит, а молит, увещевает... Но что его мольбы? Что ужас жизни, знающей, что сейчас ей на смену придет смерть? Не ужаснее ли бездна неверия, предательство веры? Отказаться, прельстясь на полную довольства и роскоши, но пустую духовно жизнь?.. Нет! Иисус ведь блажен вовсе не потому, что умер,- а потому, что не отрекся!

Край неба на востоке побледнел; мрачная холодная чернота ночи нехотя уступала звенящей розовой полосе,- знаку приходящего дня, как символ неизбежного торжества светлого над темным... Отречься?- Никогда! Царевна перекрестилась и, глубоко вздохнув, высоко подняла голову; неожиданно тяжкий камень показался ей на диво легким. И она смело шагнула вперед, навстречу светлому дню!

... Богдан поднял голову, приходя в себя. Что это было,- сон, наваждение? Он ведь видел, видел все это настолько ясно,- словно бы стоял рядом с царицей, слыша все ее мысли!

Да! Он видел все это. Но видел не глазами,- своей душою...

Между тем стало совсем прохладно; молодой месяц воздел свой узкий серп над темным горизонтом,- уже наступила ночь. А спать вовсе не хочется...

Но завтра ему предстоит трудный день, дорога - а значит, нужно хорошенько отдохнуть. Вздохнув, казак неторопливо направился к землянке.

Пес, завидев его, не лаял,- подошел, ткнулся теплым влажным носом в бедро, прося ласки. Остановившись и погладив вилявшую хвостом собаку, казак двинулся дальше - и вдруг застыл, точно наткнувшись на стену: так поразили его несколько донесшихся из землянки слов!

Осторожно, едва дыша, подошел он поближе, с минуту прислушиваясь к разговору атамана и священника,- и глубочайшее изумление не сходило с лица его. Потом наконец, не таясь уже, двинулся по ступенькам вниз...

... Утро выдалось тихое, серое и туманное. Ермак и Богдан наскоро перекусили, тепло простились с благословившим запорожца старцем и тронулись в путь; вот уже почти час шагом едут они вдоль левого берега Царицы.

Лес, по которому они проезжали вчера, скоро кончился, и с их стороны, и с противоположного берега реки тянулась теперь унылая осенняя степь, густо прорезанная морщинами оврагов. По дну их прозрачные ключи несли воду в Царицу; местами пологие, а местами крутые склоны густо заросли кустарником и засохшим уже разнотравьем.

Атаман был глубоко задумчив, не произносил ни слова; едущий за ним Богдан видел перед собою лишь его спину да затылок склоненной на грудь головы.

Ну, а молодой казак - он ни на минуту не забыл о тех словах, что слышал он вчера вечером из землянки; так и подмывало его спросить об этом Ермака, но, как он смутно догадывался, здесь была какая-то тайна, о которой ему, быть может, знать и ненужно. Но любопытство пересилило,- и он наконец решился; он заранее обдумал запорожец, как ему заставить своего спутника разговориться!

Тронув коня каблуками, запорожец поравнялся с атаманом, который, уйдя глубоко в свои думы, даже не заметил этого; тряхнув его за плечо, спросил Богдан,- спросил быстро, четко и громко:

- Ты не устал, Герман?..

- Что?.. - вскинул голову Ермак, и тотчас же вздрогнул, осмыслив происшедшее с ним секунду назад. Он тревожно и пристально всмотрелся в лицо Богдана; запорожец, в свою очередь, столь же внимательно глядел ему в глаза...

И вопрос, такой неожиданный для задумавшегося атамана, и его чисто механический ответ были произнесены на одном и том же языке.

На том, что и слова Ермака, случайно услышанные Богданом из землянки вчера вечером. На немецком!..

ЧАСТЬ 7. “ОДИССЕЯ СЫНА БОЯРСКОГО”

Глава 1. “Вьюга”.

- Ну, что же ты молчишь, Герман?..- все на том же языке спросил запорожец.

- Откуда... откуда знаешь ты имя это? - по-русски, тоном глубочайшего изумления спросил Ермак.

- Слышал вчера,- Богдан говорил медленно, подбирая в уме чужие слова,- как вы вчера в землянке говорили и как тебя старец называл...

- Во-он чего-о!... - изумленно протянул Ермак. И вдруг расхохотался:

- А и хват же ты, Богдане, ох и хват! Ну ни дать ни взять - сам Удача во младости! Да... - он помедлил и произнес:

- Ну, а коли так, что ж! Поведаю я тебе свою историю. Ее немногие знают,- батька твой, кой-кто из тех казаков запорожских, с кем был знаком я; из волжских же людей - един лишь Иван Кольцо... Ну, теперь вот и ты узнаешь.

- Ты можешь говорить по-немецки,- сказал запорожец,- этот язык, наверно, тебе родной. Только не торопись, помедленее, а то я не уразумею многого! Я в Вильне учил язык этот - да ведь давно уже, год почти...

- Нет, Богдане,- покачал головою атаман, и от молодого казака не ускользнула мелькнувшая в глазах его грусть,- нет. По русски мы с тобою говорить станем,- так понятнее тебе будет. Мы ведь, русские да запорожцы - братья, один, почитай, народ. Да и для меня так сподручнее будет, потому что язык русский для меня родной. На нем...- запнулся, точно поперхнувшись словом, Ермак, глотая подступивший к горлу комок,- на нем мои отец - мать говорили...

Богдан весь обратился во внимание - история обещала быть очень интересной! Атаман же помедлил, - или вспоминал что-то, или думал, с чего начать ему. Наконец вздохнул - и заговорил...

... Бушевавшая трое суток вьюга улеглась так же неожиданно, как и началась. Было три часа пополудни,- серую хмарь короткого декабрьского дня скоро сменят быстрые вечерние сумерки. Бледные лучи солнца, просачиваясь сквозь плотные серые тучи, скупо освещали бескрайнюю, засыпанную снегом равнину, кое-где изборожденную оврагами да перелесками. И, на сколь хватает глаз,- ни человека, ни следа; только мелькнет изредка небольшая деревенька, и все. Пусто. Пусто и тихо...

Порубежье!.. Три земли сходятся здесь: с северо-запада - Ливония, с юго-запада - Речь Посполитая и с востока - Русь. Здесь несет службу русское порубежное войско - охотники из стрельцов, детей боярских и городовых казаков, составляющие “украинную стражу”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.